Нескучное чтиво

精
氣
神
物

Лин Гамильтон

Китайский алхимик

ЛИН ГАМИЛЬТОН

КИТАЙСКИЙ АЛХИМИК

Москва
«Вече»

УДК 821-312.4
ББК 84(7Кан)
Г18

Перевод с английского Е.А. Моисеевой

Lin Hamilton
THE CHINESE ALCHEMIST
New York
Berkley Prime Crime edition
2007

Гамильтон, Л.

Г18 Китайский алхимик / Лин Гамильтон; [перевод с англ. Е.А. Моисеевой]. — М.: Вече, 2011. — 304 с. — (Нескучное чтиво).

ISBN 978-5-9533-6456-0

Антиквар Лара Макклинток должна приобрести на нью-йоркском аукционе старинную серебряную шкатулку династии Тан: по слухам, внутри шкатулки выгравирована алхимическая формула бессмертия. Однако неожиданно шкатулка исчезает и появляется вновь уже в Пекине, где вокруг этой старинной вещицы разгораются нешуточные криминальные страсти. Ларе предстоит отправиться в Поднебесную и разгадать тайну старинной китайской шкатулки...

Роман «Китайский алхимик» известной канадской писательницы Лин Гамильтон завершает цикл детективов о приключениях владелицы антикварного магазина Лары Макклинток.

УДК 821-312.4
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-9533-6456-0

Мэри Джейн Маффини,
коллеге и другу.

Пролог

Раньше я считал, что в бамбуковых зарослях на окраине нашего сада прячутся разбойники, а в колодце живет привидение. Но тетушка Чан рассказала мне о разбойниках. Думаю, она сделала это, чтобы меня напугать и чтобы я не уходил далеко от дома. Возможно также, что она не хотела, чтобы я заходил в ту часть наших владений. Разбойники не пугали меня. Я собирался, когда вырасту, стать храбрым воином на службе у императора, как Второй брат. Тогда у разбойников будут основания меня бояться.

Другое дело — привидение. Это была уродливая женщина с растрепанными волосами и глазами, которые прожигали тебя насквозь. Я так в этом уверен, потому что тетушка Чан видела привидение и страшно испугалась. Она сказала, что это человек, чья хунь[1] *покинула тело, и привидение не успокоится, пока не будут проведены необходимые обряды, а рот*

---

[1] Хунь — душа в китайских мифологических представлениях (*Примеч. переводчика*).

трупа не запечатают яшмой, чтобы хунь не смогла вырваться.

Иногда мне представлялось, что Первая сестра присоединилась к разбойникам в бамбуковых зарослях, а странный стук, который издают его стебли, когда дует ветер, не что иное, как послание Первой сестры ко мне. Понимаете, Первая сестра просто исчезла из моей жизни. Вот она только что была, а на следующее утро ее уже нет.

Если Первая сестра была не с разбойниками, значит, она сбежала в Веселый квартал, чтобы стать танцовщицей. Это тоже казалось мне увлекательным. Я решил, что когда повзрослею и смогу ходить по городу, поищу ее там. Она будет носить самые модные платья из тончайшего шелка с яшмой, жемчугом и перьями зимородка, а все мужчины будут хлопать, когда она танцует и поет. Танцевала и пела она очень хорошо, это я знал, поскольку часто наблюдал за сестрой, которая ни о чем не подозревала. Когда я найду ее, то тоже буду хлопать.

Я скучал по сестре. Она единственная играла со мной в садах и разрешала смотреть, как укладывает волосы в изысканные высокие прически. Больше всего она любила прически с цветами и часто украшала волосы своими любимыми пионами. Она говорила, что когда выйдет замуж, то сможет ходить по улицам с такими прическами. Она единственная из всей семьи играла со мной на снегу, в то время как остальные предпочитали прятаться от сквозняков за ширмами или греть руки над жаровней. Я был благодарен

сестре за эти минуты. Первый брат был слишком занят подготовкой к экзаменам для поступления на государственную службу и не обращал на меня внимания. Он сердился, когда я ему мешал. Он говорил, что его будущее зависит от успешной сдачи экзаменов. Мне было непонятно, почему он так говорит, ведь вместо этого можно было стать разбойником. Второй брат просто не обращал на меня внимания.

Из императорского дворца доносится бой барабанов. Скоро им начнут вторить все барабаны в городе, и двери кварталов закроют на ночь. Однажды Первая сестра вернулась только на рассвете. Отец всю ночь прождал у ворот, опасаясь, что Стража Золотой птицы найдет ее снаружи и станет бить, — двадцать ударов розгой за то, что она провела ночь за стенами своего квартала.

Вскоре после этого случая Первая сестра исчезла навсегда. Я так и не понял, почему она не попрощалась.

Глава 1

Первым признаком того, что что-то не так, стал телефонный звонок: незнакомец предлагал установить в моем доме детектор дыма. Я ответила, что это какая-то ошибка, хотя мой собеседник попросил к телефону именно Лару Макклинток. Он не сдавался. У него было мое имя, адрес и номер телефона. Я сказала: «Большое спасибо, но у меня уже есть детекторы дыма». На следующий день позвонил другой человек, который сказал, что желает узнать, когда можно забетонировать мой подвал. У меня в подвале прелестные мексиканские плитки в хорошем состоянии. Оба мужчины говорили с иностранным акцентом, происхождение которого я не смогла определить, и их голоса звучали так, словно у них в рот засунут носок. Через несколько часов после того как я случайно, а может, и не так уж и случайно, рассказала об этих звонках своему другу, Робу Лучке, сержанту Королевской канадской конной полиции, я оказалась в номере отеля.

Похоже, что Роб, которого я очень люблю, серьезно разозлил банду, терроризировавшую торговцев в Чайнатауне. Эти головорезы называют себя «Золотым лотосом», и это еще раз доказывает, что об организации нельзя судить по ее названию. Наверное, это работа Роба — злить плохих парней.

Однако я никогда не думала, что это коснется меня, если не считать того, что порой я страшно тревожилась за него, когда он был на задании.

— Почему я здесь? — спросила я тоном, который всегда у меня появляется, стоит мне лишиться присутствия духа. А разве может быть иначе, когда надо забрасывать вещи в чемодан, а потом бегать по всему дому и проверять, все ли выключено, чтобы детекторы не сработали по моей собственной глупости, а не вследствие злого умысла со стороны мужчин с носками во рту?

— Ты здесь потому, что очень плохие люди узнали, как ты для меня важна, — ответил Роб. — Вероятно, им известно, что я живу по соседству и часто остаюсь у тебя ночевать. Если бы ты позволила мне сломать стену, разделяющую наши дома, мне не нужно было бы шлепать к тебе по грязи в снег и дождь, встречаться со злыми окрестными собаками, и они бы этого не узнали.

— Если это уловка, чтобы заставить меня к тебе переехать, то она не сработает.

— Неужели? Они пытались сказать тебе, что сожгут твой дом с тобой вместе. Или же убьют тебя как-то иначе и закопают в собственном подвале.

— Сжечь мой дом! — воскликнула я. — Они этого не сделают. Наши коттеджи были построены в 1887 году, и их защищает Закон об историческом наследии провинции Онтарио.

— Закон об историческом наследии! Интересно, почему умники из Главного управления об этом

не подумали? Эти подонки занимаются вымогательством, грабят и убивают, когда им захочется, а нам так и не удалось их остановить. И вдруг ты со своим Законом об историческом наследии.

Я мгновение глядела на него. Роб, в отличие от меня, редко бывает язвительным.

— Тебя это действительно беспокоит, — заметила я.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты подумала, будто я беспокоюсь, — ответил он, отводя глаза.

— Я бы так никогда не подумала. Дженнифер ведь в безопасности?

— Не думаю, чтобы эти парни из «Золотого лотоса» отправились искать ее на Тайвань. По крайней мере, это нам на руку.

Дженнифер, дочь Роба, уже год преподавала на Тайване английский. Конечно, мы переживали за нее, но в данный момент Тавайнь казался безопаснее Торонто.

— Отлично. Все будет хорошо. И как же теперь мое имя?

— Чарлин Кран. Мы Герб и Чарлин Кран. Пожалуйста, не забудь подписывать так все счета.

— Краны платят за это? — спросила я.

— Конечно. Очень любезно с их стороны. Благодаря шефу у меня есть даже кредитка с именем Герба.

— И что теперь? Сокращенная версия программы по защите свидетелей, верно? Хотелось бы знать, сколько мы будем бездельничать в этом отеле? Я в отличие от тебя могу ходить на работу?

— Мое начальство приняло решение, что как полицейский под прикрытием я должен оставаться незаметным, а ты можешь ходить в свой магазин. Кто-нибудь будет следить за ним, и если вдруг что-то случится, мы придумаем другой план. Я знаю, что тебе не хочется слишком долго предоставлять вести дела этому доблестному Клайву.

Клайв Суэйн, мой бывший муж, — партнер в антикварной фирме, которая носит название «Макклинток и Суэйн». Нет, мне бы не хотелось оставлять Клайва в магазине одного слишком долго. Обычно, возвращаясь из поездок за предметами ценности, я нахожу магазин полностью переустроенным, что не всегда, а точнее сказать почти никогда, приходится мне по вкусу.

— Это не займет много времени. Мои коллеги примут меры в отношении этих людей, — закончил Роб.

— Что это значит?

— Что угодно. А пока у нас оплаченный отпуск. Посмотрим, что в гостиничном меню.

Несмотря на все удовольствия, которые можно получить от оплаченного проживания в милом отеле, когда каждый день для тебя кто-то готовит, убирает и застилает постель, могу вас уверить, что эта радость длится не более сорока восьми часов. После этого у вас начинается легкая клаустрофобия; еда, принесенная в номер, напоминает по вкусу тюремную, если, конечно, она на вкус именно такая, как я предполагаю; а человек, живущий с

вами в одном номере, начинает вам надоедать. Полагаю, это чувство было взаимным. Если мы когда-нибудь станем жить вместе, этот дом будет очень большим, что-то вроде дворца в Версале.

Итак, похоже, мое острое чутье ко всякого рода нюансам притупилось, и мне хотелось поскорее выбраться из этого места. Поэтому звонок в магазин в один из погожих осенних дней от Дороти Мэттьюз, известной своим друзьям как просто Дори, показался мне ниспосланным свыше, но в действительности обернулся ловушкой, которая, конечно, была приготовлена не для меня, но в которую я тем не менее попала.

— Я хочу попросить об услуге, — начала Дори.

— Давай.

— Это скорее даже предложение, хотя я была бы очень благодарна, если бы ты согласилась на него. Вообще-то у меня две просьбы. Не пообедаешь со мной у меня дома? Я должна тебе кое-что показать, а сегодня у меня разыгрался артрит. Как бы мне ни хотелось принести эту вещь к тебе в магазин, это было бы затруднительно. Час дня тебя устроит?

— Я приду.

Когда я приехала в начале второго, прислуга ставила на стол тарелку с сэндвичами и фруктами. Дори, сидя в кресле, трость рядом, тепло поздоровалась со мной. Впервые я встретила Дори, когда занималась поисками китайских бронзовых изделий для одного из клиентов «Макклинток и

Суэйн». В то время она была куратором отдела азиатского искусства в Коттингемском музее, куда ее переманил из одной из самых престижных канадских галерей майор Коттингем, когда только что основал музей для своей личной коллекции. Через пять лет отдел азиатского искусства не просто расширился, но и завоевал международное признание исключительно благодаря Дори. Все, что мне известно о китайском искусстве и предметах старины, я узнала от Дори Мэттьюз.

Люди, знавшие Дори лишь как выдающегося знатока китайской истории и искусства, бывали очень удивлены, когда встречались с ней лично, не ожидая увидеть перед собой китаянку. Имя Дори она получила от матери-англичанки, а фамилию Мэттьюз — от мужа, промышленника Джорджа Норфолка Мэттьюза. Дороти Чжан, или, точнее, Чжан Дороти, появившаяся на свет в 1944 году в Пекине, приехала с матерью в Англию в 1949-м, когда в Китае пришли к власти коммунисты, и в конце концов обосновалась в Канаде. Она рассказывала мне, как мучительно для них было покидать Китай. В царившем в те годы хаосе, когда столько людей стремилось уехать из страны, прежде чем коммунисты во главе с Мао Цзэдуном придут к власти, они с матерью потеряли отца. Больше Дороти его не видела. Ее убедили, что отец выжил, но предпочел остаться в Китайской Народной Республике. Какое-то время Дороти верила, что он занимал крупный пост в коммунистическом прави-

тельстве Мао, будучи его верным сподвижником, особенно во время «Длинного марша» 1934 года. Это было одно из самых известных стратегических отступлений в истории — марш в пять тысяч миль, который длился больше года, но позволил Мао прорвать линию Гоминьдана и со временем изгнать саму партию и ее лидера, Чан Кайши, из Китая на Тайвань, называвшийся тогда Формоза. Дори думала, что в Китае у нее могут быть и другие родственники, сводный брат или сестра, хотя она никогда не пыталась их найти. Мать Дори повторно вышла замуж, но был ли этот брак законен или нет, ни я, ни, возможно, даже сама Дори точно не знали. Думаю, она просто сказала, что ее брак с китайцем недействителен.

Когда мы оказались в комнате одни и я принялась уписывать ланч, Дори, не притронувшаяся к еде, заговорила.

— Уверена, ты знаешь, что не совсем этично со стороны куратора лично пополнять коллекцию в той области, в которой он работает. Мой муж несколько лет занимался коллекционированием, и я давала ему советы, когда могла, но только если предмет не принадлежал к области азиатского искусства. Однако теперь, когда я не связана больше ограничениями, я могу при желании заняться этим бизнесом. Ты со мной согласна?

— Конечно, почему бы и нет?

— Хорошо. Я переживала, что ты скажешь по этому поводу.

— Почему? Полагаю, ты не собираешься контрабандой вывозить ценности из страны или совершать покупки на черном рынке.

Дори помолчала.

— Знаешь, как разбогател мой отчим? — наконец спросила она.

Я решила, что хватит набивать рот чудесными домашними сэндвичами Дори, так приятно отличающимися от гостиничной еды, и начать слушать внимательно, поскольку эта беседа, казалось, меняет привычное русло и в ней скоро появятся подводные течения, возможно, довольно тревожные.

— Разве ты не говорила мне, что он импортировал после войны фарфор из оккупированной Японии? Или это был Гонконг?

— Из обеих стран. Так он зарабатывал на жизнь. А разбогател он благодаря ввозу редчайших китайских предметов старины, под которыми я подразумеваю старинные императорские сокровища, а иногда даже и кое-что более древнее; многие из них были контрабандой вывезены из Китая в Гонконг, где он грузил их на суда. В своих делах он использовал связи моей матери, некоего высокопоставленного чиновника из окружения Мао, который, как я пришла к выводу, был моим отцом. Если это так, то мой отец не испытывал угрызений совести, когда набивал карман, продавая то, до чего мог добраться, — а в его положении довольно до многого, — а отчим преспокойно вывозил это из страны и зарабатывал большие деньги.

— Знаю, что есть причины, по которым тебя это волнует, — осторожно начала я. — Правда, не уверена, что ты имела в виду под «контрабандой». Это вовсе не обязательно, когда речь идет о предметах из Китая, как тебе самой прекрасно известно. Было время, когда множество ценностей и старинных вещей были объявлены коммунистической партией остатками загнивающего империализма, и никого не волновало, если их вывозили из страны или даже уничтожали.

— Возможно, это приемлемо с точки зрения закона, но не морали, — возразила Дори. — Будет ли моя просьба в рамках закона? Конечно. В рамках морали? Полагаю, это зависит от того, что я решу делать с предметом, который ты достанешь для меня, если ты, конечно, на это согласишься. Я обещала тебе кое-что показать. Будь любезна, подойди к шкафчику из орехового дерева. Внизу слева лежит сверток. Принеси его сюда, чтобы мы могли посмотреть вместе.

В свертке оказалась изысканная прямоугольная серебряная шкатулка с закругленной откидной крышкой, по форме напоминающая ларец. На крышке была выгравирована птица, а с четырех сторон — женщины в саду.

— Можно открыть? — спросила я. Кажется, я говорила шепотом.

Дори кивнула. Внутри, по стенкам и дну, шкатулка была испещрена китайскими иероглифами. Я не могла их прочесть, но подумала, что это сумеет сделать Дори, и бережно закрыла шкатулку.

— Очень красивая. И очень старинная.

Я ждала, когда заговорит Дори.

— Династия Тан. Ты, конечно, знаешь эту эпоху.

— Не подсказывай. Я вспомню. Одну минутку, династия Тан — с 618 года по 907-й. Столица Чанань, на том месте, где сейчас Сиань. Ей предшествовала династия Суй, а после нее шла Эпоха пяти династий, а затем Сун, Юань, Мин и Цин. Я права?

Дори улыбнулась.

— Когда-то я думала, что ты никогда не запомнишь! Знаю, ты считала меня упрямой старухой, потому что я заставляла тебя учить все династии, но ведь если ты не знаешь династии, ты не знаешь китайскую историю и, естественно, не знаешь предметов китайской старины.

— Ничего подобного. Я никогда не считала тебя упрямой старухой, и мне приятно думать, что я твоя самая лучшая ученица, — ответила я, и Дори засмеялась, чего в последнее время я за ней почти не наблюдала.

— Наверное, так и есть.

Я еще раз посмотрела на шкатулку.

— Изысканная работа. Никогда не видела ничего, что хотя бы отдаленно напоминало такое. Но что именно ты от меня хочешь, Дори?

Вместо того чтобы ответить мне прямо, она медленно и мучительно потянулась к журнальной стойке у кресла и положила передо мной каталог ежегодного аукциона восточного искусства, про-

водимого в «Моулзуорт и Кокс» в Нью-Йорке. Желтым стикером была отмечена страница с изображением такой же серебряной шкатулки.

— Ты ее продаешь, — произнесла я. — Нет, минутку.

Я взглянула на стоявшую передо мной шкатулку. Она была примерно шесть дюймов в длину, четыре дюйма в ширину и примерно шесть или семь дюймов до вершины куполообразной крышки.

— Та, что выставлена на торги, очень похожа, но мне кажется, она чуть меньше.

— Ты очень наблюдательна, — ответила Дори. — И ты совершенно права. Они почти одинаковы, хотя, полагаю, внутри написан разный текст, рисунки на внешней стороне отличаются, и моя шкатулка чуть больше. Думаю, это шкатулки, которые вставляют одна в другую, как русские матрешки. Есть еще третья серебряная шкатулка больше моей и, возможно, четвертая из дерева, самая большая, по крайней мере, так говорил мой отчим, но, конечно же, дерево вряд ли сохранилось. Чего нельзя сказать о серебре при соответствующих условиях.

— Ты хочешь, чтобы я на следующей неделе отправилась в Нью-Йорк и купила для тебя эту шкатулку.

Моя фантазия разыгралась. Конечно, я остановлюсь в отеле, но это будет совсем другой отель. Мне не придется всякий раз, выходя на улицу, оглядываться назад в поисках бандитов, а в номере я не буду постоянно спотыкаться о ноги Роба.

— Ты согласна это сделать? Конечно, я оплачу твои расходы, а также заплачу дополнительно за потраченное время, а если шкатулка окажется у нас, ты получишь вознаграждение.

— Согласна. Узнаю, сможет ли Алекс несколько дней помогать Клайву в магазине. Мне бы хотелось приехать пораньше и предварительно исследовать вещицу, чтобы убедиться, что она подлинная.

— Тебе следует отправиться прямо сейчас, — сказала Дори. — Подлинная ли она? Я почти уверена в этом. Видишь ли, эта серебряная шкатулка перед нами — одна из трех, что мой отчим вывез в Гонконг, а оттуда в Северную Америку, где они одна за другой были проданы с аукциона в середине семидесятых. Полагаю, отчим думал, что сможет получить больше, продавая шкатулки по отдельности, хотя я не уверена, что он был прав. Джордж, мой муж, купил ее на аукционе около десяти лет назад. Я когда-нибудь показывала тебе его коллекцию? Пожалуйста, взгляни в соседней комнате.

Вдоль стен стояли встроенные стеллажи, разделенные на ячейки в двенадцать дюймов каждая за стеклянными дверцами. В каждой ячейке находился один освещенный сверху предмет. Вдоль неосвещенной стены экспонаты стояли в запечатанных витринах, в каждой из которых поддерживалась нужная влажность и температура.

— Можно включить свет на торцевой стене? — крикнула я, и когда Дори дала свое согласие, нажала на кнопку выключателя. Все экспонаты были

очень, очень древними: несколько старинных серебряных чаш, пара золотых шкатулок и множество удивительных предметов, назначение которых я не могла определить. Мне понадобилось некоторое время, чтобы разобраться в этом.

— Какие-то медицинские инструменты, — наконец произнесла я.

— Верно, — отозвалась Дори из-за стены. — Мой муж, как тебе известно, возглавляет международную фармацевтическую компанию и собирает предметы, имеющие отношение к его бизнесу. Там есть формы для пилюлей, очень старинные спринцовки, мензурки и коробочки, в которых хранились лекарственные травы. Это довольно обширная и необычная коллекция. Некоторым предметам более двух тысяч лет.

— Возможно, им место в музее, — предположила я.

— Джордж наконец-то согласился, чтобы после его смерти они были переданы в музей.

— Надеюсь, у вас хорошая охранная система.

— Да. Я отключила ее, чтобы ты смогла осмотреть коллекцию. Обычно дверь в эту комнату запирается.

— А эта шкатулка тоже имеет отношение к медицине или же просто случайно попалась твоему мужу?

— Внутри шкатулки описан процесс приготовления некоего вещества, — ответила Дори. — Там сказано, что нужно нагревать какие-то точно не

установленные ингредиенты в запечатанном сосуде в течение тридцати шести часов, а затем принимать полученное вещество в течение семи дней. Джордж решил, что речь идет о приготовлении лекарства, поэтому и купил шкатулку. Она из Китая, поэтому он не говорил со мной о ней по причинам, о которых я уже упоминала. Я сразу же узнала ее. Я видела все три шкатулки у отчима. Я просто влюбилась в них, но он их продал, несмотря на мои возражения. Джордж нашел вот эту, вторая всплыла в Нью-Йорке, и я хочу, чтобы ты ее купила, а третью я надеюсь найти прежде, чем умру. Возможно, мы с Джорджем, а теперь еще и ты, единственные, кто знает, что эта шкатулка — часть набора. Когда я найду все три, я собираюсь передать их историческому музею Шаньси в Сиане. Хочу, чтобы они отправились на родину.

— Очень великодушно. Но это обойдется недешево. Подумай, сколько тебе придется за все заплатить. Мы зарегистрируем тебя как не участвующего в торгах покупателя, подтвердим твою платежеспособность в «Моулзуорт и Кокс», а также я договорюсь, чтобы во время аукциона я могла связываться с тобой по телефону. Как только вернусь в магазин, сразу же закажу билеты.

Дори кивнула.

— Спасибо, но я не желаю регистрироваться как покупатель. Я переведу на твой счет солидную сумму, и покупателем будешь ты. Не хочу, чтобы кто-то знал, что я собираюсь приобрести шкатулку.

— Я ведь могу отправиться с твоими деньгами в Бразилию.

— Можешь, но я знаю, что ты этого не сделаешь. Кстати, вполне возможно, что за шкатулкой будет охотиться и Бертон Холдиманд, представляющий Коттингемский музей. Надеюсь перебить их цену. Мне бы очень не хотелось, чтобы доктор Холдиманд узнал о моем участии в торгах.

Я раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Мне хотелось знать, является ли это последнее условие именно той услугой, о которой собиралась просить меня Дори. Дело в том, что когда майор Коттингем умер и должность главы совета директоров перешла к его военному трофею, жене Кортни, было принято решение, что музею нужны новые силы. В случае с Дори, которая тогда была куратором отдела азиатского искусства, этой новой силой явился Бертон Холдиманд. Все прошло довольно помпезно, в истинном коттингемском духе, с изысканным прощальным ужином для Дори и преподнесенной в дар акварелью работы одного из ведущих китайских живописцев девятнадцатого века. Было произнесено множество речей, в том числе и весьма великодушная речь самой Дори, которая пожелала Бертону удачи на оставляемом ею посту. И только самые близкие знали, что Дори была раздавлена. К ее чести, надо сказать, что мы никогда не слышали, чтобы она критиковала политику музея или Бертона Холдиманда, получившего ее место.

Ей понадобилось время, чтобы вернуть себе утраченное равновесие, если это вообще было возможно. Первое время она приходила и просто сидела на стуле в «Макклинток и Суэйн», болтая с моим соседом, порой работавшим в магазине, Алексом Стюартом, человеком преклонного возраста. Мы с Клайвом были рады ее приходу, и уж конечно, присутствие Дори не мешало покупателям. Единственным из всего коллектива фирмы «Макклинток и Суэйн», который относился к ней с прохладцей, был рыжий кот Дизель, охраняющий магазин. Несомненно, причиной такого отношения было то, что Дори постоянно гладила и тискала Дизеля, а он это просто ненавидит. Стоило Дори появится в дверях, как Дизель распространял все свое внимание и дар распознавать воришек на подсобное помещение.

Не знаю, связано ли это с отстранением от должности, но артрит Дори, которого она почти не замечала во время работы, разыгрался во время ее вынужденной отставки, и вскоре ей пришлось отказаться даже от походов в наш магазин. Мне было жаль Дори, не в последнюю очередь потому, что я считала Бертона хуже Дори. Оставить его с носом доставило бы мне большое удовольствие.

Когда я прилетела в Нью-Йорк, там было очень тепло для этого времени года. Восточный аукцион «Моулзуорт и Кокс» был первым в этом сезоне и привлек всеобщее внимание. Выставлялось несколько замечательных предметов, и работники

аукциона по праву гордились собой, поскольку им удалось привлечь внимание «Нью-Йорк Таймс». К несчастью, фотографию серебряной шкатулки тоже напечатали, так что определенно у меня появится больше конкурентов.

Так или иначе, аукцион заинтересовал множество людей, как представителей крупных музеев, так и обычных сомнительных личностей, выражаясь языком коллекционеров. Во время предварительного осмотра первым, кого я увидела, был куратор из Смитсоновского музея. Вторым на глаза мне попался доктор Бертон Холдиманд.

Назовите имя Бертона Холдиманда в узких кругах, и вы услышите множество совершенно полярных точек зрения. А именно: Холдиманд невероятно талантлив, возможно, даже гениален, и ему следует простить некоторые чудачества. Или: Холдиманд, может, и талантлив, но это один из самых амбициозных людей из всех музееведов, и горе тому, кто встанет у него на пути. И наконец: Холдиманд не столько чудак, сколько серьезно больной человек.

И все это было правдой. Холдиманд появился в Коттингеме с репутацией эксперта в области китайской старины, и я ни разу не слышала, чтобы кто-то усомнился в его профессионализме. Я редко имела с ним дело, но должна была признать, что он не зря занимает свой пост. Вне всякого сомнения, он был честолюбив. Не успел он возглавить китайский отдел, как устремил свои помыслы к

отделу мебели. Пока куратору удавалось отражать его натиск, но я не была уверена, что это продлится долго. Кажется, Бертон умел войти в доверие к вышестоящим лицам, где бы ни работал, и обычно получал, что хотел.

Однако мало кто мог отрицать, что Холдиманд — очень странный человек. Дело в том, что он панически боялся микробов. Даже в самую теплую погоду, — а тот день в Нью-Йорке не был исключением — он носил шарф, почти всегда небесно-голубого цвета, и перчатки. Конечно, музееведы часто надевают перчатки, чтобы не повредить экспонаты, когда берут их в руки. Но я сейчас не об этом. Холдиманд носил перчатки постоянно, резиновые хирургические перчатки, которые снимал, как это делают врачи: вытягивая из перчатки руку так, чтобы голыми пальцами не коснуться ее внешней стороны. Холдиманд надевал их под зимние перчатки. Также, если верить сотрудниками Коттингемского музея, он каждый вечер перед уходом и даже приходя утром опрыскивал стол и все предметы на нем дезинфицирующим средством. Понятия не имею зачем, если только он не думал, будто отвечающие за уборку сотрудники ночью работали в его кабинете.

Если вы приходили на совещание в его кабинет, что случалось нечасто, так как почти невозможно было соображать под монотонное гудение огромного воздухоочистителя, он, вероятно, опрыскивал после вас стул. Он постоянно принимал какие-

нибудь лекарства или витамины. Его помощница, некая Марла Чэппел, говорила, что в шкафу шефа полно разнообразных лекарств, гомеопатических и всяких других. Она также уверяла, что Холдиманд никогда не пользовался туалетами в Коттингеме, как для персонала, так и общественными. К счастью, он жил поблизости и, очевидно, имел очень крепкий мочевой пузырь, чтобы дотерпеть до обеда и до вечера. Вероятно, именно поэтому никто никогда не видел его с чашкой кофе.

Во время эпидемии гриппа он дополнял шарф хирургической маской. Когда в Торонто случилась ужасная вспышка атипичной пневмонии, он взял больничный, спрятался в своем викторианском таунхаусе в квартале Аннекс и не выходил оттуда, пока опасность не миновала. Правда, сообщение о миновавшей опасности оказалось несколько преждевременным, отчего, вероятно, Бертон был на грани нервного срыва, поскольку слишком рано покинул свое убежище. Однако он выжил. Мы решили, что он создал дома значительные запасы еды, чтобы пережить нашествие микробов. Уверена, он не стал бы заказывать пиццу.

Несмотря на все это или, возможно, именно поэтому, Бертон, казалось, болел чаще, чем обычные люди. У него вечно был то кашель, то насморк, головная боль или проблемы с желудком.

И все же Бертон знал свое дело. Он твердо намеревался собрать в Коттингемском музее коллекцию времен династии Тан, и, пока Дори рассказывала

мне, что серебряная шкатулка как раз принадлежит к той эпохе, Бертон прямиком направился за ней. Во время предварительного осмотра он, в отличие от некоторых других покупателей, не делал вид, что ему это неинтересно. Под бдительным оком сотрудника «Моулзуорт и Кокс» Бертон взял шкатулку в руки — ему позволили это сделать, поскольку он был в перчатках — и с трудом смог скрыть свое ликование. И только тщательно рассмотрев ее в лупу, как и я за пару минут до него, он заметил меня.

— Лара! Какой сюрприз.

Впервые в жизни Бертон выглядел лучше меня, он, можно сказать, излучал здоровье: небольшой загар, осенью говоривший о том, что он достаточно погрелся на солнце, но не слишком, и пружинистая походка. А я была простужена уже пару недель. Сейчас это было досаднее, чем когда-либо, и свое состояние я приписывала затхлому гостиничному воздуху, но ничего не могла поделать и продолжала время от времени прочищать нос. Недомогание сделало меня ворчливой, и вид не очень-то приятного мне человека в добром здравии вызвал раздражение.

Не стоит и говорить, что Бертон не протянул мне руки, поскольку, войдя в комнату, я умудрилась два раза чихнуть. Возможно, он и был в перчатках, но не я. Бертон говорил довольно громко, поскольку у него была привычка стоять на почтительном расстоянии от собеседника. Наверное, кто-то ска-

зал ему, что микробы могут разлетаться не более чем на шесть футов, потому что именно на такое расстояние он всегда отходил. Должно быть, ему было нелегко на вечеринках в Коттингеме, устраиваемых в честь важных дарителей.

— Ищешь что-то особенное? — поинтересовался он.

— Думаю, то же, что и ты, — ответила я.

— Вазу из перегородчатой эмали? — с напускной скромностью спросил Бертон.

— Точно.

— Ого! — весело воскликнул Бертон. — «Макклинток и Суэйн» нацелились на более обеспеченных клиентов? Не хочу тебя расстраивать, но начальная цена этой вазы состоит из шести цифр.

— Цена вазы из перегородчатой эмали? Многовато, не правда ли?

Вот и попался. Запутался в собственной лжи.

— Знаю, что ты приехала за серебряным коффрэ бижу.

Если можно применить какой-нибудь причудливый термин, в данном случае «шкатулка для драгоценностей» по-французски, Бертон обязательно его применит.

— Тебе меня не одурачить. Но и ее ты не сможешь себе позволить.

— Верно, Бертон. При обычных обстоятельствах нет, но сейчас я совершаю покупку для клиента, приятно это сказать. Деньги не мои, так что проблемы не возникнет.

На доверительном счете у меня лежало полмиллиона долларов, хотя я пообещала Дори, что постараюсь потратить как можно меньше.

— Ясно. Но мне все равно кажется, что у тебя нет таких средств, как у Коттингемского музея. Надеюсь, ты не расстроишься, если шкатулку куплю я. В любом случае так будет лучше. У нас общественное учреждение, поэтому полюбоваться этим шедевром сможет больше людей. Она станет ведущим экспонатом нашего отдела азиатского искусства. Ты ведь знаешь, что музей пытается приобрести для каждого отдела по меньшей мере один экспонат международного значения. Теперь у нас будет Линфэй.

Я все прекрасно знала о ведущих экспонатах. Меня однажды чуть не убили из-за одного такого экспоната — статуэтки из бивня мамонта под названием «Мадьярская Венера», которой было двадцать с чем-то тысяч лет, хотя о Линфэй я не имела ни малейшего понятия.

— Мой клиент тоже собирается передать шкатулку в один уважаемый музей, — сказала я. Возможно, я чуть подчеркнула слово «уважаемый». Холдиманд решил разозлить меня.

— Полагаю, ты не назовешь мне имя своего клиента, — произнес он, делая вид, что не заметил моего пренебрежительного тона.

— Полагаю, что нет, — ответила я.

— Знаешь, правила аукционов о неразглашении этой информации не касаются тебя.

— Какое это имеет значение, Бертон? Мой клиент хочет остаться неизвестным, и я не собираюсь ничего тебе говорить.

— Что ж, пусть тогда победит сильнейший. — Голос у Бертона был очень самоуверенный. В отместку я со своими микробами сделала два шага к нему и протянула руку. Он побелел, махнул рукой, перекинул через плечо небесно-голубой шарф и поспешил прочь.

— Увидимся в четверг вечером, — крикнул он с безопасного расстояния. — Надеюсь, тебе будет лучше. Надо бы заняться своей простудой. Мой совет — женьшеневый чай. Тебе надо укрепить иммунную систему.

— Я принимаю эхинацею, — ответила я. Вообще-то мое любимое лекарство от простуды — теплый виски с медом и лимоном на ночь, но вряд ли это произвело бы на Бертона впечатление.

Однако эхинацея тоже не произвела на него впечатления, и он пренебрежительно махнул рукой.

— Боюсь, уже слишком поздно. Если бы ты была знакома с медицинской литературой эпохи Желтого императора, то знала бы, что причиной твоей болезни является нарушение равновесия ци. Надо лечить не болезнь, а скорее устранять причину. Другими словами, необходима профилактика, а не лечение. Ты должна сказать «да» отличному здоровью.

— Уверена, ты прав, Бертон, — отозвалась я, подумав, что все, что мне нужно, это стать удачливым

покупателем серебряной шкатулки. Возможно, я сейчас и простужена, но мне все равно, и я буду чувствовать себя лучше Бертона с его гармоничным ци. Шкатулка и благополучное возвращение домой помогут сделать мою жизнь длиннее.

— Тогда прощай, моя наложница, — произнес он, послав мне воздушный поцелуй.

— В твоих мечтах, Бертон, — ответила я и услышала, как он усмехнулся. Трудно представить себе Бертона с близким человеком. Ведь кругом столько микробов!

— Вы не знаете, кто такой Желтый император? — обратилась я к представителю «Моулзуорт и Кокс», молодому человеку по имени Джастин, который сопровождал меня, пока я рассматривала товары.

— Понятия не имею. Но если вас интересует бессмертие, возможно, я сумею вам помочь.

Я мрачно поглядела на него.

— Шутка. Внутри этой шкатулки написан рецепт эликсира бессмертия. Чтобы его прочесть, понадобится лупа, если вы, конечно, умеете читать по-китайски. Если вам интересно, я принесу перевод.

И Джастин подал мне копию перевода. Действительно, это был рецепт. Очевидно, в состав элексира бессмертия входили жидкое золото, реальгар, киноварь, соль и размолотые устричные раковины.

— К сожалению, точных пропорций и способа приготовления не указано, — хмыкнул Джастин.

Я могла бы ему ответить: надо нагревать смесь в запечатанном контейнере в течение тридцати шести часов, а затем принимать семь дней. По словам Дори, это было написано на шкатулке из коллекции ее мужа. Действительно, очень занимательные шкатулки.

— Не знаю ничего о жидком золоте. Зачем его пить, если можно надеть на себя, — добавил Джастин, отвернув манжету рубашки, чтобы показать внушительные золотые часы.

— Киноварь, — произнесла я. — Я знаю, что это. Восхитительный красный цвет, но если ее нагреть, получится что-то вроде ртути.

— А реальгар — это мышьяк, — заметил Джастин. — Я узнавал.

— Значит, если все это смешать и пить какое-то время, бессмертие вам обеспечено, только, возможно, не такое, какое имел в виду человек, написавший рецепт.

— Возможно. Я расскажу вам об этой шкатулке. Она была изготовлена во времена правления династии Тан, а именно, как мы полагаем, в правление императора Сюаньцзуна, известного как Просветленный государь. Он упомянут в тексте внутри шкатулки. Правил с 712 по 756 год. Также нам известно, что шкатулка, скорее всего, принадлежала кому-то по имени Линфэй, вероятно, важной персоне при дворце Просветленного государя.

Все это было очень интересно, особенно потому, что нельзя не любить человека, который на-

зывал себя Просветленным государем. Дори дала мне значительно меньше сведений, и теперь мне было понятно упоминание Бертона о Линфэй. Помимо исторической ценности, шкатулка была еще и очень красива. На крышке выгравирована птица, волшебный журавль, символ бессмертия в эпоху Тан, по крайней мере так сказал Джастин. На стенках были изображены знатная женщина, судя по описанию, и ее служанки, некоторые играли на музыкальных инструментах. Пожалуй, эта шкатулка была еще красивее, чем у Дори, наверное, из-за меньшего размера и более изысканной резьбы. Другими словами, шкатулке не было цены. Однако кто-то ею все же обладал и хотел ее продать. Начальная цена — 200 000 долларов, что уже было известно нам с Дори, а предпродажная оценка составляла 300 000 долларов. Бертон и я не были единственными, кого заинтересовала эта вещица.

Молодой человек лет тридцати, азиатской наружности с модно постриженными, торчащими «ежиком» черными волосами, проявлял к шкатулке выраженный интерес, все время продвигаясь ближе, пока Джастин беседовал со мной. Одет он был очень модно, я бы сказала «Хьюго Босс», если бы только даже с расстояния в несколько ярдов не была уверена, что это подделка. Качество говорит само за себя, и я могу отличить подделку за милю. Поскольку Китай производит множество поддельных товаров, начиная с «ролексов» и за-

канчивая товарами фирмы «Найк», такое вполне возможно. Но если ты не можешь себе позволить авторскую вещь, тогда ежегодный аукцион «Моулзуорт и Кокс» не для тебя, разве что у тебя есть богатый покровитель.

Мистер Подделка пытался сделать вид, что его интересует что-то другое, а именно великолепная ваза из перегородчатой эмали, насчет которой обманул меня Бертон, династия Цин, произносится «Чин», 1644—1912 годы. Дори будет мною гордиться. Интерес азиата к вазе был столь же фальшивым, как и его костюм. Очевидно, что его интересовала серебряная шкатулка эпохи Тан. Я думала, что у него нет ни единого шанса.

В четверг вечером я находилась в своей излюбленной позиции в конце зала, ожидая появления серебряной шкатулки. Мне выдали карточку с номером, и я была готова поднять ее в нужный момент. Я призвала на помощь инстинкт убийства, что в общем-то было нетрудно сделать. Надо было лишь подумать о тех головорезах, которые собирались спалить мой исторический коттедж вместе со мной.

Бертон тоже был в конце зала, но в том его углу, откуда было не очень хорошо видно, но зато по обе стороны от него находились пустые места, обеспечивая защиту от микробов. Он держал мобильный телефон, но я не думала, чтобы Бертон собирался спрашивать у Кортни Коттингем, сколько заплатить. Он сам прекрасно знал, сколько может потратить. И хотя мысль была для меня мучительна,

скорее всего, Бертон способен потратить больше Дори с деньгами отчима и мужа.

Мистер Подделка, азиат с «ежиком» и в фальшивом костюме под «Хьюго Босс», тоже присутствовал в зале и держал карточку с номером. Это означало, что он действительно был заинтересован каким-то лотом, возможно, серебряной шкатулкой, хотя я и думала, что ее он не может себе позволить. Наверное, надо было повнимательнее посмотреть на его костюм, а может, мой нюх на подделки распространялся только на мебель, а не на одежду. Или же поддельный костюм специально был предназначен для того, чтобы вводить в заблуждение людей вроде меня.

Шкатулку эпохи Тан должны были выставить на продажу довольно поздно вечером, но мы с Бертоном были в зале с самого начала, когда выставили первый экспонат, красивый и представляющий интерес для коллекционеров бронзовый цзя, сосуд на трех ножках для подогревания вина эпохи Шан или, как учила меня Дори, восемнадцатого—двенадцатого веков до нашей эры.

Я позвонила Дори, которая была дома в своем кресле, сказать, что аукцион вот-вот начнется, стараясь не называть ее по имени на случай, если Бертон вдруг подслушивает разговор.

— Ты выяснила, кто еще может претендовать на шкатулку? — спросила она.

— Коттингемский музей из Торонто, — аккуратно ответила я. Без сомнения, Бертон напряжен-

но прислушивался к разговору, и мне не хотелось, чтобы он подумал, будто мой клиент знает его имя. — На предварительном осмотре был также еще один мужчина. Он в зале, но вряд ли сможет позволить себе покупку.

— Молодой?

— Не знаю, лет тридцать, наверное. А еще есть телефонный покупатель. Мне сказали об этом, когда я приехала. Понятия не имею, кто он.

— Телефонный, — повторила Дори. — Там есть азиаты, претендующие на покупку?

— Только один, тот самый молодой человек, о котором я уже говорила, но, похоже, ему тут не место.

— Ясно. — Дори закашлялась. — Прошу прощения. Мне надо налить воды, — выдохнула она. — Позвони, когда начнутся торги.

— Не беспокойся.

После перерыва, когда примерно половина аукциона была позади, ситуация резко изменилась. Джеральд Кокс из «Моулзуорт и Кокс» сообщил нам, что один предмет сняли с аукциона. Рядом со мной Бертон нервно перебирал бумаги, что-то разворачивая, скорее всего, таблетку от кашля, поскольку весь вечер то и дело очень противно прочищал горло. Наверное, в этот день он забыл сказать «да» отменному здоровью. Но как только заговорил Кокс, шуршание прекратилось.

— Боюсь, что момент для такого сообщения крайне необычен. Владелец только что снял с аук-

циона лот номер 83, серебряную шкатулку эпохи правления императора Сюаньцзуна из династии Тан.

Бертон выронил ручку, и она покатилась ко мне. Мистер Подделка, сидевший прислонясь к стене, досадливо хлопнул по ней карточкой с номером.

Я перевела дух и набрала номер Дори, услышав в трубке ее тяжелый вздох.

— Прости.

Ее разочарование передалось мне.

— Ты не должна извиняться, — тихо ответила она. — Как-нибудь в другой раз.

Но для Дори другого раза уже не было, потому что она умерла через десять дней.

Глава 2

Конечно, жизнь не всегда складывается так, как мы надеемся, особенно когда мы строим планы, не зная того, что задумали для нас другие. Мне не было суждено стать солдатом, как мой брат, или чиновником, снующим по коридорам дворца Драгоценной супруги императора, где, как рассказал Первый брат, решается судьба страны. Оба моих брата сделали успешную карьеру, особенно Второй брат, который на северной границе в часы досуга торговал с караванами на Шелковом пути или, принимая во внимание то, что человек он был непутевый, грабил их, собирая значительные богатства. К деньгам, которые он присылал семье, все относились с уважением, невзирая на то, каким способом они были добыты. Мой отец пристрастился к азартным играм и часто спускал большую часть семейного дохода. Я бы сказал, нас можно было назвать обедневшими аристократами.

Нет, моя судьба была предрешена задолго до моего рождения. Члены нашей семьи издавна служили в императорском дворце. Меня должен был усыновить У Пэн, влиятельный сановник. У был придворным евнухом. И я тоже должен был стать евнухом.

Когда в мой десятый день рождения меня отправили к У Пэну, я не понимал, кто такой евнух. Вскоре мне предстояло это узнать. Первый брат, у которого уже была жена и две наложницы, сказал, чтобы я смирился со своей участью, как подобает мужчине, — наверное, он так пошутил. Родители просили меня быть храбрым, говорили, что это великая честь. Ради чего быть храбрым? Какая честь? Мне ответили, что ближайшим советником и доверенным лицом Сына Неба был евнух настолько могущественный, что ему дозволялось входить в опочивальню императора. Мне рассказали, что жизнь в императорском дворце зависела от мастерства евнухов, а также деяний знатнейших мандаринов, одним из которых так стремился стать Первый брат. Я ничего не понял из этих разговоров. Но я знал, что до моего отъезда мать плакала несколько ночей.

Возможно, и Первой сестре они сказали, что служить императору — большая честь. Так оно и было.

У Дори случился обширный инфаркт, и она умерла дома, в своем любимом кресле. Несколько лет у нее были проблемы с сердцем, но она никогда мне о них не говорила. Прислуга нашла ее, вернувшись домой с покупками. В это время муж Дори был в своем клубе. Она умерла в одиночестве. Конечно, присутствие Джорджа или прислуги ничего бы не изменило. Врачи сказали, что ничего нельзя было сделать. Это был настоящий шок. Дори выглядела

моложе своих лет, но все равно ушла слишком рано. Больше всего на свете я винила Коттингемский музей, уверенная, что Дори была бы жива, если бы ей позволили работать, сколько она пожелает, или хотя бы несколько лет до ее шестидесятипятилетия. Роб, Клайв, Алекс Стюарт и я были на похоронах. Из Коттингемского музея не пришел никто из знакомых мне людей, и уж конечно, не было Бертона Холдиманда.

Я также винила человека, который передумал продавать свою шкатулку эпохи Тан. Аукционный дом не разглашал имен, что являлось стандартным правилом, поэтому этот человек оставался безымянным и безликим. Однако я все равно злилась. Дори так хотелось получить эту шкатулку, собрать все три шкатулки, похищенные, по ее мнению, отчимом из Китая. Возможно, если бы мне удалось достать эту вещицу...

Мужа Дори, Джорджа Норфолка Мэттьюза, я впервые увидела на похоронах. Выглядел он старше своей жены лет на десять и казался очень опечаленным, но не смертью Дори, а жизнью. Не знаю, почему я так подумала. У него было полно денег, и Дори всегда с любовью говорила о нем. В ее старом кабинете в Коттингеме и дома было полно фотографий, изображавших их вдвоем. Из Флориды приехала их дочь Эми, врач. Ее я тоже видела впервые. Она была похожа на отца, и я знала, что Эми развелась с мужем. С ней был молодой человек, в котором я узнала любимого внука Дори, Джорджа,

названного в честь деда, но которого она всегда называла Джорди. Джорди унаследовал внешность предков Дори, то есть был больше похож на азиата. Это был очень привлекательный юноша из тех, по каким сходят с ума все девушки. Присутствовал и сводный брат Дори, Мартин Джонс. У меня не было возможности поговорить ни с кем из них.

Несколько недель спустя, когда похороны Дори остались далеко позади, я по-прежнему, к своему неудовольствию, притворялась Чарлин Кран. Обещание Роба разобраться с этими плохими людьми заняло намного больше времени, чем мы предполагали. Мы переехали в маленькую квартирку, что было неплохо, потому что мы бы убили друг друга, проведи мы еще несколько дней в одном номере. Единственным хорошим известием, с моей точки зрения, было то, что мой прелестный коттедж по-прежнему оставался на месте. Время от времени кто-то из коллег Роба заглядывал туда, чтобы забрать мою почту. Никакого нового цементного пола в подвале. Никакого дыма в гостиной. Возможно, Закон об историческом наследии оказался сильнее, чем думал Роб.

И тем не менее я медленно, а может, и не столь уж медленно, сходила с ума. И снова мне на помощь пришла Дори, конечно, не сама, а в лице некоей Евы Рети, адвоката «Смит, Джонсон, Макдугалл и Рети».

Госпожа Рети сообщила мне, что она исполнитель завещания Дори и надеется на встречу в агент-

стве в центре города по делу, которое, она в этом уверена, меня заинтересует. Говорила она несколько бесцеремонно и заставила меня прождать пару минут в приемной. С ней был Джордж Норфолк Мэттьюз. Он держал шкатулку длиной примерно восемь дюймов, обернутую серым шелком. После обмена обычными приветствиями и любезностями он передал шкатулку мне.

— Дори хотела, чтобы вы их взяли, — сказал он. — Они принадлежали ее матери.

В шкатулке оказалась длинная нить прелестных жемчужин очаровательного сливочного оттенка с красивой застежкой.

— Я не могу это принять. Их захочет взять ваша дочь.

— Она предпочитает менее традиционный дизайн. И потом, она уже и так получила от матери много драгоценностей. Она будет очень рада, если вы примете этот подарок.

— Я буду их беречь. Знаете, я продаю старинные ювелирные украшения, но лично у меня их немного, а эти жемчужины уникальны и представляют для меня большую ценность, потому что их оставила мне Дори.

Впервые после моего прихода госпожа Рети и Джордж улыбнулись. Очевидно, моя искренняя благодарность немного растопила лед.

— Нам надо обсудить с вами еще кое-что из завещания Дори, — сказал Джордж. — Это я предоставлю Еве.

Госпожа Рети поерзала в кресле, прежде чем приступить к делу.

— Серебряная шкатулка эпохи Тан снова появилась на рынке. Через две недели ее выставят на аукционе в Пекине.

— Это очень интересно. Но, думаю, просьба Дори уже не актуальна, и хотя я бы с удовольствием приобрела эту восхитительную шкатулку, мне это не по силам.

— Миссис Мэттьюз позаботилась о том, чтобы приобрести эту шкатулку, а также третью, большего размера, если они вдруг появятся на рынке. Как вам известно, она считала, что все шкатулки должны быть вместе. Она также позаботилась о том, чтобы оплатить ваши расходы на поездку в любое место земного шара для покупки шкатулок, а также о солидном вознаграждении, когда вы их приобретете.

— Это нелепо, госпожа Рети. Я хотела сказать...

— Это необычно, но отнюдь не нелепо. Прошу, называйте меня Евой. Я могу называть вас Ларой? Дори так много о вас рассказывала, что мне кажется, будто мы давно знакомы.

Я кивнула. Внутри меня зашевелилась тревога. Кажется, это наваждение продолжалось и после смерти Дори, и я не была уверена, хочу ли быть втянутой.

— Для этой цели Дори обозначила в завещании солидную сумму денег. Могу вам сказать, что она семизначная, и при необходимости к ней возможно

прибавление. По условиям завещания вы должны консультироваться со мной по вопросам цены, но будьте уверены, что я готова верить вам на слово. Я ничего не понимаю в таких вещах и знаю, что Дори безоговорочно доверяла вашему суждению. Она хотела получить эти шкатулки, невзирая на их стоимость, поэтому моя роль будет лишь второстепенной.

— Джордж, что вы об этом думаете? — спросила я. — Как считает ваша дочь?

— У Дори были свои деньги. Она унаследовала их от отчима. Вероятно, вам известно, что мне деньги не нужны.

— Простите. Но мне кажется, вы не ответили на мой вопрос.

Джордж раздумывал несколько мгновений. У него был очень уставший, почти изможденный вид, на лице пролегли глубокие морщины. Казалось, он пытается подобрать нужные слова, но затем он распрямился и произнес:

— Я готов принять любое желание Дори. Наша дочь считает так же. Она преуспевающий врач и, как и ее отец, может себе позволить потакать желаниям матери. Нам известно, что деньги, предназначенные для этой цели, будут на какое-то время заморожены и, если у вас все получится, пойдут на осуществление желаний Дори. Других наследников нет. Ева, расскажите Ларе подробности.

— Серебряная шкатулка будет выставляться в Пекине, как я уже говорила, в аукционном доме, —

минуточку, посмотрю в своих записях, — «Дом драгоценных сокровищ». Конечно, это перевод. По-китайски я не стала бы даже пытаться произнести. Но название прелестное, не правда ли? Давайте, чтобы было проще, называть его «Сокровища». Надеюсь, вы сможете попасть туда и приобрести шкатулку. Если вам не повезет, вы все равно получите гонорар за потраченное время, который, думаю, вас удовлетворит. Если же вам удастся купить шкатулку, вы получите вознаграждение в десять процентов от ее цены, которая, если я правильно поняла аукционную терминологию, включает и премию покупателя.

— Верно, — ответила я. — Цену составляют высокая заявка, а также премия покупателя в десять процентов, плюс соответствующие налоги. Получится приличное вознаграждение. Вы уверены?

— Дори ясно выразила свое желание. Она была совершенно уверена, что вы достанете для нее эти шкатулки, — ответила Ева, а Джордж кивнул. — Еще вопросы?

— Я не говорю по-китайски.

— Это поправимо.

— Меня беспокоит и кое-что еще. Дори хотела, чтобы шкатулки вернулись в Китай. Эта шкатулка сейчас там. Так что...

— Но она все еще может достаться частному коллекционеру, — заметила Ева. — Это не входило в намерения Дори. Я получила указания, что, как только будут найдены все три шкатулки, они долж-

ны отправиться в Сиань, а именно в исторический музей Шаньси в Сиане.

— Я помню, она говорила об этом. Просто я не совсем понимаю, что происходит. Я хотела сказать, почему шкатулку сняли с продажи в Нью-Йорке до того, как она попала в аукционный блок? Думаю, тому есть много причин. Возможно, возник спор о законном хозяине шкатулки, и ее нельзя было продать, пока он не разрешится. Или кто-то оспаривал право владения и получил постановление суда остановить продажу. Возможно, за час до начала аукциона умер владелец. Аукционный дом не обязан был сообщать причину, что и произошло, — я просто размышляла вслух, но Джордж с Евой терпеливо слушали.

— Но дело не в деньгах. Если продавец решил, основываясь на внешнем виде покупателей или даже ценах на предыдущие лоты, что не получит столько, сколько рассчитывал, или же ему не понравились претенденты, он мог забрать шкатулку. Однако денежный вопрос легко решить. Надо только установить резервную цену, ниже которой не продавать, и если никто не сможет предложить нужную сумму, сделка не состоится. Именно так они и поступили. Резервная цена составляла двести тысяч долларов, а предпродажная оценка — триста тысяч. Я оставила свою визитку и номер лота в аукционном доме, предложив триста пятьдесят тысяч, если продавец снова передумает и решит выставить шкатулку. Из аукционного дома мне не

позвонили. Я решила, что, возможно, кто-то еще предложил более высокую цену, но если шкатулка снова появилась на рынке, значит, дело не в этом. Я спрашивала имя продавца, но в аукционном доме мне отказались его назвать, и это их право. Под «кем-то еще» я подразумевала Бертона Холдиманда. Он пытался удостовериться, что я не видела, как он оставил свою визитку в аукционном доме, и полагаю, он тоже сделал свое предложение, хотя мне бы ни за что в этом не признался.

— Это имеет значение? — спросила Ева. — Шкатулка снова на рынке. У вас есть шанс ее купить.

— Это имеет значение, если ее снова заберут. Будут потрачены деньги Дори, часть которых я и без того уже потратила.

— Это же была не ваша вина, — перебил Джордж. — Мне кажется, вы слишком сильно переживаете по этому поводу. Нельзя сказать, что я полностью одобряю ее поведение, но Дори совсем не думала о расходах. Она могла себе это позволить. Ей нужно было получить шкатулку. Ее совесть чиста.

— Полагаю, мое беспокойство безосновательно. Интересно, Бертону Холдиманду известно об аукционе?

— Бертону Холдиманду? — переспросила Ева, а Джордж нахмурился и слегка ударил по подлокотнику кулаком.

— Он тоже хочет получить эти шкатулки.

— Парень из Коттингема! Тогда вам лучше поторопиться, — заметила Ева. — Я считаю, они поступили с Дори бессовестно. Судя по тому, что она рассказывала о своей так называемой отставке, мне кажется, что в отделе одобрения работают не очень серьезные люди. Я говорила, что она должна подать иск, и я с радостью буду представлять ее в суде, но она не захотела. Сказала, что если она им не нужна, то уйдет. Да, ей тогда уже было около шестидесяти, но все равно им следовало быть потактичнее. Я говорила ей, что она может найти лучшее место. Но Дори ответила, что деньги ей не нужны, что было правдой. Надо быть уверенными, что Коттингем не получит шкатулку Дори. А теперь о том, что мы можем сделать: у нашей фирмы есть представительство в Пекине, которым руководит наш старший партнер, находящийся там уже пять лет. Ее зовут Майра Тетфорд. Она работает с североамериканскими корпорациями, которые хотят вести дела в Китае, как почти все сегодня. Примета времени. Вот ее координаты. Она договорится, чтобы кто-нибудь встретил вас в аэропорту, если вы сообщите ей время прибытия, а также решит вопрос с проживанием. Она проследит за тем, чтобы вам перечислили деньги, и выделит переводчика. Кстати, Дори хотела, чтобы вы летели бизнес-классом. Скажите нам, что вы согласны, и мы всё устроим. Итак, вы согласны?

— Прошу вас, — добавил Джордж. — Я буду вам очень признателен.

— Я согласна.

— Как насчет того, чтобы уехать из города? — спросила я Роба примерно час спустя. — Снова стать собой на несколько дней подальше от плохих парней.

— Хорошо, — ответил он. Энтузиазма в его голосе я не слышала.

— Я должна лететь в Пекин.

И я рассказала Робу о проекте Дори.

— В Пекин... А я хочу лететь в Пекин?

— Вероятно, нет. Но ты хочешь лететь на Тайвань.

— Дженнифер! — Впервые за месяц его лицо просияло. — Отличная мысль! Она и тебя хотела бы увидеть.

— Увидит, как только я закончу дела в Пекине. Разве не прекрасно провести немного времени вдвоем, только отец с дочерью? — под этими словами я подразумевала, что мы с Робом слишком много времени находимся вместе в одной комнате, и, несмотря на его разговоры о нашей женитьбе, слишком тесное общение заметно ухудшило наши взаимоотношения. Конечно, нашу ситуацию нельзя было назвать честной проверкой, поскольку при обычных обстоятельствах Роб весь день был бы на работе, а не сидел в крохотной, не принадлежащей нам квартирке, с каждой минутой все больше впадая в уныние. Однако нам не повредит расстаться на некоторое время. Впрочем, ничего этого я не сказала.

Однако от Роба почти ничто не ускользает.

— Ты немного устала от присутствия безрадостного Герба Крана, — заметил он. — Тебе кажется, что это похоже на жизнь в клетке со львом.

— Без комментариев. Пока ты обещаешь не говорить, что Чарлин Кран тоже нельзя назвать примером для подражания в качестве идеальной соседки по комнате.

— Идет! — рассмеялся Роб. Мне было приятно это слышать.

Следующие десять дней прошли в суматохе. Надо было получить визы, собрать вещи, кое-что купить, поскольку нам нельзя было вернуться домой за нужными вещами. К счастью, мы оба захватили свои паспорта. Только к вечеру я осознала всю чудовищность того, что мне предстояло сделать. Я рухнула на кровать рядом с чемоданом.

— Я не уверена.

— Что тебя тревожит? — спросил Роб.

— Не знаю.

— Не может быть. Мы почти не разговаривали, хотя провели вместе больше времени, чем обычно, но давай попробуем. Ты плохо спала и вела себя немного странно. Это на тебя не похоже. Обычно ты с нетерпением ожидаешь поездок. Поговори со мной.

— Я не уверена, стоит ли возвращаться в Китай. Я была там двадцать лет назад. Мне понравились люди, понравились достопримечательности, но однажды я попала в деревню и увидела, насколь-

ко бедны и угнетены жители. Я видела страшные последствия «культурной революции», все еще оказывающие влияние на людей годы спустя, а потом меня до глубины души поразила бойня на площади Тяньаньмынь. Я думала, что, возможно, некоторые из молодых людей, которых я знала, были ранены или убиты.

— Думаю, с тех пор многое изменилось. Тебе надо поехать и убедиться самой.

— Верно. Но меня все равно терзают смутные предчувствия. Не знаю, как вести себя на аукционе в Пекине, особенно на китайском.

— Это я понимаю. Но ведь тебе помогут с переводчиком. Адвокат в Пекине.

— Да, но после стольких лет я уже не смогу легко ориентироваться в городе.

— Есть карты, к тому же тебе помогут. Что еще?

— Не знаю.

— Ты не настолько глупа.

— Я, правда, не уверена. Меня все это беспокоит. Здесь что-то не то, какое-то наваждение уже умершей женщины. Да, Дори была права, желая вернуть шкатулку в Китай, но если китайское правительство хочет, чтобы она осталась в стране, оно может ее купить. Джорджу тоже не по себе. Я это вижу, хотя знаю его не очень хорошо. Ему надо отправить шкатулку, которая уже есть у него, рассказать, что вторая выставлена на аукцион, и предположить, что может быть и третья. Всё, дело закрыто.

— Они были долго женаты, ты сама мне говорила, тридцать пять лет или что-то вроде того? После стольких лет нельзя не отнестись с уважением к желаниям жены, которая к тому же умерла, даже если эта мысль кажется тебе нелепой. Успокойся, у тебя все получится. Все будет так, как и должно быть, — ответил Роб. — Знаешь, я тоже переживаю.

— Почему?

— Не знаю, как я буду жить, если ты не станешь постоянно путаться у меня под ногами.

Самое прекрасное в Робе то, что он может меня рассмешить. На следующее утро мы были в пути: Роб на Тайвань, а я в салоне бизнес-класса в Пекин.

Несмотря на дурные предчувствия, я с нетерпением ожидала полета, несколько назойливого обслуживания в бизнес-классе, которое мне обычно не по душе, и целого дня без телефонных звонков и без Клайва. Чего еще желать? Можно было бы попросить, чтобы Бертон Холдиманд летел другим рейсом. К несчастью, я услышала его голос, едва поднявшись на борт самолета. Он просил запечатанное в пластиковый пакет одеяло и свежий апельсиновый сок.

— Привет, Бертон, — сказала я, проходя мимо него к своему креслу. На спинке сиденья он уже успел прикрепить записку с просьбой не беспокоить его во время полета. Лично я подумала, что было бы досадно пропустить шампанское.

— Лара! Рад тебя видеть. Как себя чувствуешь? Простуда прошла?

— Вполне, Бертон, спасибо.

Я нашла информацию о Желтом императоре и не желала, чтобы Бертон снова меня поддразнивал. «Медицинский трактат» Желтого императора, или «Хуан Ди Нэй Цзин», является теоретической основой традиционной китайской медицины и, скорее всего, был создан около двух тысяч лет назад. Желтый император — один из мифических основателей Китая, а в книге рассказывается о медицине в форме диалога между этим самым императором с мудрецами и врачами. Итак, теперь вы знаете.

— Отлично. Теперь ты можешь приступать к укреплению здоровья.

Несомненно, это было правдой, но сам Бертон уже не казался таким бойким, как в прошлый раз. Жаль, что аукцион состоится не на следующий день после нашего прибытия, потому что тогда я бы выглядела лучше него.

— Я буду отдыхать в полете, — сказал он, указывая на записку на сиденье. — Но с нетерпением ожидаю встречи с тобой в Пекине. Возможно, мы направляемся в одно и то же место?

— Возможно.

— Твой первый визит в Китай? — осведомился Бертон, засовывая в одно ухо тампон, а другой держа в руке, чтобы слышать мой ответ.

— Нет. Правда, я была там сто лет назад.

— Увидишь, как все изменилось.

Да, Пекин изменился. Правда в том, что, если бы мне не сказали, что целью моего визита является именно он, я могла бы спокойно решить, будто оказалась в каком-то другом городе, если не принимать во внимание внешность его обитателей. Когда я была в Пекине два десятилетия назад, никому, кроме высокопоставленных членов коммунистической партии, не дозволялось иметь машину, все люди носили одинаковую форму, так называемые «куртки Мао» серого или темно-синего цвета, и хотя в городе уже можно было увидеть несколько высотных зданий, в целом Пекин был городом маленьких кварталов и миллионов велосипедов. Конечно, я слышала о молниеносном броске Китая к модернизации. А кто из нас не слышал? Но я все равно не была готова к тому, что увижу. Над скоростными магистралями и широкими авеню высились офисные здания. Казалось, весь город превратился в одну большую стройплощадку. Я продолжала искать старые кварталы, хутуны, или переулки, и так любимые мной уличные рынки. Но их нигде не было видно.

А машины! Ничего подобного не видела нигде в мире. Кажется, водителем стал каждый китаец, а учитывая то, что покупать машины разрешили всего год назад, я увидела целую нацию новоиспеченных водителей. Ничего более жуткого видеть мне не доводилось.

Бертон не заказал в аэропорту лимузин с водителем. Похоже, нам предстояло жить в одном отеле,

выбранном, скорее всего, по причине близости к аукционному дому, поэтому мне пришлось предложить Бертону поехать со мной на машине, которую прислала Майра Тетфорд. Я стала понимать, что обречена проводить много времени с Бертоном, и эта мысль пугала меня ничуть не меньше, чем уличное движение.

Возможно, Бертон чересчур пекся о собственном здоровье, но, похоже, машины его не очень беспокоили. Всю дорогу он по-дружески болтал с молодой женщиной по имени Руби, которая сопровождала водителя и представилась как помощница Майры. Только когда «мерседес» пролетел на красный свет через опасный перекресток, чуть не сбив женщину на трехколесной тележке, груженной хурмой, и едва не оказался протараненным автобусом, который совершал запрещенный поворот налево, Бертон пришел в себя.

— Интересно, сдают ли они экзамены, чтобы получить права, или просто покупают машину и выезжают на улицу? — укоризненно произнес он.

— Конечно же, мы сдаем на права, — ответила Руби, прыснув украдкой. — Вы не первый иностранец, обративший внимание на здешнюю манеру вождения. Скоро вы привыкнете.

— Не желаю привыкать, — ответил Бертон. — Мое единственное желание — выжить. Тебе будет приятно узнать, Лара, что иностранцам запрещается водить в Китае машину, кроме исключительных случаев, — наверное, он подумал, что я все еще за-

разная, потому что, обращаясь ко мне, старался не глядеть в мою сторону. — Здорово, не правда ли? Те из нас, кто считает светофоры, сигналы поворота и полосы проезжей части полезными вещами, через несколько минут будут раздавлены, словно жуки.

Если езда по городу мне не понравилась, то номер в отеле пришелся по душе. Он оказался небольшим, но зато из окна открывался живописный вид на золотые ряды крыш Запретного города, сверкающие в лучах полуденного солнца. Поднявшись на цыпочки, я могла увидеть большие площади, отделяющие друг от друга дворцы этого огромного комплекса, и даже представить, что туристы, снующие по улицам в обоих направлениях или пересекающие площадь Тяньаньмынь к югу, — это императорские слуги или, возможно, представители иностранных посольств, желающие выразить императору свое почтение. Город был местом проживания императоров, запретным почти для всех остальных. Из моего окна Пекин выглядел очаровательно.

Офис Майры находился на верхнем этаже небоскреба к востоку от отеля, в том районе Пекина, где располагались иностранные посольства. На следующий день после обмена обычными любезностями и пары чашек китайского чая мы приступили к делу. Майре было лет сорок, и она оказалась большим профессионалом и скромным человеком. Похоже, она свободно владела мандаринским наречием,

хотя мне было сложно об этом судить, и прекрасно разбиралась в теме разговора. С нами была ее помощница Руби, молодая женщина, которая накануне встретила меня в аэропорту.

— С помощью Руби я кое-что разузнала об аукционе произведений искусства, — начала Майра. — Позвольте мне немного отвлечься и сказать, как мне все это понравилось. Почему-то аукцион кажется мне гораздо интереснее, чем другое совместное начинание китайских и североамериканских компаний, желающих производить здесь пластиковые приборы. Итак, вот что я узнала: во-первых, в Китае аукционы произведений искусства — совершенно новое явление. У нас нет такого опыта, как, скажем, в Гонконге. Во-вторых, аукционные дома должны получать лицензии от Китайского Бюро культурного наследия. Я пришла к выводу, что большинство этого не сделали. Другими словами, аукционных домов намного больше, чем лицензий. В-третьих, если вы спросите у четырех человек о количестве лицензированных аукционных домов, то получите четыре разных ответа, а это означает, что очень сложно определить, у какого дома есть лицензия, а у какого ее нет. В-четвертых, причиной этого может быть тот факт, что муниципалитет Пекина также выдает лицензии. По общему мнению, его стандарты ниже, чем у Бюро культурного наследия. В-пятых, даже лицензированные аукционные дома не имеют опыта проведения аукционов произведений искусства в силу того, что эта тенденция

появилась совсем недавно. В-шестых, в Пекине, вероятно, имеется всего пять аукционных домов, которые имеют лицензии Бюро. И в-седьмых, «Дом драгоценных сокровищ» к ним не относится. Итак, в заключение...

— Покупатель действует на свой риск, — перебила я.

— В высшей степени риск для покупателя, — согласилась Майра. — В Китае рынок художественных ценностей почти не контролируется. При подобных обстоятельствах никакую оценку нельзя считать точной...

— Объясните, чем это отличается от любого другого места. У меня на родине оценкам тоже нельзя доверять. Самые различные предметы объявляются «найденными». Другими словами, никаких гарантий.

— Конечно. Но там уважаемые аукционные дома с опытными сотрудниками...

— Могу вас уверить, что и это не дает стопроцентной гарантии. Некоторые известные аукционные дома были замешаны в скандалах, пошатнувших рынок произведений искусства и предметов старины. Я не сравниваю авторитетные аукционы Европы и Северной Америки с китайскими, потому что ничего не могу сказать по этому поводу, просто я уверена, что осторожность надо соблюдать везде.

— Сомневаюсь, чтобы вы видели что-то подобное. Один довольно уважаемый аукционный дом

обвинили в том, что он продавал украденные картины. Это работы современного художника, выяснилось, что он жив и обвиняет аукционный дом в торговле украденными картинами. Никто не знает, что там произошло на самом деле. Я хочу сказать, что нам неизвестно, кто именно выставил картины на торги, потому что в Китае, как и во всем мире, аукционный дом обязан скрывать имена продавца и покупателя по их просьбе. Но это не внушает особой уверенности. Что касается «Дома драгоценных сокровищ», он возник недавно. В какой-то степени он появился из ниоткуда. Я пыталась выяснить, кому он принадлежит, и узнала название другой корпорации, которая также мне неизвестна. Однако несколько месяцев назад «Дом драгоценных сокровищ» был торжественно открыт, и там прошли первые торги. За маленький рисунок императора эпохи Мин им удалось получить головокружительную сумму, так что об аукционном доме скоро все заговорили. Что касается танской серебряной шкатулки, то мой партнер Ева Рети сообщила, что вам известно, как она выглядит, и что вы сможете отличить подделку, если это и в самом деле подделка.

— Да, я знаю, как она выглядит. В Нью-Йорке я как следует рассмотрела ее. У меня есть фотография из каталога «Моулзуорт и Кокс», а также фотографии под разными углами, сделанные со шкатулки, которая принадлежала Дори, точнее, являлась частью ее имущества. Думаю, в этом

плане проблем не будет. Однако меня беспокоит языковой барьер.

— Мы с Руби будем для вас переводить.

— Возможно, вам придется делать это быстро. Если предложений цены будет много, все будет проходить в темпе.

— Мы справимся. Мы уже занимались переводом для нескольких крупных проектов. Мы понимаем, что поставлено на карту. Я говорю довольно бегло, но не могу читать. Руби, конечно, может. Поэтому при необходимости она поможет нам с любым текстом, к тому же она считает быстрее меня. Если нам повезет и вы получите шкатулку, мы сразу же увезем ее и проследим, чтобы она была передана музею в Сиане. В любом случае вы не сможете вывезти ее из страны, учитывая, что ее возраст намного превосходит возраст вещей, которые вывозить можно. Вероятно, вам известно, что Китай прекращает экспорт древностей.

— Меня интересует, почему тот, кто уже легально вывез шкатулку из Китая, снова возвращает ее, чтобы продать, — заметила я.

— Из-за цен. Сейчас в определенных кругах появилось много очень богатых людей, которые хотят все самое лучшее. Я упомянула о рисунке императора эпохи Мин. Он был продан где-то в пределах четырех миллионов юаней. Сейчас доллар США стоит около восьми юаней. Мне сказали, что это намного больше той суммы, которую можно было бы получить за границей.

— Полагаю, это также объясняет, зачем владелец шкатулки в последний момент снял ее с торгов в Нью-Йорке.

— Возможно. Предварительный осмотр завтра днем. Вы готовы?

— Да.

— Хорошо. Мы с Руби там будем.

Чтобы добраться до «Дома драгоценных сокровищ», надо войти в довольно безлюдную офисную высотку недалеко от Цзянгомэньвай Дацзе, или улицы Цзянгомэнь. «Дацзе» обозначает улицу или проспект. Окончание «вай» указывает на то, что эта улица находилась за пределами старинных городских стен, окружавших древний город. Цзянгомэньвай Дацзе является частью основной оси Пекина, идущей с востока на запад, которую часто называют авеню Чанань, хотя она несколько раз меняет свое имя, и которая пролегает перед Запретным городом, между ним и площадью Тяньаньмынь. Осью Пекина, идущей с севера на юг, был и остается Запретный город, который выстроен в этом направлении.

«Дом драгоценных сокровищ» располагался на втором этаже, куда вел длинный эскалатор слева от входа в здание. Стеклянные двери в зал были открыты. За дверями стоял стол, за которым сидел, глядя на экран компьютера и не обращая на нас внимания, человек в пиджаке с логотипом аукционного дома на кармане. В комнате кроме нас было только два посетителя. Я была удивлена,

если не сказать разочарована, тем, что одним из них был Бертон Холдиманд. Мне показалось, что он очень бегло говорил по-китайски с довольно привлекательным молодым человеком. Не знаю, почему меня удивил тот факт, что Бертон говорит по-китайски. В конце концов, он работал в этой области. Почему бы ему и не выучить язык? Но в предстоящей аукционной войне это было его преимуществом.

— Увидимся еще, Бертон, — сказала я, таким образом предупреждая своих спутниц, что враг близко. Майра еле заметно кивнула, давая мне знать, что поняла, и легонько толкнула Руби в бок.

— Обязательно, — отозвался Бертон. — Наверное, это твой клиент? — спросил он, указывая на Майру.

— Нет. Майра, познакомьтесь с Бертоном Холдимандом из Коттингемского музея. Бертон, это Майра Тетфорд. Она будет мне помогать, — я решила, что больше Бертону ничего знать не нужно. — А это Руби, помощница Майры.

— Здравствуйте, дамы. Представляю вам Лю Да Вэя. Он помогает мне в Пекине.

— Пожалуйста, зовите меня Дэвидом, — попросил молодой человек, пожимая нам руки.

Да Вэй, Дэвид, подумала я. Наверное, именно так они выбирают себе английские имена, чтобы были близки по звучанию китайским. Очевидно, Дэвид и Руби были знакомы, и я подумала, что это предмет для разговора с Майрой, когда мы оста-

немся одни, чтобы оценить возможности наших противников.

После обмена любезностями я решила оглядеться. В зале было выставлено на продажу много довольно красивых современных картин. Также несколько фолиантов. Понятия не имею, что это за фолианты, но выглядели они привлекательно. У меня не было никакого шанса разобраться в каталоге, поэтому Руби пояснила, что один из фолиантов принадлежал перу знаменитого поэта и ученого семнадцатого века.

Обстановка была очень непринужденной. Посетители приходили и уходили. Человек за столом продолжал неотрывно смотреть на монитор. Он даже не поднял головы, когда я оказалась в нескольких футах от него: играл в компьютерную игру. Такое впечатление, что нас не существовало. Серебряная шкатулка была на месте. Мне показалось, что выглядит она вполне нормально.

Бертон, как и я, бегло рассматривал все выставленные в зале предметы, и стоило мне на минуту оказаться одной, как он украдкой подошел ко мне.

— На этот раз скажешь мне, кто твой клиент?

— Нет. Уже надоели эти расспросы.

— Интересно, кто в тот вечер участвовал в аукционе по телефону, — продолжал болтать Бертон. — Возможно, это был кто-то из Мэттьюзов или доктор Се Цзинхэ.

— Кто такой Се Цзинхэ? — спросила я. Мне это было прекрасно известно, но я не могу устоять

перед искушением уколоть Бертона, так сказать. Он разозлится, что я забыла о его знакомстве с Се Цзинхэ. Я его никогда не видела, но знала, что Се — богатый филантроп, подаривший Коттингемскому музею внушительную коллекцию бронзовых предметов эпохи Шан. У него был роскошный дом в Ванкувере, фотография которого была опубликована в моем любимом журнале по дизайну, и собрание предметов азиатского искусства — нередкая тема журнальных статей.

Бертон выглядел уязвленным и принялся объяснять, и тут в зале откуда ни возьмись появился высокий, худощавый человек. На мгновение на лице Бертона мелькнуло выражение изумления, но он быстро овладел собой и направился к новому посетителю. Он даже пожал ему руку. Через пару минут Бертон подозвал меня, хотя было видно, что сделал он это неохотно.

— Лара, Се Цзинхэ хочет с тобой познакомиться, — сказал он. — Доктор Се, глава «Се Гомеопатик», уверен, тебе это известно. Я регулярно пользуюсь продукцией его фирмы. Также он великий ученый и покровитель искусств. Тебе будет интересно с ним пообщаться. Лара Макклинток — продавец антиквариата из Торонто, доктор Се.

Я знала о докторе Се, но почти ничего не знала о «Се Гомеопатик», правда, своему здоровью я уделяла не так много внимания, как Бертон. Мне стало тошно от подхалимского тона Бертона. Возможно, равновесие моей энергии ци было снова нарушено.

Интересно, что по этому поводу думал сам доктор Се. Вскоре мне предстояло это узнать.

— Бертону не удалось убедить Джорджа Мэттьюза и его фирму спонсировать восстановление отдела азиатского искусства, — объяснил доктор Се. — Поэтому он обратился ко мне, как вы, без сомнения, уже поняли, госпожа Макклинток.

Я скрыла улыбку.

— Полагаю, вы знали моего покойного друга, Дори Мэттьюз.

— Да, мне ее не хватает.

— И мне тоже, — ответил доктор Се.

Вид у Бертона был тревожный. Вряд ли он удивился отказу Джорджа Мэттьюза сделать пожертвование Коттингемскому музею, учитывая отношение к его жене. Возможно, Бертон не знал о дружбе доктора Се с Дори. Последние слова доктора дали ему понять, что вся его угодливость пропала даром.

Мы приятно поболтали с доктором Се, который, как выяснилось, поставлял по всему миру различные гомеопатические средства, в том числе и в Северной Америке. У доктора Се были дома в Пекине и Ванкувере. Также у него был офис в Торонто.

— Возможно, вас удивляет, что мы с Джорджем и Дори Мэттьюз друзья. В какой-то мере Джордж и я являемся конкурентами. Наши компании производят продукцию на благо людям, но у нас совершенно разные подходы к ведению дел. Он патентует

традиционные лекарства, а я произвожу средства, основанные на давних традициях китайской медицины. Между нами часто разгорались споры, связанные с различным подходом к делу, но тем не менее мы остаемся друзьями.

— Я совсем не знаю Джорджа, но Дори я обожала. Всем, что мне известно о китайской истории и искусстве, я обязана ей.

— Да, она очень много знала, что также относится и к Джорджу, когда дело касается предметов его коллекции. А что у нас здесь? — спросил доктор Се, останавливаясь перед серебряной шкатулкой. Она была открыта и стояла на небольшом возвышении, так что ее можно было разглядеть с разных сторон, что и сделал доктор Се. — На ней написана формула эликсира бессмертия, — произнес он после недолгого осмотра. — Автор почти наверняка был алхимиком. Очень интересно.

— Алхимик? Тот, кто пытается превратить неблагородные металлы в золото?

— Это было частью китайской алхимии. Да, китайцы действительно хотели создавать золото, как и европейские алхимики. Но у алхимии была и духовная сторона. Китайские алхимики стремились стать бессмертными и обитать в других мирах вместе с бессмертными. Почти наверняка они были поклонниками даосизма, а даосы верят, что по и хунь, тело и дух, сохраняются и после смерти. Ради интереса люди шли на многое, чтобы сохранить свое тело. Некоторые алхимики и даосы сумели

превратиться почти в настоящие мумии еще при жизни, питаясь исключительно слюдой и сосновой смолой.

Я с трудом удержалась от шутки. Несмотря на этот странный интерес к достижению бессмертия, доктор Се был интересным и знающим собеседником.

— Пилюля или эликсир бессмертия являлась частью процесса, — продолжал он. — Стоило ее принять, как вы становились бессмертным. Это могло произойти внезапно. Вы здесь, и в следующую минуту вы исчезаете, оставив лишь одежду.

— Этот эликсир бессмертия кажется опасной штукой, принимая во внимания такие компоненты, как мышьяк и ртуть.

— Верно. Вам должно быть известно, что при лечении болезней постоянно используют ядовитые вещества. Мышьяк давно является практически единственным действенным средством против сифилиса, а при лечении сердечных болезней используется ядовитый дигиталис, или наперстянка. Я мог бы назвать еще множество веществ. Различные виды аллергий мы лечим, используя микроскопические дозы того вещества, которое вызывает у пациента аллергию. Большие дозы способны вызвать анафилактический шок и даже смерть, но крошечное количество укрепляет иммунную систему. Что касается эликсира бессмертия, то многие китайцы, не исключая императоров, знали, что его компоненты ядовиты, но все равно принимали его

в маленьких дозах. Несколько императоров, возможно и первый император Цинь Шихуанди, которого мы знаем по терракотовым воинам в Сиане, умерли, пытаясь достичь бессмертия. Возможно, что пятеро из двадцати одного танского императора скончались от отравления.

— Среди них был Просветленный государь?

— Нет. Просветленный государь был свергнут в результате переворота, отрекся от престола в пользу своего сына и умер некоторое время спустя. Ничего поразительного.

— Похоже, вы изучали алхимию? — поинтересовалась я.

— В какой-то мере да. Я даос. Вообще-то в Китайской Народной Республике религии нет. Но теперь людей уже не преследуют за их убеждения, за некоторыми небезызвестными исключениями. Мне приятно сказать, что я пожертвовал средства на восстановление даосского храма рядом с моим домом, который пострадал во время «культурной революции», и время от времени я захожу туда для духовного очищения, а порой и успокоения. Полагаю, интерес к алхимии возник в связи с моим бизнесом. Но ведь стремление к бессмертию не так уж отличается от веры в рай, правда?

— Думаю, что нет. Вы подумываете о том, чтобы приобрести серебряную шкатулку, доктор Се?

— Нет. Конечно, это интересный экспонат, но в отличие от Джорджа Мэттьюза, я не занимаюсь

коллекционированием того, что относится к моей области деятельности. Однако меня очень заинтересовал фолиант поэта семнадцатого века. Именно ради него я приехал. А вы?

— Меня интересует танская шкатулка.

— Для себя?

— Для клиента.

Было большим искушением рассказать приятному доктору Се, утверждавшему, что является другом Мэттьюзов, кто мой клиент, но я дала обещание и намеревалась сдержать его.

— Думаю, Бертон окажется грозным противником.

— Уверена в этом. Но я рассчитываю на победу.

— Желаю вам удачи. Мне будет очень приятно снова встретиться с вами, особенно если вы окажетесь тем человеком, кто предложит самую большую сумму. Возможно, доктор Холдиманд и является постоянным клиентом «Се Гомеопатик», о чем он так часто и подолгу твердит мне, но в этой борьбе я буду на вашей стороне.

— Благодарю.

— А теперь прошу меня простить, я хочу взглянуть на этот фолиант. Возможно, после аукциона мы выпьем по бокалу шампанского, чтобы отпраздновать победу.

— С радостью.

— Отлично. С нетерпением буду ждать встречи с вами.

Руби, очень элегантная в туфлях и с сумочкой под «Прада», увидев, что я осталась одна, направилась ко мне.

— Вы чем-то обидели доктора Холдиманда? Он сердито на вас посматривает.

— Это потому, что я замечательно пообщалась с человеком, на которого он надеялся произвести впечатление, — ответила я.

— Се Цзинхэ — очень влиятельный человек, — согласилась Руби.

— Да, и я надеюсь еще больше рассердить доктора Холдиманда в четверг, когда куплю эту серебряную шкатулку, о которой он так мечтает.

Руби хихикнула. Я предоставила ей возможность и дальше разглядывать выставленные экспонаты.

У меня будет время как следует поразмыслить о том, что произошло дальше. Бертон разглядывал прелестную акварель в конце зала. Доктор Се беседовал с Майрой рядом с фолиантом, который собирался приобрести. Казалось, они обсуждают что-то важное, а не просто болтают. Руби с Дэвидом о чем-то шутили. Я стояла в одиночестве, пытаясь понять, что это за место и какие могут быть цены, как будет выглядеть зал во время аукциона, — все что угодно, лишь бы успокоить себя перед грядущим событием. Наверное, я скорее почувствовала, нежели увидела, как кто-то вошел в комнату, а повернувшись, поняла, что это так.

Он был одет по моде, в черный свитер с высоким воротом, брюки и мягкие кожаные туфли

от Гуччи. Настоящие туфли от Гуччи. У него был вид уверенного в себе человека. Он оглядел зал от самой двери, бросил взгляд на молодого человека, увлеченного компьютерной игрой, а затем встал рядом с картиной, изучая ее с небольшого расстояния. И тут вошел другой, столь же хорошо одетый человек. Я не видела его лица, но у него были волосы ежиком, а по походке я узнала в нем третьего покупателя из Нью-Йорка в поддельном костюме «Хьюго Босс», которого я прозвала мистер Подделка. На этот раз на нем был костюм под «Армани».

Я смотрела на них в замешательстве, а мистер Подделка тем временем быстро вошел в зал, схватил серебряную шкатулку и направился к двери. Я завопила, все присутствующие обернулись, а молодой человек у компьютера наконец-то встал со своего места. Доктор Се, стоявший ближе всех к дверям, попытался остановить вора, сунув ему под ноги свою трость, но безрезультатно. Дэвид, оказавшийся быстрее нас, ринулся к дверям вместе с человеком в черном. Мистер Подделка помчался вниз по эскалатору, Дэвид — за ним.

У входа мистер Подделка слегка споткнулся, и Дэвид, нагнавший вора, протянул было руку, чтобы его схватить. Человек в черном что-то крикнул. И тут швейцар схватил не вора, а Дэвида. Человек в черном снова что-то прокричал, швейцар отпустил Дэвида, но было уже слишком поздно. Мистер Подделка и серебряная шкатулка исчезли.

Глава 3

У Пэн, евнух, к которому меня отправили, занимал довольно высокий пост среди дворцовой прислуги. Я быстро понял, что получил он его отнюдь не благодаря своим способностям, поскольку не умел ни читать, ни писать, а также не проявлял никакой склонности к руководящей работе. Нет, свой пост он получил исключительно благодаря тому, что являлся дальним родственником могущественного дворцового клана У, из которого вышли многочисленные супруги императоров, самой примечательной была У Цзэтянь — скорее самостоятельная правительница, нежели жена императора. Возможно, У Пэн не умел читать и писать, зато он нажил состояние, происхождение которого объяснил мне позже. У него был довольно богатый дом рядом с дворцом, жена, правда, только на бумаге, и два приемных сына. У Пэн с женой усыновили и меня, я принял его фамилию, став известным как У Юань. Однако жил я не с У и его семьей. Мое место было в императорском дворце, где я прислуживал Сыну Неба.

Когда притупилась боль и переживания после процедуры, превратившей меня в евнуха, я был представлен к императорскому двору. Меня никогда не переставало удивлять, что я, сын чиновника низкого

ранга, правда, довольно честолюбивого, окажусь в таком месте. Красота дворца была поразительной. Можно было вечно бродить по коридорам и дворам, садам и жилым помещениям, дворец был такой огромный, и каждый предмет в нем отличался изысканностью. Тут были нефритовые и жемчужные арки, ковры из тончайшего шелка и утонченная мебель, равной которой я не видел нигде. Парки несравненной красоты, сады, днем и ночью источающие удивительный аромат, леса, полные животных, роскошные павильоны, поля для игры в водное поло, площадки для стрельбы из лука, множество озер с рыбой, пруды, по которым скользили элегантные лодки с придворными, грушевые, сливовые, персиковые сады. Все это великолепие опьяняло такого мальчика, как я.

Императорским дворцом управляем в основном мы, евнухи. Конечно, не внутренними покоями, за редким исключением, просто в наши обязанности входит видеть и слышать все, что происходит во дворце. И мы очень любим сплетничать. Будучи новичком, я просто слушал, но многое запоминал. Сначала мне давали различные мелкие поручения, например, сходить на базар и выбрать птичьи клетки или музыкальные инструменты для императорских наложниц или купить для них шелковые ткани. Мне дозволялось в любое время находиться рядом с императорскими наложницами, потому что мое семя не могло попасть в лоно избранных императором.

Во время одного из таких походов в город я начал поиски Первой сестры. Особенно я обрадовался, когда меня отправили на Западный базар, который хотя и не отличался таким великолепием, как Восточный, располагавшийся в самом богатом квартале Чананя, но, по моему мнению, обладал большим преимуществом, так как прилегал к Северной деревне, где обитали известные куртизанки, одной из которых, в этом я был уверен, стала моя сестра, потому что, повзрослев, я отбросил историю про разбойников. Мужчины смеялись, когда я, юный евнух, шел по улицам и переулкам этого квартала. По моему голосу и внешности они понимали, что я никогда не познаю любви женщины. Я не обращал на них внимания. Я был евнухом в императорском дворце, да не простым, а чистым, который, в отличие от некоторых, никогда не был близок с женщиной. Я считал мужчин, посещавших Северную деревню, ниже себя.

Вскоре во дворце узнали, что я умею читать и писать, — на обучении меня этим навыкам настоял отец, — и меня назначили учить молодых женщин из гарема. Мне сказали, что я миловидный юноша, и вскоре я стал любимцем многих женщин, а возможно, и задушевным другом. Я боялся, что новые обязанности помешают мне исследовать переулки огромного Чананя в поисках сестры, но вскоре понял, что у меня появилось даже больше свободы, поскольку я сочинял и доставлял на почту тайные послания для этих прекрасных дам. Вообще говоря, у них было

много свободного времени, учитывая внушительный размер гарема. Даже наложницы высшего ранга проводили ночь с Сыном Неба всего раз в несколько месяцев, может быть, даже реже, если только не становились любимыми наложницами императора или не рожали ему много сыновей.

Порой я видел кареты куртизанок, видел, как они выходят, чтобы выбрать шелковые ткани. Первой сестры я не встречал, но не терял надежды.

— Синяя «тойота» без номеров, — сказал Дэвид, возращаясь в здание и бросая на швейцара мрачный взгляд. — Я почти его схватил.

Доктор Се что-то оживленно обсуждал с молодым человеком из аукционного дома, который, казалось, находился в панике.

— Безобразная охрана, — произнес доктор, покинув заламывавшего руки сотрудника. — Как они могут надеяться, что в таких условиях люди будут выставлять свои вещи на продажу? Боюсь, нам придется подождать представителей Пекинского бюро общественной безопасности.

Человек в черном что-то сказал, и доктор Се перевел для меня.

— Он говорит, что швейцар идиот, пытался схватить не того человека.

Я была вынуждена согласиться.

Полиция была на месте через несколько минут, но Бертон уже беспокойно расхаживал взад и вперед. Как только вошли полицейские, человек в

черном отвел их в сторону. Разговор велся на китайском, поэтому я не поняла ни слова, но заметила, что Бертон напряженно прислушивается с довольно ошеломленным выражением на лице. Чего бы ни касался разговор, он был коротким, после чего человек в черном сразу же ушел. Остальных продержали значительно дольше. Нас спросили, что мы видели, подробно рассмотрели наши паспорта и визы, а затем позволили уйти.

— Как этому парню удалось так быстро отделаться? — спросила я.

— Армия, — ответил доктор Се. — Он занимает высокий пост в китайской армии.

— И что?

— Это Китай, — предупредил меня доктор. — Тут не ваша родина. Здесь все иначе.

— Вот так вот, Лара, — произнес Бертон, подходя попрощаться. Как обычно, руки он не протянул. — Настоящий удар. Можно собирать чемоданы и отправляться домой. Надеюсь, еще увидимся.

Но все вышло не так.

Первым делом мне предстояло позвонить Джорджу Мэттьюзу и сообщить ему плохие новости. Я попросила Майру связаться с Евой Рети из адвокатской конторы, но с Джорджем решила поговорить сама. Он воспринял новость спокойнее, чем я ожидала, так что я даже чуть удивилась.

— Значит, так тому и быть, — в его голосе почти что звучало облегчение. Я сразу не сообразила, что причина в деньгах, которые, возможно, пока

останутся на счете, на случай если серебряная шкатулка всплывет снова. Возможно, как уже говорил мне Роб, Джордж понимал, что желание его жены несколько странное, даже если и чувствовал себя обязанным его исполнить, и теперь радовался, что делать этого не придется. — Вы были там, когда шкатулку украли?

— Да, это была невероятно дерзкая кража. Нас в зале было несколько, но вор оказался проворным, а на улице его ждала машина. Без номеров. Похоже, эта шкатулка кому-то действительно очень нужна.

— Полагаю, вы правы, — согласился Джордж. — А теперь вам надо возвращаться домой.

Я ответила Джорджу, что первым же рейсом полечу на Тайвань, и мое приключение подошло к концу. Я попыталась обменять билет, но у меня ничего не вышло. У меня бы получилось вылететь назавтра, но в этот день в аукционном доме проходила обязательная встреча, на сей раз с просмотром видеозаписей в присутствии трех полицейских. Когда я пришла, Бертон разговаривал по мобильному, пытаясь забронировать рейс, чтобы улететь домой пораньше. По крайней мере, так мне показалось. Он говорил по-китайски и именно так объяснил мне цель своего звонка. Тогда у меня не было причин усомниться, но они появились позже.

К несчастью, наш приезд совпал по времени с негромким, но все же публичным разносом молодому сотруднику, который оказался не способен

защитить экспонаты. Молодой человек стоял с опущенной головой спиной к нам, скрестив сзади руки, — одна рука сжимала тонкое запястье. Другой говорил тихо, но сказанное безошибочно угадывалось. В конце концов юноша взвыл, скинул пиджак с логотипом компании, швырнул его на землю и выбежал вон. Было ясно, что его уволили.

— Полагаю, все на месте. Мы можем приступать, — произнес человек по имени Чэнь Маохун, который, похоже, был здесь главным. Говорил он на хорошем английском.

— Нет, по-моему, не хватает еще одного человека, — заметила я.

— Все на месте, — твердо повторил Чэнь. Я взглянула на Се, который еле заметно качнул головой. — Сейчас мы просмотрим видеозапись.

На пленке было видно, как кто-то вошел, мгновение помедлил, быстро подошел к серебряной шкатулке, схватил ее и поспешно выбежал. Камеры запечатлели и остальных из нас: быстро бегущего Дэвида в сопровождении человека в черном, нас с Бертоном, несколько секунд стоявших в немом изумлении, прежде чем броситься за ними. Доктор Се неторопливо следовал за нами. Однако на пленке не было видно лица грабителя, которое он постоянно отворачивал от камер, и это доказывало, что он знал об их существовании.

Не было сомнений, что ему была нужна лишь танская серебряная шкатулка. Конечно, ее было легче схватить, поскольку она была маленькой и

стояла на возвышении, но я все равно считала, что это не случайно. На это у меня было несколько причин, и не только поведение грабителя, но и то, что хотя я не видела его лица, я была почти уверена, что это тот самый молодой человек, который так хотел купить шкатулку на аукционе «Моулзуорт и Кокс» в Нью-Йорке, человек, которому я дала прозвище «мистер Подделка». Я сказала об этом вслух.

— Ты его помнишь, Бертон.

— Не думаю.

— Он был с нами во время предварительного осмотра. Поддельный костюм «Хьюго Босс». На этот раз на нем был фальшивый «Армани». И в тот вечер он точно собирался участвовать в аукционе. Он стоял у стены со скучающим видом, пока Кокс не заявил, что шкатулку сняли с торгов. Тогда молодой человек хлопнул карточкой с номером по стене, тем самым показывая свое недовольство.

— Прости. Я был так поглощен предстоящими торгами, что не заметил, — ответил Бертон. — Конечно, я знал, что ты тоже там была и что был еще покупатель по телефону, но не припоминаю, чтобы шкатулкой еще кто-нибудь интересовался.

— Чтобы получить карточку с номером, то есть получить возможность приобрести столь дорогой экспонат, человек должен был пользоваться доверием у «Моулзуорт и Кокс». Если вы с ними свяжетесь, — обратилась я к Чэню, — они обязательно расскажут вам, кто этот человек, поскольку произошло преступление.

— Они никогда ничего не узнают, — заметил Бертон, как только мы собрались уходить. — Прежде всего, пройдет слишком много времени, пока в «Моулзуорт и Кокс» ответят на запрос местной полиции. Они будут продолжать защищать неприкосновенность своих клиентов и назовут имя, если этого у них потребуют официально. Я буду искать новый шедевр для танской галереи. Шкатулка исчезнет на черном рынке. Какая жуткая трата времени! Единственная отрада в этой истории — поделом владельцу, который снял шкатулку с торгов в Нью-Йорке. Ради его благополучия надеюсь, что она была застрахована.

Я тоже испытывала раздражение.

— Все как-то странно, не находишь? Сначала шкатулку снимают с торгов, затем выставляют на продажу на другом конце земного шара, а потом похищают. Знаю, что шкатулка особенная, но все равно это уже слишком.

— Ты права. Я потратил тысячи, гоняясь за ней, но все зря. Да, в бюджет Коттингемского музея заложена щедрая сумма на поездки, но разве можно позволить себе такую бессмысленную трату денег? Надеюсь, завтра я полечу домой. Меня внесли в лист ожидания на завтра, а билет забронирован на среду. Собирался вернуться с серебряной шкатулкой, но, похоже, этому не бывать. Должен сказать, это будет не самое мое триумфальное возвращение.

— У меня то же самое. Не знаю, что хуже: потратить чужие деньги или свои. А кстати, как ты

собирался вывезти шкатулку из страны? Китай запрещает экспорт ценностей, как мне сказала Майра Тетфорд.

— Аукционный дом заверил меня, что будут предоставлены все необходимые бумаги, потому что экспонат уже на законных основаниях вывозили из страны, прежде чем снова выставить здесь на торги. В любом случае, это возможно, — Бертон говорил утвердительно, а не спрашивал. — Можно дать на лапу, сотрудники таможни либо слишком невежественны, чтобы понять, что мимо них проходит, либо их уговаривают закрыть глаза. Если хочешь добиться успеха, тебе следует это знать. Получается, что ты не собиралась вывозить шкатулку из страны? Интересно.

Ой, подумала я.

— Ты очень циничен, Бертон.

— Циничен? Да нет, скорее я реалист. Пару дней назад я совершал покупки на Люличан Дацзе, где находятся антикварные лавки, и вошел в магазин, принадлежащий правительству. По крайней мере, это должен был быть такой магазин. Над дверью висела соответствующая табличка. Мне предложили керамику эпохи Тан. Точнее, поддельную керамику. Правда, довольно милую. Притворившись, будто не вижу, что это подделка, я заметил, что вещи слишком дороги для экспорта. Мне пообещали, что проблем не возникнет. Учитывая, что керамика фальшивая, проблем, видимо, не должно было быть, но зато вся система ставится под сомнение, верно?

— Возможно, ты не понял. А вдруг они пытались тебе сказать, что это копии?

— Я говорю по-китайски, Лара. Думаю, ты заметила. Возможно, не идеально, но и не плохо. А у тебя какие планы?

— Собираюсь со своим другом Робом на Тайвань навестить его дочь, — ответила я.

— У тебя есть клиент на Тайване? Как тебе удалось?

— Ты прекрасно знаешь, что я не попадусь на твою удочку. Мне уже надоели твои разговоры о клиентах. Ты делаешь слишком поспешные выводы. Я всего лишь хочу повидаться со своей, можно сказать, падчерицей. Она там преподает английский, и я по ней соскучилась.

— Ясно, — по виду Бертона было понятно, что он не знает, верить мне или нет, что, по моему мнению, говорило не в его пользу. — Почему бы нам с тобой не выпить сегодня вечером в баре отеля?

— Хорошая мысль, — ответила я, хотя так не считала. — Во сколько?

— В шесть. Возможно, потом нам удастся поужинать.

Было невежливо отказываться, однако вечер начался еще хуже, чем я ожидала. Не прошло и двух минут, как Бертон снова заговорил о моем загадочном клиенте.

— Полагаю, в Нью-Йорке твоим клиентом могла быть Дори Мэттьюз, но сейчас все должно быть иначе. Жаль Дори. Знаю, ты была к ней привязана.

— Да, так и есть.

— Полагаю, это может быть Джордж Мэттьюз. Или его компания, «Норфолк Мэттьюз Фармасьютикалз», однако вряд ли он стал бы обращаться за помощью к тебе.

Я промолчала, но Бертон, как обычно, продолжал трещать, не замечая моего недовольства.

— С его стороны это странно. Он собирает медицинское оборудование, а я не уверен, что шкатулку с рецептом эликсира бессмертия можно к нему отнести, как бы ни дразнил нас этот рецепт. И потом, после смерти Дори прошло слишком мало времени, чтобы организовывать эту поездку в Пекин. Я прав?

— Бертон! — предостерегающе произнесла я. — Думаю, нам пора сменить тему.

— Лара, я давно уже хотел тебе кое-что сказать. Прошу, выслушай меня. Я знаю, ты очень любила Дори. Я тоже. Не моя вина, что ее вытеснили из Коттингема. Музей обратился ко мне. Я не знал о сложившейся ситуации. Мне сказали, что она выходит на пенсию. Зачем бы мне было сомневаться? Позднее я узнал, что ее сместили против ее желания, но в то время я, честное слово, ничего не знал, но даже если бы и знал, ничего бы не смог изменить. Мне сделали предложение, и кто бы мог от него отказаться, учитывая бюджет музея? Я обрадовался, отправил им свое резюме, прошел два собеседования и получил должность. Когда я вышел на работу, Дори там уже не было.

— Ты прав, Бертон. Не твоя вина, что Коттингем решил избавиться от Дори. Но Кортни Кот-

тингем сказала мне, что ты первым обратился к ним и что от такой возможности они не могли отказаться, ведь ты отличный специалист в своем деле.

Кортни сделала мне это неприятное признание в тот день, когда отмечался уход Дори на пенсию. Многие знали, что смещение Дори кое-кому не понравится, в том числе и мне. Вообще-то, Кортни не волновало мое мнение, что можно сказать и о Бертоне, но, кажется, оба чувствовали, что должны хоть как-то оправдаться. Просто Бертон лгал или по крайней мере не говорил всей правды, и я не собиралась прощать ему это.

Бертон встал в оборонительную позицию.

— Я не предлагал свою кандидатуру, Лара. Просто мы с Кортни Коттингем и ее мужем встретились на званом вечере в Вашингтоне, и я сказал, что если когда-нибудь у них появится вакантная должность, я надеюсь, что она будет рассматривать меня в качестве кандидата. Знаю, ты по-настоящему любила Дори и теперь очень плохо обо мне думаешь, но я говорю правду. Несколько месяцев спустя после того разговора Кортни связалась со мной. Она сказала, что Дори выходит на пенсию. Если мое невинное замечание стало причиной ухода Дори, мне очень жаль, но не думаю, что это могло что-то изменить. Кортни считала, что Дори свое отработала; возможно, так оно и было. Ей мешал артрит, и она не была готова воспринять новые идеи насчет отделов музея.

— Бертон... — начала было я, но осеклась. С ним было бесполезно спорить. — Слушай, я знаю, ты много делаешь для Коттингема, так же как и для того частного музея в Бостоне. Уверена, что несмотря на обстоятельства, тебя рады там видеть. Для Дори все равно уже ничего не изменится, так что давай поговорим о чем-нибудь другом, — больше я ничего не могла сделать.

— Спасибо. Дори была очень мила, когда я навестил ее за пару недель до смерти. Это было незадолго до того, как мы с тобой отправились в Нью-Йорк в нашей первой тщетной попытке заполучить шкатулку. Она угостила меня чаем с пирожными, и мы чудесно поболтали. Она даже дала мне с собой коробку домашних пирожных и какой-то особенный сорт чая. Им она лечила артрит, но сказала, что чай хорош и при других недугах. Я лично пошел пригласить ее на прием, который мы устраивали для дарителей. Если она и винила меня, то никак этого не показывала, но полагаю, она могла что-то говорить тебе.

— Она ни разу не обмолвилась плохим словом о тебе, Бертон, — и это была чистая правда. — Сомневаюсь, что она вообще кому-то говорила о тебе нелестные вещи. Она была не тем человеком. Она была настоящей леди.

— Верно, — согласился Бертон. — А теперь по твоей просьбе давай поговорим о другом. У меня билет на самолет на завтра, так что это мой по-

следний вечер здесь. Я знаю, тут отлично кормят. Давай поедим.

С меня уже было достаточно Бертона, но как отказаться вежливо, я не знала. Нельзя же было просто сказать, что мне некогда, когда у меня не было никаких дел. Я нехотя последовала за ним. Он сделал заказ, не соизволив даже спросить моего согласия. Однако Бертон знал китайскую кухню так же хорошо, как я китайское искусство. Перед нами ставили блюда с восхитительной едой. Я обратила внимание, что Бертон может быть довольно интересным собеседником, если постарается. Я даже чуточку потеплела к нему. У него хватило духа посмеяться над своей чрезмерной заботой о здоровье, когда я спросила, что это он делает, заметив, как он стал вытирать палочки для еды. В некоторых случаях их, конечно, не мешает помыть, но эти палочки подали к столу запечатанными. Я пыталась не засмеяться. Конечно, во время поездок я стараюсь соблюдать аккуратность. Если какое-нибудь место отвечает санитарным нормам, я не стану там есть, даже несмотря на аппетитный аромат. Это мое правило номер один. Я быстро оценила ресторан, в котором мы сидели, и нашла его вполне приемлемым. Однако Бертон решил не рисковать. Когда он капнул дезинфицирующего средства на безупречные ложки, я не смогла сдержать хихиканья. Даже Бертон рассмеялся.

Когда я наконец поборола смех, то решила перейти к вопросу, который собиралась сегодня ему задать.

— Ты ведь говоришь по-китайски. Мандаринское наречие? — спросила я, досыта наевшись.

— Да, и немного по-кантонски.

— И что же сказал швейцару тот парень в черном, достаточно влиятельный, чтобы избегать видеокамер и допросов вместе с остальными?

— Парень в дорогих ботинках? Он сказал что-то вроде: «Хватайте этого молодого человека». А что?

— А что бы ты сказал в подобных обстоятельствах?

— «Держите вора», наверное. Согласен, это прозвучало довольно двусмысленно, но думаешь, швейцар не стал бы хватать парня с серебряной шкатулкой под мышкой?

— Не знаю. Они оба были примерно одного возраста, Дэвид и грабитель.

— Куда ты клонишь, Лара?

— Обещаешь не смеяться? Я думаю, что человек в черном тоже замешан в краже.

— Стоп! Китайская армия. Будь осторожна.

— Ты ведь не собираешься обсуждать это с ними?

— Конечно, нет, но почему тебе это пришло в голову? Не потому ведь, что он исчез так быстро после происшествия и не пришел на следующий день, как все остальные? Возможно, ему надо было на службу. Не знаю, может, у него взяли показания дома или на работе в качестве уступки. Нельзя считать его преступником лишь потому, что он

избежал самых скучных часов, что довелось мне здесь провести.

— Это еще не все. Он якобы смотрел на картину. Но дело в том, что стоял он не в том месте. Это была картина с мелкими деталями. Все остальные подходили намного ближе, чтобы ее рассмотреть. Я внимательно разглядывала запись на видеопленке: где стояла я, где ты, а где все остальные, а потом сама подошла к картине. Этот человек стоял слишком далеко.

— Может, он просто не знает, как надо правильно смотреть на картины? И какое значение имеет его неопытность в данном деле?

— Я думаю, он встал так, чтобы сотрудник не мог видеть серебряную шкатулку.

— Ему не надо было этого делать, — возразил Бертон. — Этот идиот не оторвал бы глаз от экрана, даже если бы началось землетрясение в девять баллов. Здание вокруг начало бы рушиться, а он бы по-прежнему пялился в монитор.

— Да, но ты не можешь быть в этом уверен, если собираешься похитить шкатулку. Нельзя рассчитывать на то, что за компьютером в этот день окажется любитель игр.

— Нет, но, к моему сожалению, можно рассчитывать на плохую охрану. Они тут пока ничего не умеют. Чтобы перевозить предметы искусства, арендуют купе в поездах. Остается надеяться, что грабители не знают, что перед ними, когда взламывают двери купе, или их интересует нечто иное, нежели предметы искусства.

— Скорее всего, так оно и есть. Возможно, ты прав, и я просто раздражена, потому что этот парень воспользовался служебным положением и избежал двух утомительных встреч с полицией.

— Это Китай, Лара, — напомнил Бертон.

— Я, наверное, это уже в десятый раз слышу.

— Запомни.

Несмотря на то что Бертон прочел мне лекцию и был уверен, что я все выдумываю, мы провели довольно приятный вечер, избегая тяжелых разговоров о Дори и имени моего клиента. Расстались мы друзьями, Бертон сказал, что на следующий день мы не увидимся, так как ему надо рано ехать в аэропорт, и попросил позвонить, когда я вернусь домой.

Я не ожидала снова увидеть Бертона в Пекине, но, как мне вскоре предстояло узнать, он редко делал то, что говорил. Для себя я решила, что, если мне придется прождать еще пару дней, я могу сходить на аукцион, даже если не буду ничего приобретать. А тем временем решила развлечься осмотром достопримечательностей. Естественно, я начала с Запретного города, который должен увидеть каждый, кто приехал в Пекин. Я вошла с южной стороны, через площадь Тяньаньмынь, у Ворот Небесного Спокойствия, украшенных огромным портретом председателя Мао. Если вы хотите увидеть его самого, то вам надо пройти в очереди мимо его хорошо сохранившейся мумии в Мемориальном зале Мао. Я это сделала один раз, и мне хватило.

В начале нашей совместной жизни я рассказала Клайву о своем приключении, и он предложил устроить мировое турне, осматривая захоронения вождей во всем мире: Мао, затем Сталина в Москве, а где возможно, посещая внушительные мавзолеи с захороненными в них диктаторами, как, например, мавзолей супругов Перон в Аргентине. Теперь, когда я стала старше и мудрее, эта мысль не показалась мне такой забавной, но напомнила то время, когда нам с Клайвом было хорошо вместе. Надо добавить, что поездку мы так и не совершили. Вместо этого мы собирали часы с изображениями бывших диктаторов на циферблате, в случае с Мао особенно внушительную модель, где рука вождя изображала секундную стрелку. К сожалению, при разводе Клайв получил коллекцию часов, и теперь, когда они на нем, он высоко закатывает рукав рубашки и многозначительно смотрит на время.

Запретный город получил свое название потому, что на протяжении долгой истории был императорским дворцом, в который был закрыт доступ почти всякому, и обычный горожанин даже не мог приблизиться к этому месту. Теперь здесь можно свободно прогуливаться, что именно я и делала, восхищаясь огромными площадями, сверкающей красной отделкой залов, великолепными резными лестницами, внушительными курильницами в форме журавлей и черепах и, конечно же, тронным залом с троном в виде дракона. Чем дальше углубляешься в Запретный город, проходя через

одну огромную площадь к другой, тем ближе становишься к императору, Сыну Неба.

Я направлялась к самой пышной из императорских резиденций, Дворцу Небесной Чистоты, когда мне показалось, что вдалеке мелькнул Бертон с группой людей в форме, возможно, военных или полицейских. Я заметила не столько самого Бертона, сколько яркий голубой шарф и белокурую голову. Я начала пробираться ближе, но группа разошлась, и я уже не видела никого, хотя бы отдаленно похожего на Бертона. Я напомнила себе, что в этот день он собирался лететь домой. Еще рано, но рейсы были с полудня, так что у него не осталось бы времени на осмотр достопримечательностей. И потом, не один Бертон носил голубые шарфы. Я могла и ошибиться.

Несмотря на все великолепие зданий, моим любимым местом в Запретном городе был сад в его северной части. Я побродила по книжному магазину и купила несколько деревянных гравюр, которые мне бы хотелось повесить в своем антикварном салоне. В общем, я приятно проводила время. Однако меня не оставляло чувство вины. Майра сообщила, что до моего отлета все расходы будут оплачиваться, но мне хотелось, чтобы сама поездка не пропала даром, принимая во внимание то, что мне не удалось приобрести серебряную шкатулку, и я принялась искать другие сокровища, чтобы привезти домой. Если мне это удастся, я скажу Майре, что последние несколько суток моего пребывания

в отеле оплачу сама. С этой мыслью, немного успокоив совесть, я отправилась по магазинам.

Улица Люличан, находящаяся чуть юго-западнее Запретного города, представляет собой довольно милую, засаженную деревьями улочку для пешеходов и мотороллеров, обрамленную старыми домами, — по крайней мере, так они выглядят. Как и большинство пекинских улиц, она была выровнена не так давно, но ее реконструировали, и выглядит она настоящей. Считается, что это главное средоточение антикварных лавок, но настоящих сокровищ здесь не так уж и много, больше кустарных изделий. Думаю, это такая псевдоисторическая улочка с псевдодревностями. Однако это не уменьшает ее привлекательности, особенно хороши магазины, торгующие старыми книгами и приборами для каллиграфического письма, чернильницами, штемпельными подушечками и красивыми кистями из натурального волоса всех размеров, в том числе преогромными, которые вывешены в витринах. Есть тут кое-что интересное, например, кожаные куклы для театра теней. Некоторые из них действительно старые, другие новые, потрясающе выполненные. Я передала свою любовь к куклам из кожи Дженнифер и решила в подарок ей купить две особенно прелестные.

Самое привлекательное в этой улочке то, что вы удаляетесь от небоскребов и видите город таким, каким он был когда-то. Тут есть базары, чайные домики и обычные маленькие магазинчики, по-

мимо приманок для туристов, а если вы забредете чуть дальше, что я и сделала, поскольку стоял ясный зимний день, холодный, но солнечный, то вы окажетесь на Дачжалань Лу — настоящей улице с магазинами, торгующими шелком, и огромной китайской аптекой.

Я неспешно шла вперед в прекрасном настроении, когда увидела, что, возможно, было вполне предсказуемо, Бертона Холдиманда, который выходил из аптеки и надевал очки от солнца. Несмотря на то что на нем была хирургическая маска, я сразу узнала Бертона. Я своими ушами слышала, как он заявил, что вылетает рано утром, и теперь была полностью уверена, что он солгал. Возможно, из-за своей предубежденности по отношению к нему, я решила, что Бертон ведет себя подозрительно. Он осторожно огляделся по сторонам, прежде чем зашагать в ту сторону, откуда я только что пришла. Он был чем-то очень озабочен. Я последовала за ним. К счастью, на улицах было полно народа, поэтому я оставалась незамеченной. Вскоре мы опять вышли на улицу Люличан, где Бертон заходил в каждый антикварный магазин, даже тот, который имел весьма отдаленное отношение к древностям. Ожидание было бы крайне тягостным, если бы он задерживался в магазине подолгу, но в каждой лавке, невзирая на ее размеры, он проводил всего несколько минут, лишь бегло оглядывая представленный товар. В руке у него был листок бумаги, который он складывал всякий раз, когда

выходил на улицу, и вскоре я уже догадалась, чем он занят. Наконец, когда мы обошли около дюжины магазинов, мне все надоело, и я решила, что пора выходить из подполья.

— Лара! — удивленно воскликнул Бертон, выходя из лавки и увидев меня на улице.

— Бертон, — ответила я таким же тоном.

— Вот так счастливая случайность, — произнес он после небольшой паузы, во время которой, без сомнения, придумывал очередную ложь. — Рад тебя видеть. Надеялся, что ты составишь мне компанию за ужином. Я тоже решил сходить на аукцион. Там будет доктор Се. Он собирается приобрести фолиант этого поэта, думаю, ты знаешь. Он сказал, что, если ему повезет, он угостит всех шампанским, а если нет, то устроит поминки. Мне оба варианта по душе.

— Я думала, ты уже летишь в Торонто, Бертон, — ответила я несколько раздраженно.

— Да, но, похоже, мысль возвратиться домой с пустыми руками вызвала у меня отвращение. Я подумал, что попробую купить что-то другое. Аукцион состоится завтра вечером, как и было запланировано, если не считать одной шкатулки, поэтому я решил, что, возможно, там будет что-нибудь еще. Что касается покупок, то Кортни Коттингем предоставляет мне свободу действий.

— И ты решил, что улица Люличан — подходящее место для пополнения коллекции древностей твоего музея? — недоверчиво спросила я.

— Не совсем. Но на аукционе могут появиться возможности.

— Я тоже решила пойти на аукцион. Все равно пару дней у меня не будет возможности вылететь. Доктор Се и меня пригласил выпить шампанского, и, возможно, появится мистер Подделка, и тогда мы сможем забить тревогу.

— Мистер Подделка?

— Парень, который был в «Моулзуорт и Кокс» в Нью-Йорке и который, как я думаю, похитил шкатулку. Парень, которого ты не можешь вспомнить.

— Гм-м-м. На это мало шансов. Полагаю, грабитель туда не сунется.

— Кто знает? Как насчет чашки чая? Солнце садится и стало немного холодно.

— Почему бы и нет? — согласился Бертон, и мы вошли в ближайший чайный домик. И вновь заказ делал Бертон. Думаю, в этом был смысл, поскольку он знал язык, но я терпеть не могу мужчин, которые заказывают за меня, даже не спросив.

— Что с тобой случилось, Бертон? Прищемил руку дверцей машины? — Он снял рукавицы и теперь осторожно стягивал хирургические перчатки, рядом лежала нетронутая пара. Наверное, он не мог держать чашку теми же перчатками, в которых был на улице.

— Что?

— У тебя синяки на пальцах. На обеих руках. Занимался физическим трудом?

— Немного посинели, верно? Нет, я ни обо что не ударялся. Прекрасно помню, — Бертон быстро сунул пальцы в новые перчатки. Я заметила, что очки он не снял.

Я ему не поверила, но не было смысла продолжать расспросы дальше. В поведении Бертона было много озадачивающего, даже раздражающего.

— Что ты делаешь? — спросила я, когда официант принес нам чайник и две чашки. Бертон выудил из кармана пиджака пластиковый стаканчик и опускал в чайник пакетик с заваркой.

— Я принес свой чай. Для тебя я заказал зеленый китайский, а себе — горячую воду.

— Должна сказать, что твой чай ужасно пахнет.

Возможно, на самом деле он не так уж пах, однако его запах перебивал нежный аромат моего зеленого чая.

— Да, запах крепковатый, но зато чай очень действенный. Убивает бактерии, способствует нормальному кроветворению, убирает засоры в ци. Ты привыкнешь к сильному аромату, и этот чай тебе здорово поможет.

Я чуть не сказала, что если чай не сможет убрать засоры в ци, то его можно использовать для чистки труб, но сдержалась. Вместо этого я обратилась к более важной теме, но прежде сунула в рот одно из восхитительных пирожных с заварным кремом, которые Бертон тоже заказал, хотя сам не стал есть. Вообще-то я не против, чтобы он заказывал на свое усмотрение, если все будет так же вкусно.

— Что собираешься завтра делать? — спросила я. — Только аукцион?

— Наверное. Весь день буду отдыхать, может быть, схожу в спортзал отеля. Даже во время путешествий надо поддерживать себя в форме. Потом пойду на аукцион, там и увидимся.

Но Бертон и этого не сделал. Его ложь к тому времени начала меня задевать, и я была к ней готова. За чаем я дала ему возможность признаться в том, что он задумал. Бертон не признался. Я пришла к заключению, что он не только эксцентричный и чересчур амбициозный гений, но и крайне отталкивающий тип.

На следующее утро я смотрела, как Бертон, выйдя из лифта, быстро оглядел вестибюль, видимо, в поисках меня. Я удобно расположилась за пальмой в кадке и уже собиралась выходить из укрытия, когда появился Бертон. Он шагал очень быстро, вышел на улицу и сел в такси. Я села в следующее, и мы поехали за ним, что довольно непросто сделать, учитывая движение на пекинских улицах, но как только водитель понял, что я от него хочу, благодаря швейцару, который и глазом не моргнул, когда я попросила его перевести просьбу, он стал ловко объезжать пробки. Бертон направлялся на северо-запад от нашего отеля, такси объезжало Запретный город с северной стороны, но после этого мы стали петлять по улицам, и я уже не знала, где мы находимся. Меня утешало лишь то, что я прихватила из отеля карточку с его названием

на китайском, так что могла вернуться назад. Наконец первое такси остановилось, и Бертон вышел. Дав ему немного времени, я сделала то же самое.

Мы были на оживленной улице, обсаженной искривленными старыми деревьями, со множеством магазинов. Повсюду сновали люди, поэтому было сложно держать Бертона в поле зрения, но зато я снова могла не бояться того, что он меня заметит, ведь мы были единственными европейцами на улице. Он не оглядывался, но время от времени поднимал голову, чтобы прочесть вывески или номера на магазинах и заглянуть в витрины, словно что-то искал. Поблизости не было антикварных магазинов, поэтому мне не давал покоя вопрос: зачем Бертон здесь? Внезапно я испытала угрызения совести, подумав, что, возможно, была несправедлива к нему. Возможно, он идет к какому-нибудь китайскому травнику, чтобы посоветоваться насчет своего здоровья или купить еще этого жутко пахнущего чая. Что если он оглянется и увидит меня?

Внезапно Бертон вошел в маленькую бакалейную лавочку. Я остановилась на другой стороне улицы и ждала, пока он выйдет, но прошло уже несколько минут, а его все не было. Наконец я тоже вошла в магазин. Бертона нет. Я его потеряла, хотя не могла понять, как ему это удалось. Если бы только я могла к кому-нибудь обратиться!

Раздраженная, я повернулась, чтобы уйти, и чуть не натолкнулась на маленькую старушку, сидевшую

у двери. У нее было прекрасное, хотя и испещренное глубокими морщинами лицо и крошечные ножки. Я пришла в ужас, мой феминистический дух дал о себе знать. Вообще-то, бинтование ног было запрещено в Китае еще в 1911 году, и я никогда не думала, что увижу женщину с такими ногами. Маленькие ножки называли «золотыми лилиями», а длина идеальной ступни составляла всего три или четыре дюйма. Несмотря на запрет, этот обычай, по-видимому, продолжал жить и после 1911 года, и только коммунисты, пришедшие к власти в 1949 году, положили конец отвратительной традиции. Очевидно, что женщина родилась намного раньше. Я извинилась, хотя не была уверена, что она меня поняла. Но я улыбнулась ей, и она улыбнулась в ответ — у нее не хватало нескольких зубов. Потом рукой она показала на дальний конец магазина.

Сначала я думала, она хочет, чтобы я что-то купила, но потом заметила в глубине грубую деревянную дверь. Старушка решила, что белая женщина ищет европейца, и указывала в нужном направлении. Совесть перестала меня мучить: если Бертон убегает через потайные двери, значит, у него что-то на уме. Я собиралась выяснить, что он задумал на этот раз. Поэтому, словно Алиса из Страны Чудес, я распахнула дверь и шагнула в другой мир.

Глава 4

Мне было четырнадцать лет, когда моя жизнь круто изменилась. Первым, что нарушило мое довольно безбедное существование — с некоторой натяжкой его можно было считать таковым, — было пьяное откровение У Пэна, сообщившего мне, что я стал его приемным сыном не потому, что члены моей семьи по давней традиции служили во дворце, а потому что отец продал меня У, чтобы заплатить часть карточных долгов. «Жена» У мечтала о невестках, которые исполняли бы ее приказания, и внуках от двух приемных сыновей, поэтому У должен был найти кого-то для императорской службы. Пагубное пристрастие моего отца дало ему такую возможность. Да, мое спокойствие было нарушено, но я также начал ставить под сомнение все, что говорил мне отец, особенно касавшееся сестры. Я стал думать, что она умерла. Возможно, именно призрак Первой сестры обитал в колодце возле нашего дома. Это она не давала спать тетушке Чан! Однажды вечером мне любезно позволили постоять в уголке, пока личные музыканты императора, оркестр Грушевого сада, играли для Сына Неба и его друзей. Музыканты играли вдохновенно и снискали расположение императора. На этот раз, что бывало не часто, он не счел нужным поправлять их.

Женщины, поскольку оркестр Грушевого сада состоял исключительно из прекрасных женщин, исполнили мелодию, написанную самим Сыном Неба. Конечно, она была изысканна. Признаюсь, я стал считать себя ценителем искусств, и, зачарованный, подошел ближе, чем следовало. Кажется, Сын Неба не возражал. После окончания представления император подарил каждой женщине шелковый кошелек. У Пэн, подошедший ко мне, сказал, что все исполнительницы получат по монете. А одной из них дадут нефритовый диск, означающий, что эту ночь она проведет с Сыном Неба.

Вскоре после представления я получил приглашение прийти к женщине по имени Линфэй. Я решил, что это имя она получила во дворце, а не при рождении. «Лин» — это позвякивание нефрита, поэтому я решил, что женщина, наверное, играет на музыкальном инструменте, хотя не мог припомнить, чтобы мы были знакомы. Однако доброе имя Линфэй было всем известно. Именно к ней женщины обращались, когда у них возникали определенные медицинские проблемы, например, пятна на коже, которые, по их мнению, портили их красоту и отвращали от них Сына Неба, а также с сугубо женскими проблемами. Конечно, во дворце было множество докторов, но, похоже, императорские наложницы предпочитали обсуждать свои дела с Линфэй. Я недоумевал, что ей нужно от меня.

Меня провели в довольно простую комнату, где я остался ждать. У меня было ощущение, что за мной

наблюдают, что в тени кто-то прячется. Я никого не мог видеть, но в комнате витал слабый аромат гвоздики, который особенно любили в гареме, а также сладкого базилика и пачулей. Однако после нескольких минут ожидания я решил, что это какой-то розыгрыш, и повернулся, чтобы уйти.

— Я не отпускала тебя, — произнес голос. Я повернулся и увидел женщину в простом платье из роскошной ткани в европейском стиле без длинных, свисающих вниз рукавов, какие любили во дворце. Единственным украшением был пояс, на котором позвякивали кружочки нефрита, что соответствовало имени женщины. Ее лицо было набелено, лоб по моде выкрашен в желтый цвет, губы и щеки нарумянены, брови выщипаны, на их месте проведены сине-зеленые линии, напоминающие крылья мотылька. Волосы были собраны в высокий пучок, закрепленный изысканной булавкой, с которой свисали нефритовые шарики, позвякивающие при ходьбе.

— У меня для тебя есть задание, — произнесла женщина по имени Линфэй. — Насколько мне известно, ты умеешь читать и писать. Я хочу, чтобы ты записал этот список, — она указала на кисти и тушь. Когда я повиновался, женщина продолжила: — Ты пойдешь на улицу аптекарей, а затем в лавку, название которой я тебе назову. Попроси владельца дать тебе порошки и принеси их мне как можно скорее. В кошеле денег более чем достаточно. То, что останется, можешь забрать себе. На них можно купить много клецок и обжаренных пирожков. Если ты вернешься

быстро, я дам тебе еще монету, — с этими словами женщина бросила мне кошелек, напомнивший один из тех, что раздавал император накануне, и исчезла в тени.

Конечно, я был озадачен. Эта женщина знала обо мне намного больше, чем я о ней. Да, мне нравились клецки, которые продавали в известной лавке на базаре недалеко от улицы аптекарей. Мне уже не раз указывали, что я не тот костлявый ребенок, который впервые появился в императорском дворце. Откуда могло это быть известно императорской наложнице Линфэй, которую я только что увидел?

Это был первый из многочисленных сюрпризов, поджидавших меня во время моего общения с Линфэй. А также первое из многочисленных поручений. Меня регулярно отправляли на базар, чаще всего в аптеку. Зачастую мне приходилось довольно долго ждать, пока Линфэй занималась с молодыми женщинами, но в комнате было приятно находиться. Только через много месяцев я рискнул спросить обо всех этих настойках, но бесполезно: она ответила, что только время покажет, тот ли я человек, с кем она может быть откровенной.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями. Я стояла на узкой улочке в окаймлении высоких стен. Здания были из серого кирпича с серыми черепичными крышами, поэтому все вокруг было одного цвета, то тут, то

там перемежавшегося яркими пятнами вывесок и в одном месте одиноким красным светящимся китайским фонариком, который, казалось, сиял в этой обстановке. Стояла тишина, позади меня едва слышался приглушенный шум улицы. На улице два человека играли в шахматы, рядом висели две птичьи клетки, в которых весело распевали их обитатели. Неподалеку мужчина чинил велосипед.

Какое-то мгновение я просто любовалась открывшейся мне сценой, отдыхая от нового Пекина с его уличным движением и небоскребами. Вот таким раньше был Пекин: городом узких улочек, как эта, которые назывались хутунами. Я попала в квартал хутунов. В такой Пекин, город маленьких кварталов, я влюбилась двадцать лет назад и я была счастлива вновь обрести его. Жители сами управляли своими районами, выбирали собственных руководителей, устанавливали для всех правила. Я вспомнила, что здесь многое было общим, когда увидела, как из дома появился подросток в пижаме и поношенном махровом халате, быстро пошел по улице и скрылся в общественном туалете с изображением мужчины и женщины — символами, понятными во всем мире. Это вызвало у меня улыбку. Повсюду виднелись электрические провода, телевизионные антенны и наряду с этим общественные туалеты.

Все это выглядело довольно скромно, но мило. В солидных серых стенах, обрамлявших улицу, виднелись двери, кое-где ветхие, кое-где более

изысканные. Последние были выкрашены, часто в красный цвет, и рядом висели прелестные старинные дверные молоточки. Иногда мне удавалось заглянуть во внутренние дворики, которые в некоторых домах от глаз любопытных прохожих защищала декоративная стена или ширма.

Я была очарована и вспомнила: дома называются сихэюань — типичное жилье Северного Китая. В Запретном городе здания выстроены точно так же, правда, там они значительно больше. Это ряд одноэтажных домов с внутренними двориками, нечто вроде семейного комплекса. Войдя в дверь, которая на самом деле представляет собой ворота, называемые «ворота удачи», вы попадаете в первый дворик. Раньше можно было определить социальное положение обитателя сихэюаня по количеству балок у входа. Вы видите закругленные окончания балок, некоторые из них выкрашены и отделаны и нависают над дверью. Отсутствие балок или одна балка говорит о том, что здесь живет самая обычная семья. Пять балок — и вы в доме довольно важного человека. Семи балок нигде не встретишь, потому что число «семь» считается в Китае несчастливым, а «девять» предназначено исключительно для императора.

От всего этого захватывало дух, но, к несчастью, Бертона нигде не было видно. Я дала ему слишком большую фору, когда ждала у того магазинчика. Поэтому я решила просто воспользоваться моментом и побродить по улицам: вдруг мне повезет и Бертон

появится. Если же нет, значит, я просто прекрасно проведу время, а потом вернусь в отель. Я знала, что нахожусь в квартале хутунов, а значит, заблудиться не могла, поскольку все улочки здесь расположены так же, как и в Запретном городе, точнее, как во всем Пекине, по крайней мере раньше, то есть по оси с севера на юг. Крупные улицы тоже проходят в этом направлении, а хутуны с основном расположены с востока на запад, связывая их между собой. Если я продолжу идти вперед, то выйду на большую улицу и на такси вернусь обратно в отель.

Но через несколько минут я начала волноваться. Да, конечно, хутуны шли с востока на запад, но были еще и маленькие боковые улочки, и я понятия не имела, откуда начала свой путь. Небо уже затянули тучи, посыпал легкий снежок, и все улицы приняли одинаковый вид. Время шло, а я все еще не вышла на главную улицу, как надеялась.

У меня появилась мысль, что я не только потеряла Бертона, но и потерялась сама. Однако и тут удача не отвернулась от меня. Первым признаком стал громкий барабанный бой, внезапно раздавшийся неподалеку. Должно быть, это Барабанная башня, обозначающая северную окраину старого города, а я знала, где она находится. Сообразив, что барабаны не станут бить вечно, я быстро пошла на звук. Свернув за угол, я поняла, что и в случае с Бертоном еще не все потеряно. Я немного попятилась назад, а потом снова осторожно выглянула из-за угла.

Бертон стоял перед одним из самых замысловатых сихэюаней, разговаривая с кем-то в дверях. У этого дома были довольно большие, украшенные богатым орнаментом «ворота удачи» с внушительными каменными скульптурами с обеих сторон — хранителями ворот. Стена дома тянулась вдоль улочки на много ярдов, а за стеной я разглядела весьма внушительную крышу дома. Если бы мне предложили делать ставки, я поспорила бы, что у владельца дома есть ванная комната. В конце концов, на воротах было пять балок. И по всей видимости, счастливцем был тот самый человек в черном.

Все это вызвало во мне большое замешательство, если не сказать раздражение. Несмотря на то что путешествие по хутунам было интересно мне как туристу, преследование Бертона не входило в мои планы, а его постоянная ложь начала меня злить. Однако у меня тоже созрел план, а именно — вернуться в отель и там подкараулить его. Барабанная башня, сказочное сооружение, где утром и вечером отбивали время для обитателей древнего Пекина во времена династий Юань, Мин и Цин, и такси до отеля помогут мне претворить мой план в жизнь. Оставалось только надеяться, что армейский офицер меня не узнал. Похоже, на улицах я была единственной европейкой, поэтому привлекала еще больше внимания. Было холодно, поэтому я надела шляпу и шарф, и когда промчалась мимо ворот, не заметила на лице человека в черном

никаких признаков того, что он меня узнал. Они с Бертоном о чем-то оживленно беседовали. Поворачиваясь к нему спиной, я была почти уверена, что Бертон понятия не имел о моем присутствии.

В фойе отеля я заказала себе кофе и принялась ждать возвращения Бертона. Я дала ему пять минут на то, чтобы дойти до номера и снять пальто, прежде чем перешла в наступление. Мне было известно, где его номер. Когда мы встречались в баре, он купил выпивку, и я заметила номер, когда он расписывался. На мой стук он открыл с баллончиком дезинфицирующего средства в руках. Я на минуту затаила дыхание, решив, что он на меня сейчас брызнет, прежде чем я успею войти. Лицо у Бертона было недовольное, но по крайней мере он не распылил мне в лицо свое средство и после долгой паузы сделал шаг в сторону, жестом приглашая меня войти.

— У меня к тебе предложение, Бертон, — начала я.

— Неужели нельзя подождать до вечера? Мы ведь увидимся на аукционе. Я надеялся немного отдохнуть. Не очень хорошо себя чувствую.

Да, вид у него был какой-то помятый. Разговаривая со мной, Бертон не поднимал головы, и на нем по-прежнему были очки от солнца. Но это меня не остановило.

— Что так, Бертон, твое ци перестало быть гармоничным? Жаль это слышать. Я знаю, чем ты занят. Ты не ищешь замены танской шкатулке. Ты

ищешь саму шкатулку. Майра Тетфорд, с которой ты встречался на днях, проверила все газеты, и нигде еще ни слова нет о краже с аукциона. Ты считаешь, что если выдашь тайну газетчикам, грабитель, думающий, что находится в относительной безопасности, раз нет огласки, сам придет к тебе. Ты идешь по любому следу. Я права?

Вообще-то, хотя я решила об этом и не говорить, но сегодня утром Бертон шел по моему следу: мысль о том, что человек в черном специально заслонял сотрудника аукционного дома, чтобы у грабителя появилась фора, была моей. Человек в черном мог даже намеренно указать швейцару на другого.

Бертон неловко поерзал на стуле.

— Наверное, ты права. Еще есть шанс.

— А я думаю, что шансов ничтожно мало, возможно, ты попусту теряешь время. Но я желаю заполучить эту шкатулку так же, как и ты, может быть, даже сильнее. Предлагаю искать ее вместе. Это сэкономит время. Если ее найдет один из нас, мы передадим ее аукционному дому. Затем снова будем бороться за нее, и пусть все будет по-честному. Пусть победит сильнейший, как ты говоришь. Может, стоит согласиться? Одно дело купить шкатулку, но совсем другое — вывезти ее из страны, если ее объявят краденой.

— Я мог бы попытаться ее вывезти.

— Власти не желают, чтобы из страны вывозили ворованные ценности. Если тебя поймают, то ре-

шат, что именно ты ее украл. Даже если ты совершенно законно приобрел шкатулку на аукционе, китайские власти не пожелают, чтобы ты вывез ее из страны.

— Это нелепо. Да, китайское правительство просит Штаты запретить импорт ценностей, которым более девяноста пяти лет. Если хочешь знать, я считаю это лицемерием.

— Что лицемерного в том, что люди хотят сберечь историческое наследие своей страны?

— Сберечь наследие? Тебе ведь известно, что во время «культурной революции» людей вынуждали уничтожать все — древности, храмы, гробницы, что угодно. Это был варварский процесс, затеянный государством, если тебе интересно мое мнение. Мишенью являлось почти все представляющее ценность с исторической точки зрения.

— Это было давно. Сейчас власти хотят защитить свои ценности.

— Странно они это делают. Подожди аукциона и сама увидишь. Там будет полно китайских коллекционеров, готовых выложить огромные деньги за покупку. Самый крупный рынок китайских древностей — это Китай.

— И что?

— А то, что все эти покупатели — в основном частные лица, молодые и наглые богачи. Никакие экспонаты не попадут в музеи, где бы их увидел народ, уверяю тебя. Они попадут к таким людям, как Се Цзинхэ, который, несмотря на весь свой

джентльменский вид, единственный будет любоваться этими сокровищами, если только не пригласит взглянуть на них своих богатеньких друзей. Почему же мы, североамериканцы, частные коллекционеры, торговцы или кураторы музеев, не можем поступить подобным образом?

— А как же...

— Только, пожалуйста, не говори о том, что покупатели и коллекционеры поощряют грабеж. Это китайское правительство дает своим гражданам возможность приобретать предметы искусства и старины. Вот что я называю поощрением грабежа.

— Ладно, тогда я скажу по-другому. Если я узнаю, что ты пытаешься незаконно вывезти что-нибудь из страны, я тут же донесу на тебя. Несмотря на твои слова, мне кажется, что тут за экспорт культурных ценностей предусмотрено суровое наказание, особенно если эти ценности краденые. Смертная казнь, верно?

Бертон побледнел. Было от чего испугаться, потому что иногда за попытки вывезти древности из страны действительно лишали жизни.

— Откуда мне знать, что ты не нашла шкатулку, а мне решила не говорить? — спросил он, взяв себя в руки.

— Ниоткуда. Я просто даю тебе слово, что буду играть честно. Лично мне кажется, что это я больше рискую.

Бертон поразмыслил.

— Хорошо. По рукам.

Мы протянули друг другу руки, его рука была в хирургической перчатке.

— Хочешь чаю? — спросил он, указывая на какие-то замысловатые приборы и коробку с незнакомым мне чаем. — Я уже заварил. Он помогает удалить застои в ци.

И снова запахло очистителем для труб. Я отказалась.

— А это что такое? — поинтересовалась я, указывая на маленький цилиндр, издававший довольно громкое жужжание.

— Очиститель воздуха.

— Ты путешествуешь с очистителем воздуха? — недоверчиво переспросила я.

— Да. Конечно, с переключателем напряжения и вилками европейского образца, чтобы можно было пользоваться им везде. То же касается и моего чайника. Не стоит ждать, что в номере будет чайник, да и потом неизвестно, кто им пользовался и что клал внутрь.

— Ты путешествуешь с очистителем воздуха, — повторила я.

— И что? — раздраженно спросил Бертон.

— Да нет, ничего.

— Сейчас эпидемия гриппа. Из Азии все возвращаются с ужасными проблемами с бронхами.

— Понятно. Постараюсь ничего не подхватить. Вернемся к нашему разговору: куда двинешься дальше?

— Рынок Паньцзяюань. Знаешь, где это? К юго-востоку отсюда. Он огромный, так что отправлюсь завтра утром и, если понадобится, проведу там весь день.

— Едем вместе, — сказала я, решив не упускать Бертона из виду. — Встретимся в фойе в любое удобное для тебя время.

— Хорошо. Поедем на такси. Нет, постой. Я записался на лечебный массаж. Проблема с желудком. Это по пути. Думаю, рынок открывается рано, давай встретимся в половине десятого. Тебе удобно?

— Да, буду ждать. Мы можем разделиться и прочесать каждый свою часть. Я захвачу с собой копию фотографии, а также кучу карточек из отеля — напишу на них свое имя.

— Вели таксисту отвезти тебя туда, где продают предметы старины, а не кустарные изделия. Там и увидимся. Будем держаться вместе. Если возникнут трудности с языком, я буду неподалеку.

Я чуть было не ляпнула, что Бертон не желает терять меня из виду вовсе не для того, чтобы помогать преодолевать языковой барьер, а чтобы постоянно следить за мной. Но меня это вполне устраивало, потому что и я собиралась следить за ним. Мне очень хотелось спросить, о чем он разговаривал с человеком в черном, но тогда он бы понял, что я преследовала его. Поэтому я решила лучше промолчать, поскольку сейчас у меня на руках была козырная карта, пусть даже мне скажут,

что я поступила низко. Бертон ни словом не обмолвился, что знает, как я за ним следила, значит, он либо не был в курсе, либо решил это скрыть.

В тот день мы больше не говорили о нашем соглашении. Нам вообще не суждено было об этом говорить. Однако на аукционе Бертона я видела. Народу было много, включая Майру Тетфорд, которая заявила, что, сотрудничая со мной, увлеклась китайским искусством, и была уверена, что это будет стоить ей денег. Я ответила, что пути назад нет.

Торги были яростными. Хотя мне и неприятно это признавать, но в одном Бертон был прав: большинство клиентов оказались китайцами, молодыми, одетыми напоказ и, без сомнения, желающими приобрести экспонат для себя, а не для музея. Доктор Се был самым пожилым покупателем в зале. Он также предлагал самую высокую цену за фолиант, заплатив невероятную сумму в три миллиона американских долларов. Становилось понятным, почему загадочный продавец решил перевезти шкатулку из Нью-Йорка в Пекин. Здесь он или она безо всяких сомнений смогли бы продать ее выгоднее. Я хотела было предложить свою цену за несколько очаровательных предметов из фарфора, но Бертон, увидев, что я собираюсь это сделать, остановил меня.

— Не стоит, — сказал он. Он снова, вероятнее всего, был прав. Зато Майре удалось приобрести восхитительный рисунок девятнадцатого

века по совету доктора Се и Бертона. Она была в восторге.

Доктор Се был настроен отпраздновать свое приобретение, и мы действительно отпраздновали. Однако это были отнюдь не пара бокалов шампанского, как я ожидала, а роскошная вечеринка в его пентхаусе. И вновь передо мной открывался живописный вид на Запретный город и огни центра Пекина. Квартира была великолепна, вся в золотых и синих тонах, с шелковыми коврами повсюду и очень красивой резной мебелью ручной работы. От убранства захватывало дух. Я могла бы целыми днями разглядывать каждый предмет. Там был шкафчик с бронзовыми изделиями эпохи Шан, прелестный фарфор, лакированные изделия, изысканные предметы из нефрита, несколько золотых и серебряных безделушек. У доктора Се был целый стеклянный шкафчик с предметами для погребальных обрядов династии Тан, терракотовые фигурки лошадей, верблюдов и всадников, слуг и солдат, выкрашенные в желтый и зеленый цвета. Я почти позабыла о шампанском.

Особенно любил доктор Се свою коллекцию свитков и фолиантов. В чисто мужском кабинете с темной мебелью каждый квадратный дюйм на стене был заполнен красивыми свитками. Доктор Се зашел в эту комнату вместе со мной.

— У вас превосходная коллекция, — заметила я. — Я слышала о коллекции, которую вы передали в дар в Канаде, но у меня не было возможно-

сти ее увидеть. Если она хотя бы наполовину так прекрасна, как эта, значит, музею действительно повезло.

Доктор Се скромно принял мою похвалу.

— И здесь, и в Канаде мне сопутствовала удача, и я счастлив, что смог поделиться своими приобретениями. Признаюсь, я пристрастился к коллекционированию. Постепенно я передам все это музею, но сначала хочу налюбоваться сам. Показать вам, где я размещу только что купленный фолиант?

Я последовала за ним в некое подобие вестибюля. В ней стояла стеклянная витрина с контролируемым уровнем влажности и освещения.

— Вот сюда я и положу его, в свою маленькую сокровищницу. А теперь я должен идти к гостям. Ужин скоро подадут.

Я снова рассматривала погребальные танские фигурки в гостиной, когда мне пришло в голову, что, несмотря на всю их прелесть, ни один экспонат в шкафчике не мог сравниться с комплектом серебряных шкатулок, но не потому, что фигурки передо мной были небезупречны, а потому, что в шкатулках было что-то особенное. Время от времени встречаются предметы искусства, завладевающие нашим воображением, возможно, потому, что представляют собой лицо эпохи, или же их возникновение связано с какой-то историей, по-прежнему имеющей для нас актуальное звучание, либо символизируют нечто глубокое. Подобное искусство глубоко трогает нас. Да, погребальные фи-

гурки передо мной были прекрасны и, несомненно, подлинны. Да, работа была безупречной. Да, и фигурки, и шкатулки принадлежали к одной эпохе, может быть, даже были найдены в одной и той же танской гробнице. Однако серебряные шкатулки с дразнящей и дарящей надежду формулой эликсира бессмертия превосходили все остальное. Бертон был прав. Именно такой экспонат захочет приобрести для отдела азиатского искусства музей, подобный Коттингемскому. Да и любой другой музей.

Я не слышала, как Бертон подошел ко мне.

— Сказочные вещицы, — произнес он. — Но не такие, как серебряная шкатулка.

— Да.

— Мы должны ее найти, Лара. Неважно, какому музею она достанется, моему или тому, куда собирается ее передать твой клиент. Мы должны ее найти во что бы то ни стало.

— Да, Бертон, ты прав.

— И мы найдем. А теперь пошли ужинать.

Среди гостей было несколько знакомых мне человек, но кое-кого я не знала. Там были Майра и Руби, Бертон и Дэвид. Майра отозвала меня в сторонку и указала на группу людей, в том числе на господина в дальнем конце комнаты.

— Большая шишка из правительства, — прошептала она. — Очень влиятельный. Сын близкого друга Мао Цзэдуна. Учился в Гарварде.

— Я думала, что из Китая невозможно выехать учиться в Гарвард, — ответила я. — Когда я была

тут двадцать лет назад, а именно в то время этот человек, скорее всего, учился, надо было получить особое разрешение, чтобы покинуть страну.

— Нет ничего невозможного, если ты сын друга Мао. Тебе что-нибудь говорит термин «красный принц» или «красная принцесса»?

— Ничего.

— Это дети людей, приближенных к Мао. Я бы сказала, в этой комнате их несколько. У друзей Мао были особые привилегии, они могли получить лучшее жилье, им позволялось богатеть, в отличие от простых людей, и их дети могли учиться в Гарварде.

— Но теперь, когда страна стала более открытой, возможно, это уже не имеет прежнего значения?

— Ничего подобного. Руби хотела бы учиться за границей. Думаешь, она тут же получит паспорт? Нет. Конечно, я сделаю для нее все возможное, потому что она талантлива и достойна большего, чем просто помогать мне. Я буду по ней скучать. Она нашла для меня офис и общается с чиновниками, с которыми я бы не сумела сладить. Но если она хочет уехать, я попытаюсь ей помочь. Я привела ее сегодня, потому что хочу познакомить с влиятельным доктором Се. Я здесь для того, чтобы умаслить правительственных чиновников.

— Полагаю, если доктор Се собрал гостей, он был уверен, что получит свой фолиант на аукционе. Он сказал, что в противном случае устроит поминки, но, на мой взгляд, это скорее празднование

победы. Если все эти люди настолько влиятельны, нельзя просто подойти к ним на аукционе и пригласить к себе.

— Нет, да и подобные угощения обычно в холодильнике не валяются, — заметила Майра, когда официант принялся разносить необычайно вкусную холодную закуску из креветок. — Когда ты можешь перебить любую цену и твердо намерен что-либо приобрести, тогда можно заранее планировать праздничную вечеринку. Доктор Се очень богат и решителен.

— И китайскому правительству все равно, что эти предметы искусства принадлежат ему? Ведь этим экспонатам пять тысяч лет! Шанской бронзой гордился бы любой музей.

— Пока все эти древности находятся в стране и пока у него столь могущественные друзья, проблем не будет. На самом деле правительство просто хочет оставить все ценности в Китае, а доктор Се как раз это и делает.

Это подтвердило слова Бертона, сказанные ранее.

Меня посадили между Майрой и Дэвидом, что было очень удобно, поскольку несколько человек говорили по-китайски. Майра шепнула мне, что собирается поговорить с человеком, сидевшим справа от нее, тем самым «красным принцем». Мне пришлось беседовать с Дэвидом, который сидел справа от Бертона. Я была не против. Дэвид оказался интересным собеседником.

— Как вы познакомились с Бертоном? — спросила я. — Он сказал, вы ему помогали, пока он был в Китае.

— Очень любезно с его стороны. Я встретил его год назад на аукционе. Мы пообщались какое-то время. Он связался со мной, когда собирался приехать и приобрести танскую серебряную шкатулку, но на самом деле я всего лишь хожу за ним по пятам. Честно говоря, я хотел встретиться с доктором Се, поскольку он влиятельный человек, и мне было полезно завязать с ним знакомство. Бертон любезно предложил нас познакомить. Мы неожиданно встретились в «Доме драгоценных сокровищ», но, когда похитили серебряную шкатулку, у нас не было времени поговорить. Поэтому сегодня вечером Бертон привел меня сюда. Мне так хочется продвинуться выше, что я готов на столь дерзкий шаг.

Я рассмеялась.

— Вы коллекционируете предметы искусства?

— С удовольствием бы это делал. Но прежде чем приступить, мне надо побольше узнать об искусстве и начать зарабатывать больше денег.

— Разумно. Большинство просто бросаются в омут головой и учатся на своих ошибках. И чем вы занимаетесь?

— Я по образованию юрист. Учился в юридической школе в Калифорнии. Работаю бизнес-консультантом, подобно Майре, только ее нанимают иностранные фирмы, а я представляю китайские.

— Юридическая школа в Калифорнии означает, что вы один из этих «красных принцев», о которых мне говорила Майра?

Дэвид засмеялся в ответ.

— Полагаю, да. Но только во втором поколении. Вам понравился аукцион?

Я решила, что поступила бестактно, задав этот вопрос, поэтому Дэвид и уклонился от прямого ответа, но тем не менее мы довольно мило поболтали. Несмотря на слова Дэвида о том, что он плохо разбирается в искусстве, он довольно много знал о коллекции доктора Се, намного больше меня, а ведь у меня был отличный учитель в лице Дори Мэттьюз. В конце вечера мы обменялись визитками, и Дэвид сказал, что, если я приеду в Пекин еще, он с радостью покажет мне город. Он был просто очарователен.

Примерно в час ночи мы покинули дом доктора Се. Я направилась в отель вместе с Бертоном, который весь вечер не снимал солнцезащитных очков, ссылаясь на мигрень.

— Не забудь, — напомнил он, когда мы желали друг другу спокойной ночи, — рынок Паньцзяюань, половина десятого утра. Приходи, а то пожалеешь!

Как будто мне надо было напоминать.

Беда в том, что утро выдалось совсем не таким, как я ожидала. Накануне мы веселились допоздна, и должна признать, я выпила довольно много шампанского. И надо же было мне проспать именно в

это утро! Я пыталась завести гостиничный будильник в телефоне, но, похоже, мне это не удалось, потому что, когда я проснулась, часы показывали без четверти десять. Пробродив большую часть ночи по комнате, я умудрилась заснуть перед тем, как мне надо было вставать. А всему виной сбой биоритмов и шампанское. Я выскочила из постели и примерно в пять минут одиннадцатого уже неслась по коридору. Выяснилось, что я не опоздала. Бертон как раз садился в такси. Решив, что он тоже проспал, я направилась к дверям, но замерла на месте, увидев, как швейцар складывает в багажник вещи Бертона.

Подлец снова меня обманул! Я стояла неподвижно, пылая от ярости и глядя вслед уходящему такси. Когда я наконец немного успокоилась, то вернулась к столу регистрации.

— Мой коллега из Торонто, господин Бертон Холдиманд, только что выехал из отеля, верно? — спросила я, надеясь, что мой голос звучит испуганно. Не уверена, что я притворялась.

Миловидная женщина за столиком что-то печатала на компьютере.

— Да, боюсь, это так. Всего несколько минут назад. Какие-то проблемы?

— Он забыл свои бумаги. Он едет на встречу в... Не могу произнести.

— В Сиань, — подсказала женщина. Название города довольно легко произнести, чтобы оно хотя бы отдаленно напоминало китайское звучание, и большинство туристов в Пекине это умеют, по-

скольку город известен своими терракотовыми воинами, но мне было все равно, что я выгляжу глупо. Я получила, что хотела. — Он вернется, — продолжала сотрудница. — Он попросил записывать все звонки, которые будут сделаны за время его отсутствия. С радостью оставлю ему и ваше сообщение. Вот ручка и бумага.

— Я подожду, пока он вернется. Мне надо передать ему вот эти бумаги, — я вытащила из сумки сверток. На самом деле в нем были мои проездные документы, но женщина все равно ничего не узнает. — Они нужны ему для встречи в Сиане. Он не сказал, в какой гостинице остановится? Я ему позвоню. Возможно, мне удастся передать часть материалов по факсу. Вы ведь мне поможете? Я буду вам очень признательна.

Спасибо ей. Она рассказала мне все, что нужно. Предложила передать по факсу документы, если я принесу их попозже, когда Бертон прибудет в Сиань. Но я этого не сделала, потому что уже днем была на борту самолета авиакомпании «Эйр Чайна», направляющегося в Сиань, бывшую столицу танской династии где, возможно, находится дом Линфэй — первой владелицы серебряной шкатулки. Я также собиралась задать жару этому негодяю. Сказать, что я была зла на Бертона, означало никак не передать всех моих чувств после всей этой чуши насчет совместных поисков шкатулки. Я не на шутку разозлилась.

Глава 5

Помню тот момент, когда я решил, что Линфэй вполне может оказаться моей пропавшей сестрой. После откровений У Пэна я почти не навещал свою семью. Выполнив все необходимые обязательства, я больше не искал возможностей увидеться с родными. Однако мои чувства к семье не распространялись на тетушку Чан, которая была нашей преданной и любимой прислугой, дальней родственницей моей матери. Толчком послужила наша случайная встреча, когда она выходила из буддистского храма после молитвы. Все в моей семье буддисты, мать — особенно верующая женщина. Мой прадед приобрел у хваткой представительницы императорской фамилии, некоей принцессы Аньлэ, удостоверение о посвящении в сан за тридцать тысяч медных монет, чтобы избежать уплаты налогов, как все священнослужители. Однако он не жил в монастыре, не соблюдал обет безбрачия, о чем свидетельствуют его многочисленные отпрыски. Нынешний Сын Неба отменил освобождение от налогов и вновь занес нас в списки налогоплательщиков, что очень расстроило мою семью и сильно потрясло меня, когда я стал достаточно взрослым, чтобы понимать.

Тетушка Чан любила пропустить пару рюмочек своего излюбленного «Придворного светлого пива Жабьего кургана». Во время своего проживания во дворце я понял, что это низменный напиток, но тетушке Чан он нравился, и я иногда водил ее в трактир. Она пила, а я ел клецки. Когда ей становилось хорошо, я использовал эту возможность, чтобы расспросить о сестре.

— Я только знаю, — ответила тетушка Чан, — что твой отец очень на нее рассердился, когда она не пришла ночевать. Я знаю, он понял, что это было связано с каким-то юношей. Твоя сестра влюбилась в кого-то из Стражи Золотой птицы, из тех, что стоят на посту у восточных ворот. Поэтому она спокойно осталась на улице, когда закрыли квартал. У твоего отца были на нее другие планы. Она прекрасно играла на музыкальных инструментах, и с ее помощью он желал повысить свое положение, уговорив принять дочь в императорский дворец. Если бы она понравилась императору, твоя семья пошла бы в гору. Их могли бы пригласить во дворец, они стали бы доверенными лицами старших мандаринов.

— Это и случилось потом? Она где-то во дворце?

— Не знаю. Мне только известно, что она ушла с твоим отцом. Он вернулся, а она нет. То же случилось и с тобой. Но в отличие от тебя, я больше не видела и не слышала о твоей сестре. Мать совсем не упоминает ее имени и не позволяет этого делать никому в доме.

До этой секунды мне и в голову не приходило, что я должен искать сестру во дворце, в гареме Сына Неба. Отсюда, полагаю, и возникли мои подозрения насчет Линфэй. Всякий раз, когда я видел ее, я внимательно разглядывал ее черты, пытаясь понять, действительно ли она моя старшая сестра или нет. Было две сложности. Во-первых, со мной она всегда была накрашена. Во-вторых, я не виделся с сестрой почти десять лет. Когда она исчезла, мне было всего пять. Ее лицо почти стерлось из моей памяти, и я видел его отчетливо лишь во сне. Я внимательно прислушивался к голосу Линфэй, но он мне ни о чем не говорил. Это был голос взрослой женщины, а не молодой девушки.

Однако у меня было достаточно возможностей изучать Линфэй. После нескольких месяцев моего общения с ней она попросила кое-что для нее написать. Я решил, что это письмо семье, что поможет разрешить загадку, но все вышло не так. Вместо этого я начал писать подробный рецепт изготовления искусственного жемчуга. Я ничем не выдал себя, но пытался запомнить написанное, поскольку в гареме жемчуг пользовался большим спросом.

Но ее просьба меня разочаровала. Моя сестра умела писать, как и я, и мои братья, поэтому я пришел к выводу, что Линфэй — не та, кого я ищу. Я был в отчаянии, пока она не сказала мне, что я сэкономил ей много времени, написав это письмо, и дал возможность изучить заметки, которые она делала во время

предыдущих опытов. Это означало, что Линфэй умела читать, и ко мне снова вернулась надежда. Линфэй попросила меня прийти через два дня.

После этого я проводил с Линфэй по меньшей мере день в неделю — писал для нее. Я садился, скрестив ноги, на одну из деревянных кушеток, придвигал к себе столик для письма, а она ходила по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть свои записи. Большинство записанных мною формул были, насколько я понял, средствами для лечения различных болезней, вызванных избытком инь или ян из-за сильного влияния ветра, холода, жары, влаги, сухости и огня. Линфэй рассказала мне, что до появления во дворце была даосской монахиней, и ее обучал учитель. Формулы, которые я записывал для нее, были выведены на основе тех ранних записей, работы, которую она выполняла с учителем, а также собственных наблюдений за лечением наложниц. Впервые Линфэй была откровенна со мной.

Другой город. Тот же уклад жизни. По крайней мере, тут было интересно. Многие считают Сиань и его окрестности колыбелью китайской цивилизации, и это вполне справедливо. История города насчитывает не менее четырех тысяч лет: он был столицей нескольких китайских династий, включая первого императора, Цинь Шихуанди, и это великолепное хранилище искусства и культуры. Во всем мире известна терракотовая армия Цинь

Шихуанди, и, кажется, по сравнению с Пекином, где снесен почти весь старый город, Сиань лучше приспособился к новой экономической реальности, сохранив приметы старины и создав новое. Сиань окружен стенами, хотя давно уже раскинулся за их пределы.

Бертон выбрал отель в пределах живописных стен старого города, чуть восточнее Колокольной башни, которая была центром древнего города, так как располагалась на пересечении главных осей, идущих с севера на юг и с востока на запад. Он вышел из отеля около девяти утра, когда обитатели этой части города только начинали просыпаться. На улице Бертон остановился, чтобы добавить хирургическую маску к своему облачению, которое уже включало натянутую по самые уши шляпу, длинный шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи, естественно, небесно-голубого цвета, грубую куртку и перчатки. На улице было холодно, и впервые в жизни хирургическая маска выглядела уместно: к несчастью, в Сиане очень загрязненный воздух, и маски носят даже некоторые китайцы.

Позаботившись о своем здоровье, Бертон обошел таксиста, готового везти пассажира, куда он пожелает, и пешком отправился на запад по улице с довольно прозаичным названием Дун Дацзе, или Восточная улица, мимо ресторанов, торгующих паровыми клецками и булочками прямо из окон, мимо многочисленных магазинов одежды, большинство из которых были еще закрыты, мимо

банков с очаровательными надписями на английском, такими как «Вечернее сокровище», что означало ночной депозитарий, а потом мимо человека, моющего тротуар перед заведением с поэтичным названием опять же на английском — Солнечный клуб поиска новых друзей «Половина девятого». На улице было мало людей, и я опять начала переживать, что Бертон меня заметит. Но он даже не повернулся.

Подойдя к Колокольной башне, он лишь бегло взглянул на внушительное и нарядное строение, прежде чем на эскалаторе спуститься в подземный переход, связывающий крупные улицы центра города. Когда Сиань, известный тогда под названием Чанань, был столицей танской династии, возможно, он являлся самым населенным городом мира. Главные улицы были очень широкими, особенно улица, идущая с севера на юг, чтобы император мог отправиться из своего дворца в северную часть столицы, а потом вернуться на юг по своим императорским делам. Жителям приходилось пересекать огромные сточные канавы вдоль роскошных улиц, затем через канавы перекинули мосты, а теперь пешеходам нужно спускаться под землю, чтобы избежать транспорта, а оттуда уже выбираться на север, юг, восток или запад от Колокольной башни.

Бертон выбрал западное направление, пройдя мимо Барабанной башни с западной стороны перекрестка. Он шел по той же улице, которая здесь называлась уже Си Дацзе, или Западная улица.

Внезапно он замедлил шаг, и мне пришлось спрятаться за лестницей, ведущей в торговый центр. Затем Бертон свернул на север.

Я продолжала следовать за ним по удивительному торговому кварталу. Здесь были чайные домики и бакалейные лавки, ларьки с клецками, разносчики всевозможных сладостей. По мере того как мы все больше уходили в глубь базара, улочки становились все уже. Постепенно надписи на китайском уступили место вывескам на арабском языке, стали попадаться женщины в платках. В воздухе витал запах баранины. Мы очутились в мусульманском квартале Сианя. Бертон остановился, чтобы купить билет, и вошел в мечеть. Через несколько минут я сделала то же самое.

В мечети Сианя, претендующей на звание самой крупной в Китае, в чем я не сомневаюсь, царили умиротворение и покой: прелестные арки смешанного арабо-китайского стиля, красивые деревянные строения и ворота, старые, изогнутые деревья, каменная стела и фонтаны. По моему мнению, это место больше подходило для тихого созерцания, здесь было слишком спокойно, особенно если вы кого-то преследовали. Мне надо было вести себя очень осторожно, чтобы Бертон ничего не заподозрил.

Мечеть представляла собой идеальное место для тайных встреч. Перед молельным залом Бертон остановился и стал ждать. Я отступила назад и наблюдала за ним. Несколько минут он просто стоял

на месте, притоптывая ногой от холода и все плотнее укутываясь в шарф. На какое-то мгновение он стянул маску, поскольку поблизости не наблюдалось зараженных объектов, и я увидела облачко пара от его дыхания в холодном воздухе. Примерно минут через пять мимо меня прошел мужчина неопределенного возраста, не молодой, но еще и не старый, и направился к Бертону. Я нырнула в боковой зал и принялась ждать. Через пару минут я услышала их приближающиеся голоса и напрягла слух. Они остановились напротив зала, в котором я спряталась. К моему сильному раздражению, разговор велся по-китайски. Я понятия не имела, о чем речь, чувствовала лишь, что говорят они на повышенных тонах, словно о чем-то спорят и не могут прийти к соглашению. Мне удалось увидеть лицо знакомого Бертона, и этого было достаточно, чтобы узнать его при последующей встрече. Скоро они прошли мимо меня, а я осталась недоумевать — последовать за ними или ждать. Когда же я набралась смелости и выглянула, в мечети никого не было. Бертону снова удалось улизнуть.

Я отправилась на его поиски. На одном из крытых базаров мусульманского квартала было множество лавок, якобы торгующих антиквариатом, и именно тут можно было скорее всего напасть на след Бертона, если он опять принялся расспрашивать о серебряной шкатулке и раздавать свои визитки с просьбой связаться с ним, если она вдруг попадет в продажу. Когда я поняла, что это бес-

смысленно, у меня возникла другая мысль: антикварный рынок у Басянь Гун. Скорее всего, Бертон обойдет все подобные места в городе.

Басянь Гун — даосский храм, расположенный недалеко от восточных городских ворот Сианя и посвященный Восьми бессмертным. На другой стороне узкой улицы находится антикварный рынок, открытый каждое воскресенье и среду, а сегодня как раз было воскресенье. Чтобы туда попасть, надо пройти через восточные ворота в конце Дун Дацзе, затем свернуть налево и идти за городской стеной, туда, где между стенами и рвом был разбит узкий городской парк. В это холодное и солнечное воскресенье там сидела группа пожилых людей, слушая своих птиц, поющих в клетках, которые висели на ветках деревьев над тропинкой. Какие-то мужчины и женщины занимались тай-чи. Еще дальше музыканты играли на традиционных инструментах и пели. Кажется, они репетировали, и звуки музыки вдохновляли меня. Мне бы очень хотелось остановиться и послушать, но я шла по следу.

У самого северного края восточных ворот я перешла оживленную улицу, идущую параллельно стенам, и углубилась в тихий, старый квартал. В путеводителях обычно называют эту часть за восточными воротами и вокруг храма «захолустьем», но мне так не показалось. Лично я захолустными считаю ряды уродливых многоэтажных домов, возвышающихся над городскими стенами. Но стоит

пройти мимо них, и вы увидите живых людей, занимающихся повседневными делами: они покупают еду, чинят велосипеды, ремонтируют обувь, идут к врачу.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти Басянь Гун, несмотря на то что у меня была с собой карта. Я несколько раз свернула не туда, и меня чуть не сбил мотоциклист, но за каждым поворотом открывалось что-то новое. Перед одним магазином высилась гора ярких пластиковых тазиков, перед другим — апельсины и зеленый лук. Пирамиды из яиц красивого нежно-голубого оттенка, каждое в крошечном соломенном гнездышке. Перед лавкой мясника с крюков свисали туши. В бамбуковых корзинах дымились горячие клецки. По всей улице стояли старые металлические барабаны с разожженым внутри огнем, где люди готовили лапшу или отваривали на пару овощи, пока покупатели болтали друг с другом в ожидании.

Базар у Басянь Гун небольшой и не отличается особым разнообразием. Во дворе у храма торговцы разложили на земле куски ткани и бамбуковые коврики, на которых выставили свои товары. Это было совсем не похоже на антикварные рынки, завсегдатаем которых я являлась, но мне все равно здесь понравилось. Самое изумительное, что в отличие от Пекина, тут на самом деле встречались древности. Я видела старинный нефрит и фарфор, бронзовые изделия, красивые рисунки и свитки, короче говоря, множество красивых вещей. Ино-

странцев было очень мало, возможно, еще один-два человека кроме меня, и торговцы кричали мне «Посмотри, мамаша», когда я проходила мимо их товара. Женщина в жакете и штанах времен Мао с небольшим шрамом на левой щеке была особенно настойчива, даже крепко ухватила меня за рукав. У нее действительно было несколько интересных экземпляров, и меня охватило искушение их купить, но на рынке висел плакат, предупреждающий покупателей о необходимости наличия экспортной марки, если они желают вывезти товар из страны. Я не увидела ни танской шкатулки, ни Бертона Холдиманда. Похоже, я его потеряла.

Я продолжала осматриваться, но не потому, что хотела увидеть Бертона, а потому, что мне это доставляло удовольствие. По другую сторону от импровизированных витрин располагались антикварные лавки, и я заглянула в каждую. Я попыталась что-нибудь разузнать о серебряной шкатулке, но никто меня не понял, даже когда я вытащила фотографию шкатулки Джорджа и помахала ею перед носом у продавцов. Только в Пекине можно было кое-как объясниться на английском. Я завидовала Бертону, потому что он знал язык.

В храме Бертона тоже не оказалось. Ему бы там понравилось, особенно хорош был зал, посвященный Сунь Симяо, известному фармацевту танской эпохи и одному из первых практиков китайской медицины, которому теперь поклонялись как буддистскому божеству. Сунь Симяо первым написал

о медицинской этике, а также несколько книг по медицине, где встречаются, наверное, тысячи рецептов от разных болезней. Видимо, сам он был болезненным ребенком и ему удалось вылечить как себя, так и многих других страждущих. Стены зала были покрыты цветными фресками с изображениями сцен из жизни мудреца. Мне показалось, что это именно тот человек, который привлек бы внимание Бертона.

Помимо обладания традиционными познаниями в медицине Сунь Симяо был алхимиком, уединившимся на горе Чжуннань, где занимался практиками, которые позволили бы ему стать бессмертным. Он также верил в экзорцизм. Он написал сочинение на эту тему под названием «Основные правила из книг, посвященных эликсирам Высшей Чистоты», которое было, вероятно, основано на текстах из «Тайцин цзин», или «Книги Высшей Чистоты», одного из первых произведений по алхимии, к сожалению, потерянных для нас. Среди рецептов, возможно, встречались эликсиры на основе ртути и мышьяка, которые фармацевт, говорят, принимал лично. Очевидно, это сработало. Легенда гласит, что и через несколько месяцев после смерти Сунь Симяо его тело оставалось нетронутым.

Вся эта история с алхимией показалась мне довольно занимательной из-за танской шкатулки. Я считала, что в лучшем случае формула эликсира бессмертия, написанная на шкатулке, необычна, в худшем — нелепа. Но совершенно очевидно, что в

эпоху Тан со мной бы никто не согласился. Утрата шкатулки была не просто кражей ценного предмета, как я начала понимать на вечеринке, устроенной доктором Се. Это был предмет, имеющий большую важность, и мне было жаль не столько Дори, не столько сам Китай, сколько всех нас, кто так ценит прошлое. Я также поняла, что мне известны только два специалиста по танскому Китаю, которые бы не сочли за странность, если бы я спросила у них про алхимию. Одним из них была Дори Мэттьюз, но теперь спрашивать ее было слишком поздно. Другим был Бертон Холдиманд. Чтобы обратиться к нему, придется проглотить гордость. Я не была уверена, что готова к этому.

Когда я вернулась в отель, Бертон не отвечал на телефонные звонки. Это вызвало во мне еще большее раздражение. Чтобы справиться со своим недовольством, я решила провести весь день в городе, посмотреть на прекрасных терракотовых воинов первого императора Китая Цинь Шихуанди, который правил с 221 по 210 год до нашей эры. Терракотовые воины заслуженно включены в список Всемирного наследия. Это невероятно захватывающее зрелище — сотни рядов солдат в натуральную величину с совершенно разными лицами: генералы, лучники, пехота, воины в тяжелых доспехах, кавалеристы с лошадьми и две великолепные колесницы для императора. Сам мавзолей императора, где предположительно захоронено его тело, так и не был открыт. Мы можем видеть

лишь курган около горы Ли. Однако историк Сыма Цянь сообщал, что для первого Сына Неба был создан целый мир с выкопанными и наполненными ртутью Желтой рекой и Янцзы, которые текут, подчиняясь механическим устройствам, с небесами, на которых изображены созвездия. Чтобы уничтожить любого, посягнувшего на могилу, там были установлены автоматические арбалеты. В такой мавзолей трудно проникнуть. Очень рискованно, будь вы грабитель или археолог. Даже в те времена гробница считалась нечистым местом. Наследник Цинь Шихуанди похоронил с ним его бездетных наложниц, а также тех, кто трудился над строительством огромной гробницы. В вечности императора должны были защищать терракотовые воины, которых мы и видим сегодня.

Цинь Шихуанди верил в бессмертие и, возможно, выпил слишком много эликсира, обещавшего его. По слухам, он отправил несколько экспедиций на поиски острова, где жили бессмертные. Они жили, если можно употребить это слово по отношению к бессмертным, в особых, подходящих для них местах, на затерянных островах, в подземных городах или, как верили даосы, на вершинах гор. Ни одна из экспедиций Цинь Шихуанди не вернулась назад. Остается только гадать почему. Возможно, они не устояли перед искушением сбежать от императора, который, без сомнения, был не самым милостивым из властелинов.

В общем, Цинь Шихуанди не очень-то повезло с достижением бессмертия, если верить историям о его смерти вдали от дома. Он не вознесся на небо, оставив на земле одежду. Вместо этого его труп был уложен на повозку и возвращен во дворец. Те, кто занимался этим, не хотели, чтобы все узнали о смерти императора, поэтому набили повозку гнилой рыбой, чтобы заглушить запах разлагающегося тела. Полагаю, это был бесславный конец для человека, который объединил весь Китай.

Однако воины — потрясающее зрелище, и, вернувшись в отель, я почувствовала себя несравненно лучше. Но это приятное чувство длилось не более десяти минут. Бертон по-прежнему не брал трубку. Позлившись несколько минут на Бертона и бесполезную поездку в Сиань — ведь шкатулку я так и не нашла— я решила направиться прямо в номер Бертона. Мне удалось выведать номер комнаты у регистратора, снова пустив в ход свою историю о коллеге из Торонто. Уехав осматривать воинов, я попросила девушку соединять меня с Бертоном как можно чаще, так что она, наверное, была рада сказать мне номер его комнаты, чтобы я от нее отвязалась.

Дверь номера оказалась незапертой, снаружи стояла гостиничная тележка. Горничная мыла ванну. Я быстро заглянула внутрь. Комната была пуста. Ни чемодана, ни ручного, громко жужжащего очистителя воздуха, никаких приспособлений для

заваривания чая, в ванной никаких туалетных принадлежностей. Негодяй снова удрал от меня!

Я потащилась в свой номер. Первым делом позвонила в «Эйр Чайна» и попыталась забронировать билет до Пекина на следующий день. Ничего не вышло, но я могла вылететь и послезавтра. Затем позвонила в отель в Пекине и сообщила, когда возвращаюсь. Сотрудница попросила меня немного подождать, а затем сказала, что мне поступило сообщение. Оно по-прежнему было у них, так как сотрудники не хотели оставлять его в номере, пока я не вернусь. Сообщение было в запечатанном конверте. Я попросила сотрудницу открыть конверт и передать письмо мне по факсу. Она согласилась.

В ожидании прибытия содержимого загадочного конверта я направилась в бар отеля. В вестибюле суетились люди. Сотрудники развешивали рождественские украшения, с каждой колонны и балки свешивались гирлянды, уже успели поставить огромную искусственную елку, по всей гостинице разносились рождественские гимны, которые исполняли ребятишки. Однако это не улучшило моего настроения, как и бар. Был мертвый сезон, декабрь, и рождественские приготовления не коснулись бара. Тут было пусто. Я заказала бокал красного вина «Дрэгон Сил». Я думала, вино поможет, но этого не случилось, однако я была уверена, что этим вечером ничто не сможет меня порадовать.

Сидя там во всем своем одиноком великолепии, в то время как персонал перешептывался в углу,

время от времени бросая на меня взгляды, я сурово отчитала саму себя. Прежде всего, я велела себе успокоиться. Почему именно я оказалась в Сиане? Чего я надеялась добиться? Почему позволила себе попасться на удочку Бертона Холдиманда? Да, он был подлецом, лживым, мерзким подлецом, который только и думал, как бы побыстрее заполучить серебряную шкатулку для себя. Тогда почему я тоже попала в эту ловушку, помешавшись так же, как и он? Роб говорит, что иногда я похожа на собачку с костью. Это он так вежливо дает мне понять, что порой я бываю упряма, своевольна и даже одержима. Мне казалось, что так и произошло в случае с Бертоном Холдимандом и серебряной шкатулкой. Я велела себе сделать несколько глубоких вдохов и обо всем забыть.

Я уже достигла пусть и минимального, но все же прогресса, убеждая себя, как здорово мы проведем время на Тайване с Робом и Дженнифер, когда ко мне подошли два человека. Меня удивило, что в Сиане у меня нашлись знакомые кроме Бертона.

— Лара! — воскликнул, увидев меня, доктор Се. — Какой приятный сюрприз! Вы, конечно, знакомы с Майрой Тетфорд. Можем мы к вам присоединиться?

— Здравствуйте, доктор Се, Майра. Прошу вас. Я тоже не ожидала вас встретить.

— Я оставила в вашем пекинском отеле сообщение, прежде чем прилететь сюда. Мне сказали,

что номер пока еще за вами. Вы получили мое сообщение? — спросила Майра. — И что привело вас в Сиань?

— Терракотовые воины, конечно же, — ответила я не моргнув глазом. — Я подумала, что не смогу уехать из Китая, не посмотрев на них. Все говорят, что они великолепны, и это сущая правда.

Вообще-то я уже видела этих воинов много лет назад во время моей первой поездки в страну, но зачем упоминать такую незначительную подробность?

— Это одно из чудес света, — согласился доктор Се.

— А вы тут как оказались? — спросила я.

— У меня здесь производство, — ответил доктор Се. — Я часто приезжаю в Сиань. Вообще-то в городе у меня есть квартира. А Майра помогает мне приобрести компанию в этом регионе. Завтра мы встречаемся с представителями компании, и сегодня весь день разрабатывали деловую стратегию. Я обещал Майре, что отведу ее в одно из наших знаменитых кафе, где подают пельмени. Предлагаю присоединиться. Водитель ждет в машине снаружи.

И я согласилась пойти с ними. Трудно представить кафе, где меню состоит из двадцати с лишним видов китайских пельменей, но и правда было вкусно. Я старалась не думать о Бертоне и серебряной шкатулке, но в кафе как раз шло представление со сценами из танской эпохи, и, несмотря на то что

оно было довольно интересным, в данных обстоятельствах я бы с радостью улизнула оттуда.

На обратном пути случилось кое-что интересное. Мой ремень безопасности соскользнул за сиденье. Когда я попыталась его достать, моя рука коснулась чего-то неприятного. Я держала хирургическую перчатку.

— Бертона Холдиманда случайно не было в этой машине? — осведомилась я, потрясая перчаткой.

— Трудно представить кого-то еще, — с улыбкой ответил доктор Се. — Сегодня днем я попросил водителя показать Бертону достопримечательности. Он хотел увидеть императорские гробницы к западу от города, а в это время года туда почти нет экскурсий. Правда, Бертон не похож на обычного туриста, — добавил он.

— Я думала, мы там встретимся, — слегка выдала я себя. — Но его, похоже, уже нет в отеле.

Доктор Се заговорил с водителем, чье английское имя было Джеки, очевидно, в честь его героя Джеки Чана.

— Джеки говорит, что после поездки высадил Бертона на вокзале.

— На вокзале? Думаю, в Пекин он не собирается.

— Да, это не самый лучший способ туда добраться.

Доктор Се снова обратился к водителю. Мужчина сначала пожал плечами, и доктор Се уже со-

бирался сказать, что Джеки ничего не знает, когда тот опять заговорил.

— Водителю Бертон показался немного странным, — объяснил доктор Се.

— Не могу представить почему, — пробормотала я.

— Бертон ему сказал, что поездка к гробницам была очень занимательной, но что теперь он хочет посмотреть Нефритовых Женщин, встретиться там с кем-то. О вкусах не спорят, но Бертон взрослый человек и волен делать то, что хочет. Я с радостью попрошу Джеки отвезти вас завтра к императорским гробницам. Их стоит увидеть, и я уверен, они вам понравятся не меньше, чем Бертону.

— Спасибо, но не могу принять ваше любезное предложение. Вам понадобится машина.

На самом деле я решила, что больше не желаю видеть то, что может напомнить мне о серебряной шкатулке, к тому же я считала, что то, что понравилось Бертону, вряд ли понравится мне.

— Глупости. Я настаиваю. Вот мой телефон в Сиане, а вот номер мобильного. Завтра утром Джеки отвезет нас с Майрой на встречу, а остаток дня будет показывать вам достопримечательности.

— Благодарю. — Было бы невежливо отказываться от столь милостивого предложения.

Когда я вошла в отель, попрощавшись с доктором Се и Майрой, меня окликнула сотрудница.

— Пришел факс из Пекина.

А я про него совершенно позабыла.

Я развернула бумагу в своем номере. После случайной встречи с доктором Се и Майрой я решила, что сообщение будет именно от нее: она просто хотела сказать, что отправляется на пару дней в Сиань. Однако это было сообщение от Бертона.

Лара, надеюсь, ты не слишком долго ждала меня на базаре Паньцзяюань. Приношу свои извинения. Вне всякого сомнения, ты стояла на холоде, проклиная меня. Но у меня есть хорошие новости. Я узнал кое-какую информацию о местонахождении серебряной шкатулки. Было уже слишком поздно звонить тебе, потому что ты уехала на базар, так что вместо этого пишу. Сегодня же вылетаю в Сиань, если удастся вовремя добраться до аэропорта, и позвоню оттуда.

Бертон.

Насчет проклятий он был прав, но все остальное привело меня в замешательство. Я перечитала письмо трижды, чтобы убедиться, что все правильно поняла. Решив, что всему этому может быть лишь одно логичное объяснение, я сделала для себя два очевидных вывода. Во-первых, Бертон не собирался лгать мне насчет базара Паньцзиюань, а во-вторых, в этом случае подлецом оказался не Бертон, а некий антиквар.

Я снова позвонила в пекинский отель и попросила дать мне прослушать голосовую почту. Бертон сказал, что позвонит. Может, он уже это сделал?

Да, сделал, и Майра тоже. Как я и ожидала, она звонила, чтобы сообщить, что уедет из города на

пару дней, но если мне что-нибудь понадобится, я могу без колебаний обращаться к Руби. От Бертона было три сообщения. В первом он сказал, что надеется на мое прощение за Паньцзиюань, и что он перезвонит позже. Судя по второму, он делал успехи и выяснил, где находится серебряная шкатулка. Третье сообщение было самым тревожным. Как только я его услышала, я тут же направилась в бизнес-центр, чтобы посмотреть на Нефритовых Женщин. Очевидно, это были бессмертные, защищавшие алхимические тексты и, вероятно, самих алхимиков, и одаривавшие достойных чашами с эликсиром бессмертия. Прибытия адептов они ожидали на вершине Западной горы, одной из пяти священных гор, поддерживавших небо. Время от времени они спускались на землю. По-видимому, узнать их можно было по крошечной крупице желтого нефрита на переносице.

Итак, где же эта священная Западная гора? Теперь ее называют Хуашань, или Цветочная гора, и находится она в семидесяти пяти милях к востоку от Сианя. Я позвонила доктору Се. Примерно через полчаса мы с ним в его «мерседесе» неслись сквозь ночь к Хуашань.

Поезд из Сианя пришел и отбыл. Было темно, и я пребывала в уверенности, что Бертон не успел подняться на гору. В деревне Хуашань было несколько не самых лучших гостиниц. В одной из них он и остановился.

Конечно, в гостинице не скажут, останавливался ли у них человек по имени Бертон Холдиманд, но доктор Се — очень настойчивый и представительный мужчина. Только в третьей дешевой гостинице, откуда начиналось восхождение на гору, мы нашли Бертона. В номере не было телефона. Доктор Се резко заговорил с регистратором.

— Я сказал ему, что это мой пациент, обратившийся за помощью. Мы пройдем в номер, как только придет еще один сотрудник гостиницы, чтобы сопровождать нас.

Бертон не ответил на стук в дверь. Наличные убедили сотрудника открыть. Мы очутились в крошечной комнатке, где были лишь треснутая раковина и две маленьких кровати. Было очень странно встретить Бертона в такой комнатушке без туалета — он находился в конце коридора, — комнатушке, которая никак не отвечает его требованиям гигиены. Но все оказалось намного хуже. Бертон был мертв, он лежал, свернувшись в позе эмбриона на маленькой кушетке. Если он и встречался с кем-то, ничто на это не указывало. Видел ли он Нефритовых Женщин, уходя в небытие, об этом мы тоже никогда не узнаем. Но самое жуткое — это то, что его лицо было ужасного темного сине-серого цвета.

Глава 6

Кроме прислуживания Линфэй я занимался накоплением богатства. Меня так напугало откровение У Пэна о вероломстве моего отца, который продал меня, чтобы оплатить свои карточные долги, что я совершенно не заметил, что евнух поведал мне кое-что еще. Он рассказал, что его положение в императорском дворце, которое я могу унаследовать после его смерти, если окажусь достойным, дает много возможностей разбогатеть и что доступ евнухов к императору является очень ценным достоянием, которое нужно бережно использовать. Я решил, что не буду ждать смерти У Пэна, чтобы использовать свой шанс.

Евнухи, пожелавшие обогатиться, могли легко осуществить свое желание по той простой причине, что в императорском дворце дела обстояли не так хорошо, как казалось. Сына Неба боготворили как мудрого и справедливого правителя. В начале царствования он наладил поставку продовольствия во всей империи, таким образом положив конец ужасному голоду. Милостивый властелин своего народа, он раздавал императорские земли простым гражданам и отменил налогообложение беднейших жителей империи. Он строго придерживался зако-

на и порядка, сделав империю безопасным местом обитания для своих подданных, однако оставался милосердным, карая смертной казнью лишь самых злостных преступников, а потом и вовсе отменив смертную казнь. Он был покровителем искусств и одновременно очень талантливым человеком, одаренным музыкантом, искусным поэтом и каллиграфом, добился выдающихся успехов на спортивном поприще. Он был правителем-космополитом, привнеся в Чанань музыку, костюмы и традиции народов, следующих по Шелковому Пути.

Однако теперь Сын Неба уделял слишком мало времени делам империи. Дело в том, что он был страстно влюблен в Первую супругу, молодую женщину из рода Ян, некую Ян Юхуань, теперь известную под именем Ян Гуйфэй. Первая супруга привезла во дворец свою семью, из которой наибольшую известность приобрели сестра и кузен Ян Гочжун, стремительно поднимавшийся по карьерной лестнице. Все чаще, поскольку Сын Неба большую часть времени проводил с Ян Гуйфэй, исполняя каждый свой и ее каприз, делами империи управляли люди, подобные Ян Гочжуну и Первому министру Ли Линь-фу, по мнению моих собратьев, крайне несимпатичному человеку. В то время как Сын Неба и Ян Гуйфэй коротали часы у императорских горячих источников за городом, другие люди незаметно прибирали власть к рукам. Опустевшее место Сына Неба занимали во дворце те из нас, кто к этому стремился.

В Чанани был еще один любопытный человек. Согдиец, умудренный опытом воин с севера, некий Ань Лушань. Несмотря на свою храбрость и тактическую смекалку, проявленные им во время причинивших немало беспокойства набегов на северные границы, он не пришелся ко двору в Чанани. Это был неотесанный человек огромного роста, ненасытный во всем, однако это не помешало ему стать любимцем Сына Неба. Не знаю, возможно, императору доставляло удовольствие дразнить этого варвара. Однако варвар получил титул князя, огромное поместье в Чанани и имел постоянный доступ к императору, чему завидовали многие министры и старшие мандарины. Кажется, Ань Лушань был в чести и у семьи Ян, за исключением, возможно, Ян Гочжуна. Причиной могло быть то, что и Ань Лушань, и Ян Гочжун были крайне честолюбивы. Их столкновение казалось неизбежным, но кто мог предсказать итог этой политической битвы? Уж точно не я. Надвигалась гроза, но большинство из нас этого не чувствовали.

— Аргирия, я почти уверен, — сказал доктор Се на следующее утро, когда ему удалось вызволить нас из полицейских участков в Хуашани и Сиане.

— Что такое аргирия? — спросила я. — Никогда не слышала ничего подобного.

— Это состояние, вызванное приемом избыточного количества серебра, — объяснил доктор Се.

— Хотите сказать, что Бертон когда-то работал на серебряном руднике?

— Крошечные частицы серебра, растворенные в дистиллированной воде.

— Он это выпил? Вы шутите?

— К сожалению, нет. Каким-то образом серебро попало в его организм.

— Он мог выпить серебро специально? — в ужасе спросила я.

— Некоторые верят, что это эффективный антибиотик и антибактериальное средство. Веками серебро использовали для лечения болезней.

— Но, очевидно, этот антибиотик может убить.

— По своему опыту могу сказать, что нет. Да, при некоторых обстоятельствах серебро окрашивает кожу, особенно ногти, а иногда глаза, как вы сами уже видели.

— А есть лечение от этой аргирии?

— Чтобы вернуть коже нормальный цвет? Об этом мне не известно. Мне надо будет посмотреть литературу; полагаю, некоторые уверяют, что это обратимо, но я никогда с таким не сталкивался.

— Но это убило Бертона? — продолжала настаивать я.

— Нам надо подождать результатов вскрытия. Возможно, все так и было, но повторюсь, я не слышал о случаях, когда прием серебра вызывал смерть.

— Откуда же он мог взять это серебро?

— Можно купить его через Интернет или изготовить самому. Нужна всего лишь дистиллированная вода, серебро и аккумулятор.

Вот сколько всего можно узнать.

— Возможно, тут все вместе. Он постоянно что-то принимал: специальные чаи, таблетки, тонизирующие средства. Может быть, их взаимодействие и привело к смерти. Он был большим поклонником традиционной китайской медицины, классических трудов Желтого императора, говорил о дисгармонии или закупорке ци и всяком таком прочем. Кажется, он много об этом знал.

— Да, Бертон много говорил о традиционной китайской медицине, но ничего в ней не смыслил, — нетерпеливо отмахнулся доктор Се. — Да, возможно, он принял какое-то смертельное сочетание или просто смертельную дозу какого-либо вещества. Помните, я говорил вам, что при лечении болезней все время используются яды, но в самых минимальных количествах и под строгим контролем? Может быть, он просто принял слишком много. Также возможно, что у него уже было какое-то заболевание, и тут оно обострилось. Понимаете, организм воспринимает серебро как инвазивное вещество.

— Ничего себе!

— Я немного упрощаю, но организм стремится избавиться от чужеродного элемента, и одновременно с этим другая болезнь пускается на самотек и охватывает весь организм. Это может привести к смерти.

— Какая же болезнь, например?

— СПИД? Я не стану гадать и вам не советую. Надо подождать результатов вскрытия. Однако я

совершенно уверен, что сине-серый цвет лица и груди — это аргирия.

— Питьевое серебро, — произнесла я. — Помните рецепт эликсира молодости на танской шкатулке? Он содержал питьевое золото. Я подумала... Даже не знаю, что я подумала. Глупо, да?

— Да, питьевое золото там действительно упоминалось, — согласился доктор Се. — Наверное, это и было то загадочное желтое вещество, суань хуан, из которого готовили этот эликсир, — так сказать, отправная точка. Многие алхимики пытались приготовить жидкое золото из других веществ. Некоторые уверяли, что им это удалось. Серебро тоже использовалось. Но вы ведь не хотите сказать, что наш коллега Бертон пытался стать Бессмертным?

— Нет, но он хотел оставаться молодым и здоровым. Возможно, в наше время это как раз и означает бессмертие.

— С философской точки зрения, да. В основе алхимии лежит процесс преобразования. В Европе это было превращение обычного металла в золото с помощью прима материя, отправной точки для всего процесса. Другие смотрели на это как на своего рода духовное перерождение. В китайской алхимии часто встречается идея о перерождении старого тела в молодое. Существуют рецепты приготовления веществ, которые за короткий период времени могут сделать вас легче и моложе. Примете достаточно и в прямом смысле будете парить.

Станете Бессмертным. Да, в древности люди были помешаны на бессмертии: на сохранении своего тела после смерти или вечной жизни в том или ином виде, но, позвольте спросить, насколько это отличается от инъекций ботокса и пластической хирургии, липосакции и других процедур, с помощью которых мы пытаемся остановить время?

— Почти не отличается, — признала я.

По правде говоря, если Бертону суждено было умереть, я была рада, что все случилось именно так. Я надеялась, что он не страдал; когда я прослушала его последнее телефонное сообщение, я испугалась, что произошло нечто более ужасное. Потому что его сообщение, которое было оставлено на голосовой почте в девять утра того дня, когда мы его нашли, и которое было произнесено с испугом, который, признаю, был заразителен, гласило: «Лара! Немедленно покинь Китай! Прошу, верь мне, тебе очень опасно здесь находиться, нам обоим опасно. Не ищи серебряную шкатулку. Ты должна немедленно уехать. Завтра я возвращаюсь в Сиань. Не могу попасть на прямой рейс до Гонконга, поэтому лечу в Пекин, где совершу пересадку в международный терминал. Если придется, буду ночевать там. Первым же рейсом вылечу, куда получится. Если ты будешь в Пекине, я позвоню из аэропорта и все объясню, но, пожалуйста, не жди меня. Уезжай из страны как можно скорее. Когда мы вернемся домой, я тебе все расскажу». Последовала пауза, во время которой я услыша-

ла звук хлопнувшей по соседству двери. Прежде чем повесить трубку, Бертон произнес дрожащим голосом: — Это не шутка, Лара. Пожалуйста, послушай меня.

— От этой аргирии у человека может развиться бред? — спросила я.

— Нет, насколько я знаю, — ответил доктор Се. — А почему вы спрашиваете?

— Бертон оставил мне сообщение, в котором говорил, что чем-то напуган. Я просто подумала, что он не в себе.

— И что же он сказал?

— Сказал, что здесь опасно находиться, что он собирается как можно скорее лететь в Пекин, а затем направиться в международный терминал, чтобы ждать следующего рейса. Сказал, что я должна поступить так же. Велел прекратить поиски серебряной шкатулки.

— Кто знает, что происходило с его телом и в его голове?

— Но вы ведь, кажется, говорили, что регистратор гостиницы сказал полиции, что у Бертона рано утром был посетитель? Джеки говорил, что Бертон собирался с кем-то встретиться. Это мог быть тот, кто ему угрожал? Возможно, даже убийца? Кого он мог знать в Хуашани?

— Я не стал бы верить ни одному слову регистратора, — ответил доктор Се. — Давайте все же дождемся результатов вскрытия. Не стоит делать поспешных выводов.

— Конечно. Вы правы. Огромное вам спасибо, доктор Се, что пошли со мной. Не знаю, что бы я без вас делала. Понимаю, мне не следовало так поздно звонить, но я просто не знала, к кому еще обратиться. Я вам навязалась. Если бы не вы, мне бы все еще пришлось сидеть в полицейском участке. Похоже, вас здесь действительно очень любят и уважают.

— Ерунда! — отмахнулся доктор Се, словно я сказала какую-то глупость, но мне было ясно, что почти все лебезили и угодничали в его присутствии, даже отвешивали низкие поклоны, запрещенные совершенно справедливо коммунистами. — Почему бы мне вам не помочь? В конце концов, мы оба граждане Канады, а сейчас вы гостья у меня на родине. Я дал вам номера своего домашнего и мобильного телефонов, чтобы вы могли звонить в любое время. Как вы прекрасно знаете, я был на месте. Совершенно никаких неудобств. Как это ни прискорбно, но вы были правы, волнуясь насчет Бертона. Жаль, что мы не успели вовремя, чтобы спасти его, но полагаю, что на данной стадии, даже если бы он был еще жив, мы почти ничего не сумели бы сделать.

— Я рад, что сумел вам помочь, — продолжал доктор Се. — И не только потому, что вы друг Дори и Джорджа, но потому, что мне было приятно находиться в вашем обществе. Должен вам сказать, что дал властям слово, что вы не покинете Китай. Скоро вы получите назад свой паспорт и сможете

путешествовать по стране, но пока вам не стоит предпринимать попыток уехать. Мы с Майрой об этом позаботимся.

— Не волнуйтесь, я не сбегу. У меня этого и в мыслях нет, тем более что вы были так великодушны.

— Поэтому-то я без колебаний дал слово. А теперь, думаю, вам надо немного отдохнуть.

— Я боюсь заснуть. Знаю, что мне приснится Бертон. Он выглядел жутко, доктор Се.

— Да. Неприятное зрелище даже для привычного человека. Думаю, если мы узнаем, что Бертон умер, оттого что хотел оставаться молодым и здоровым, это будет по-настоящему трагично.

— Хуже. Это просто преступно. Я смеялась над ним, над тем, что он повсюду носил с собой очиститель воздуха, вытирал в ресторанах совершенно чистые палочки для еды, дезинфицировал каждый гостиничный номер, стол в своем кабинете. Его сотрудники потешались над тем, что он не пользовался на работе туалетом, а ходил домой во время перерыва на обед. Должно быть, он страдал какой-то манией, патологической боязнью микробов. Он нуждался в помощи, а я смеялась над ним.

— Большинство из нас с трудом удерживались от смеха. Мы считали Бертона просто эксцентричным, но никак не больным.

— Он был помешан не только на своем здоровье. Он был помешан на этой танской шкатулке.

Приехал в Сиань, чтобы постараться ее отыскать. Я уверена, что для этого он и прибыл в Хуашань.

— Правда?

— Уверена, хотя лично я считала это глупостью. Он искал шкатулку по всему Пекину. Считал, что если покажет торговцам антиквариатом ее фотографию, а затем раздаст всем свои визитки, кто-нибудь с ним обязательно свяжется, и он сможет выкупить вещицу. Он был убежден, что сумеет вывезти ее из страны, неважно, что она была украдена. Он намекнул, что знает, как это сделать.

— К сожалению, он был прав. Но если идея Бертона казалась вам нелепой, зачем тогда вы приехали в Сиань?

— Если вкратце, то я просто вышла из себя. Нет, я не ругалась с ним, но он постоянно лгал мне, и это в конце концов меня доконало. Как-то за ужином мне показалось, что нам удалось договориться. Он сказал, что купил билет на утренний рейс после того, как мы побывали в «Доме драгоценных сокровищ» и смотрели там пленку. Но он солгал.

— Знаете, мне кажется, он не врал, — ответил доктор Се. — Я случайно подслушал его разговор по мобильному телефону. Его китайский был ужасен, но он просил забронировать билет на следующий день и говорил так, словно билет у него уже в кармане.

— Вы хотите сказать, что он не лгал, а просто передумал?

— Вполне возможно. Мне так показалось.

— Наверное, я ошибалась. Интересно, почему он так поступил? И это был не единственный раз. Он сказал мне, что собирается отдохнуть, посетить спортзал отеля перед походом на аукцион, а вместо этого отправился в квартал хутунов и нанес визит человеку в черном, тому, из армии, который не счел нужным помочь полиции в расследовании. Кстати, это все еще не дает мне покоя. Если кто бы и смог воспользоваться своим преимуществом, так это вы, доктор Се. Но вы так не поступили.

Доктор Се проигнорировал мое последнее замечание. Внезапно он подался вперед и взял меня за руки — удивительный поступок для изысканного китайского господина, который бы ни за что не прикоснулся к собеседнику, чтобы выразить свои чувства.

— Не ходите туда, Лара. Прошу вас.

— Но Бертон пошел.

— Бертон мертв. Поверьте, существуют два вида армии. Есть настоящая китайская армия, отлично обученные профессионалы, а есть те, кто считает себя хозяевами собственных владений, например, целого города или района Пекина. Понимаете, это не настоящая армия. Да, эти люди тоже могут состоять на службе, но не это дает им власть. Власть им дает страх. Они не терпят неповинования. Те, кто встает у них на пути, могут плохо кончить. К моему прискорбию, система чуть ли не поощряет такое поведение со стороны притесняемых людей.

Мы впитали его с давних пор. Мужчина уважает своего отца. Отец уважает мэра города. Мэр уважает губернатора и так далее вплоть до императора, в данном случае Мао Цзэдуна или любого другого главы государства. Поэтому и происходят «культурные революции». В этой системе повиновение власть имущим, невзирая на то, законно они поступают или нет, настолько глубоко укоренилось, что почти ничего невозможно изменить. По этой причине я не верю, что в этой стране может наступить демократия, по крайней мере пока я жив.

— Полагаю, женщине остается уважать всех, я права? А что вы имели в виду, когда сказали, что люди плохо кончают? Вы говорите так, словно эти представители армии — настоящая мафия.

— Не самое плохое сравнение, Лара. Я не знаю этого человека и не желаю знать. В своем возрасте я счастлив тем, что благодаря экономическим переменам в стране сумел нажить достаточное состояние. Я могу себе позволить достойную жизнь. Большего я не ищу. Надеюсь, система изменится, но я не слишком оптимистичен на этот счет. Я просто живу своей жизнью и все.

— Кто-то же знает этого человека. Уверена, Бертон вначале не был с ним знаком. Когда тот впервые появился в аукционном доме, на его лице не было ни признака того, что он узнал Бертона. Значит, кто-то рассказал Бертону, кто этот человек, и, возможно, именно он подал ему идею съездить в Сиань.

— Лара! Вы меня не слушаете. Бросьте эту затею. Танская шкатулка — всего лишь очередная историческая ценность в стране, которая обладает богатствами, накопленными за тысячелетия. Полиция либо отыщет ее, либо нет. Если шкатулку найдут и она снова попадет на рынок, у вас появится шанс. Если нет, шанса не будет. Согласен, это очень красивая вещь, но она всего лишь один из множества красивых предметов, которые можно найти в нашей стране.

Я вздохнула.

— Вы правы, доктор Се. Я иностранка и не понимаю того, что здесь происходит. Я ввязалась в борьбу за обладание танской шкатулкой, но ни я, ни Бертон не были достаточно сильны, чтобы победить. Просто мой клиент очень хотел ее получить, и, наверное, я хотела что-то доказать. Я брошу это дело. Мне очень хочется отправиться на Тайвань повидаться со своим другом и его дочерью. Могу ли я снова попросить вас постараться убедить власти позволить мне как можно скорее покинуть страну?

— Конечно, — ответил доктор Се. Какое-то мгновение мы молчали, потом он сказал: — Возможно, вашим клиентом была Дори Мэттьюз?

— Мне нельзя говорить.

— Значит, да. Это крайне интересно. Не забывайте, она умерла. Я понимаю, что трудно отказаться от исполнения воли умершего, но у вас нет никаких причин продолжать поиски. Дори не

узнает, что шкатулку похитили. Это снимает с вас всю ответственность. Но кое-что и объясняет.

— Что именно?

— Джордж Мэттьюз позвонил мне в Пекин и попросил приглядеть за вами. Это оказалось несложно. Я и так собирался на аукцион.

— Думаю, это мило с его стороны, но зачем он это сделал?

— Хороший вопрос. Сначала я решил, что вы очень молоды и, возможно, неопытны или же никогда не были в Китае, но все совсем не так. Прошу прощения! Конечно, вы молоды, но опыта вам не занимать. Похоже, вы вполне справляетесь самостоятельно.

— Вы были правы первый раз, доктор Се. Я уже не молода, но путешествую по всему миру и обычно одна. Когда я встретилась с Джорджем в офисе Евы Рети, то высказала свои сомнения по поводу незнания китайского, а также схемы работы аукциона, но с этим мне должна была помочь Майра.

— Возможно, он просто пытался проявить любезность.

— Уверена, это так, и я благодарна ему, потому что, как оказалось, мне очень понадобилась ваша помощь. Но странно, что вы об этом заговорили. Я боялась звонить Джорджу и говорить, что серебряную шкатулку Дори украли. Я считала, что должна сделать это сама, а не перекладывать неприятный разговор на плечи Майры и ее партнера в Торонто. Однако все прошло намного лучше, чем

я ожидала. Кажется, в голосе Джорджа звучало облегчение.

— У меня сложилось впечатление, что он, — как бы выразиться повежливее, — считал, что это не лучшая идея Дори, — заметил доктор Се. — Но Джорджу казалось, что он должен уважать ее последнее желание в сложившихся, весьма печальных обстоятельствах.

— Именно это и говорит мой друг Роб.

— Какой бы ни была причина, сейчас это уже не имеет значения. Вам надо вернуться в отель и отдохнуть. Врач настаивает! Пообещайте, что забудете про эту чертову серебряную шкатулку, что больше не станете охотиться за ней.

— Я больше не буду за ней охотиться, — ответила я. — С меня довольно.

Но жизнь — все-таки сложная штука. Я действительно перестала охотиться за танской серебряной шкатулкой, по крайней мере пока, но хотя я еще не осознавала ее зловещего присутствия, шкатулка сама начала охоту за мной.

Я пыталась уснуть. Правда, пыталась. Мои ноги гудели от усталости, но когда мне удалось на мгновение погрузиться в сон, по ним пробежала судорога. Засыпая, я видела парящее в углах комнаты сине-серое лицо Бертона. Примерно через час я решила, что лучше всего пойти прогуляться.

Как всегда, стоило мне выйти из отеля, как ко мне подбежал человек, желая узнать, не нужно ли мне такси. И как обычно, я отказалась. Я часто ви-

дела этого добродушного парня. Похоже, дела у него шли не слишком хорошо. Он сказал, что его зовут Питер. Я назвала свое имя. Взяла карточку и пообещала, что если мне когда-нибудь понадобится такси, чтобы поехать в аэропорт или куда-либо еще, я сразу же позвоню ему. Он просиял. Избавившись от Питера, я прошла мимо женщины, подметавшей улицу перед отелем. Улицы Сианя были очень чистыми, что удивляло, но, возможно, поддержанию чистоты помогала маленькая армия женщин, которые весь день до самого вечера мели улицы.

Какое-то время я прогуливалась, заглядывая в магазины и наблюдая за прохожими. Я поднялась на балкон Колокольной башни, откуда было видно лишь оживленное уличное движение и ничего более. Я попыталась представить, как выглядел Сиань во времена Просвещенного государя. Современные городские стены были возведены в эпоху правления династии Мин, а не Тан; хотя минские стены повторяют крепостные валы старого города, Колокольная башня находится уже в другом месте. В эпоху Тан город был больше, в нем проживало много народу, и он представлял собой огороженные стенами кварталы. На севере располагался дворец императора, а к югу от него — Императорский город, где работали мандарины и остальные люди. Богачи в основном жили в роскошных поместьях в восточной части города. На востоке и западе располагались рынки, трактиры, храмы, разнообразные

лавки, как и сейчас, вот только неонового освещения не было. Когда я стояла на башне, солнце уже опускалось к горизонту. Скоро весь город будет в огнях. В танские времена на закате дворцовые барабаны возвещали о закрытии дворца. Затем начинали бить барабаны на Барабанной башне, после чего запирали ворота кварталов.

Зрелище было красивым, но я все еще не оправилась после смерти Бертона и чувствовала, что должна как-то почтить его память. Я не знала, как это сделать, но понимала, что не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю что-нибудь. Тут мне в голову пришла мысль отправиться в даосский храм Басянь Гун и зажечь в честь него благовония в зале Сунь Симяо, врача и алхимика. Если кто и будет приглядывать за Бертоном на том свете, то только Сунь Симяо. Возможно, он даже поймет, в отличие от меня, зачем Бертон выпил серебро.

Я пошла тем же путем, что и раньше, через восточные ворота в конце Дун Дацзе, а оттуда — вдоль узкого парка у городских стен. Смеркалось, но на небе все еще сияла оранжевая полоска, что бывает только зимой. Любители тай-чи, музыканты, люди с птицами ушли с улиц. Теперь мне попадались лишь малочисленные молодые пары, лениво бредущие, держась за руки.

Ожидая на светофоре в том месте, где небольшая улица ведет к кварталу вокруг Басянь Гун, я заметила знакомую фигуру — по крайней мере, так мне показалось. Я решила, что это мистер Поддел-

ка, на сей раз на велосипеде с плетеной корзиной, в которой лежало что-то завернутое в коричневую бумагу. Мне показалось, что сверток как раз нужного размера. Я попыталась протиснуться в потоке велосипедистов и пешеходов, но он увидел меня прежде, чем я успела подойти. Он очень рискованно, на мой взгляд, ринулся прямо в поток машин, перескочив разделительную полосу на оживленной улице, идущей параллельно восточной стене, и направляясь в старый квартал за жилыми домами.

Я остановила на углу велорикшу и попыталась объяснить ему, что надо следовать за мужчиной на велосипеде. Он меня не понимал. Наконец мне удалось втолковать, что я хочу попасть в Басянь Гун, поскольку примерно в том же направлении отправился и мистер Подделка. Я надеялась, что по пути еще увижу его.

Этого не случилось, но когда я добралась до храма, то была почти уверена, что это его велосипед стоит на переднем дворе. Теперь плетеная корзина была пуста. Либо содержимое свертка являлось настолько ценным, что его нельзя было оставить у входа в храм, что наводило на определенные мысли о том, что же находилось внутри, либо мужчина унес сверток в храм с какой-то другой целью. Я заплатила велорикше и вошла во двор, но когда купила входной билет, молодого человека я уже не видела.

Я была почти уверена, что в храме был только один вход, но вдруг вспомнила, что мне пока-

залось, будто я видела задние ворота. Оставался вопрос: неужели он бросил велосипед? Прошло несколько минут, молодого человека все не было, и я вошла в храм, пройдя по прелестному изогнутому каменному мостику в первом дворике, чтобы осмотреть зал, после чего пересекла другой двор и вошла в следующий зал. В храме царила полная тишина. Кажется, я была единственным лишним здесь человеком. Несколько верующих зажигали благовонные палочки и стояли на коленях в молитве, а время от времени на глаза попадался священнослужитель в черной шапке, рубашке и коротких черных штанах. Моего молодого человека нигде не было видно.

Я нашла его в зале, посвященном врачу и алхимику Сунь Симяо. Он стоял на коленях, сжав руками зажженные палочки, кланяясь, что-то бормоча и раскачиваясь взад-вперед, но я так и не смогла как следует разглядеть его лицо, чтобы убедиться, что это действительно он. Сверток лежал рядом. Внутри деревянного ограждения, отделявшего верующих от изображения святого, сидел на низеньком стуле священник с палочками в руках и, причмокивая, ел лапшу. Наверное, в даосском храме Сианя это было в порядке вещей, но мне показалось, что нехорошо мешать человеку во время молитвы. Я отпрянула назад, не зная, на что решиться, и тут молодой человек увидел меня. Он подскочил, выронив из рук палочки, схватил сверток, промчался мимо меня и направился к выходу,

где ждал его велосипед. Я последовала за ним как можно быстрее.

Велосипеда уже не было. Не успела я сообразить, что это значит, как молодой человек вскрикнул и вылетел на улицу. Я последовала за ним, пытаясь не выпускать его из виду, по мере того как он все сильнее углублялся в старый квартал, который прежде казался мне таким привлекательным, а теперь выглядел угрожающе. Становилось все темнее, быстро сгущались сумерки. Я не могла одновременно следить за мужчиной и смотреть по сторонам, поэтому все отчетливее понимала, что заблудилась. Мне не удавалось прочесть уличных знаков, и все вокруг вдруг стало совершенно одинаковым. Я все сильнее выделялась в толпе. Многие люди пристально на меня глядели. Они меня не забудут.

И тут мужчина свернул в переулок. Я последовала за ним, ловя ртом воздух. В начале переулка я остановилась, чтобы привыкнуть к свету или скорее к его отсутствию, и сообразить, где нахожусь. Сначала я решила, что впереди тупик, что молодому человеку некуда деваться и, возможно, мне удастся заставить его поговорить. В конце переулка стоял мужчина, лица которого я не смогла разглядеть в тусклом свете, спиной он прислонился к стене, крепко прижимая сверток к груди обеими руками. Сначала он смотрел в мою сторону, а потом перевел взгляд направо, за угол, вращая головой то туда, то сюда. Казалось, он пытался выбрать из

двух зол меньшее, и не знал, куда идти. Внезапно, приняв решение, он повернул в мою сторону и побежал прямо на меня.

Все было кончено через несколько секунд. Сначала я услышала рев мотоцикла, затем увидела, как два мотоциклиста выскочили из-за угла справа. Первый слегка поднял правую руку и слегка затормозил, проезжая мимо мужчины со свертком, который теперь стоял, прижавшись к стене справа от мотоциклиста. Раздался короткий вскрик, визг тормозов, и молодой человек упал на землю. Сверток вылетел у него из рук. Второй мотоциклист помчался прямо ко мне. Я наконец-то пришла в себя и нырнула в первую попавшуюся дверь, а мотоцикл пролетел мимо.

Я слышала, как мотоциклисты развернулись и снова понеслись ко мне. На этот раз они были намерены остановиться, и я знала, что произойдет. Молодой человек лежал лицом вниз: почти наверняка он был мертв. Судя по брызгам крови на стене и увеличивающейся лужице внизу, у него было перерезано горло. Шатаясь, я отошла назад, с силой вжавшись спиной в дверь. Когда она внезапно открылась, я чуть не упала в маленький дворик позади. В домах с трех сторон двора не было ни света, ни признаков людей. Я притворила дверь и заперла ее, в то время как мотоциклисты пронеслись мимо.

Услышав, что мотоциклы остановились, я задержала дыхание, а потом до моего слуха донеслись звуки шагов, направлявшихся к двери. Кто-то

дернул за ручку. Несколько секунд спустя что-то или кто-то с силой ударило в дверь: она немного прогнулась, но замок оказался крепким. Я решила, что дверь долго не продержится. Оглядываясь по сторонам в поисках убежища, я услышала мужской крик, а затем голоса людей в переулке. Раздался пронзительный крик, и человек отступил от двери. Через секунду я услышала, что мотоциклисты умчались в том же направлении, откуда и появились.

Я подождала несколько секунд, открыла дверь, быстро выглянула наружу, готовая снова спрятаться, если понадобится. В переулке собралась толпа, все глядели на огромное пятно крови на кирпичной стене, лужу на земле и лежащего лицом вниз молодого человека. Я не заметила никаких признаков свертка, который он пытался спасти.

Я стояла неподвижно, слезы щипали глаза, ноги были свинцовыми. Я не знала, что делать. Но тут кто-то крепко схватил меня за руку и начал тянуть из переулка. «Смотри, мамаша, смотри» — произнес голос. Это оказалась женщина с воскресного антикварного рынка, та, у которой был шрам на лице. Она с силой потащила меня из переулка, а затем усадила в коляску велорикши. Что-то сказала ему, и он резко тронулся с места. Я попыталась соскочить, но велорикша не останавливался. Пару минут спустя он высадил меня у дверей отеля и умчался прочь, прежде чем я успела заплатить. Мысль о том, что велорикша и женщина знали, где находится отель, привела меня в ужас.

Глава 7

Первый признак того, что У Пэн был прав, говоря о моей способности накапливать богатство, появился, когда Первый брат попросил о встрече со мной. Решив, что он собирается отчитать меня за то, что я не прислал денег отцу, я неохотно дал свое согласие. Однако брат ни слова не упомянул о семье: он просто обсуждал со мной квартал, в котором жила наша семья и который бы очень выиграл от внимания императора, а потом подал мне прошение. Когда я, несмотря на свои сомнения, обратился к одному из евнухов, которому было больше известно об этом деле, он намекнул, что для проталкивания наверх моего прошения неплохо бы было сделать подарок. Первый брат согласился.

Я был в дружеских отношениях со многими влиятельными и могущественными евнухами во дворце и после встречи с Первым братом понял, что ко мне стали часто обращаться за советом. Подарки так и сыпались на меня. Через мои руки проходили многие прошения, и мне не составляло труда быстро исполнить одно и тянуть с другим. Одно прошение в особенности испугало меня.

Оно было от Линфэй. Она просила разрешения выйти замуж за человека, которого любила. Она по-

ступила так, потому что поняла, что ей больше не нужна благосклонность Сына Неба, когда Любимой супругой стала Ян Юхуань. Линфэй умоляла императора позволить ей провести остаток дней с этим человеком, который состоял в Страже Золотой птицы. Я был изумлен, что у Линфэй хватило смелости просить позволения покинуть императорский дворец, мне показалось, что несмотря на всю ее боль, это послание указывало на порывистую и неспокойную душу, однако же я ощутил трепетное волнение. Разве тетушка Чан не говорила мне, что Первая сестра всю ночь провела с кем-то из Стражи Золотой птицы? Естественно, это было доказательством нашего с Линфэй родства.

Откровенно говоря, прошение Линфэй не было первым, и она должна была это знать. Некоторые императорские наложницы получили разрешение выйти замуж. Естественно, Ян Гуйфэй безжалостно расправлялась с бывшими любимицами. Сливовая наложница уже была сослана во вторую столицу, Лоян, которую Сын Неба не посещал годами. Ян Гуйфэй была необыкновенно красива, а также умна и честолюбива. Сын Неба все больше времени проводил с ней. Я не совсем понимал почему. Возможно, у меня нет права говорить об этом, но мне казалось, что изящная Линфэй намного красивее Гуйфэй, которая отличалась довольно пышными формами. Но очевидно, у Сына Неба было иное мнение.

Я не только понял, что заставило Линфэй написать прошение, но и ощутил укол ревности.

Как и мой приемный отец, я планировал жениться, когда достаточно разбогатею, и, возможно, также усыновить детей. Но мне никогда не узнать восторга любви или ее потери, о чем с такой страстью писала в своем прошении Линфэй, и в этом я был совершенно уверен. Несмотря на это неприятное чувство, я все-таки подал императору прошение Линфэй без промедления.

В тот вечер я успела сделать несколько дел, что, учитывая мое состояние, было настоящим достижением. Я попросила разрешения сменить номер, придумав какую-то нелепую отговорку, а затем заперлась в новой комнате и прислонила к двери стул. Я хотела было переехать в другой отель, но без паспорта это было невозможно. Без документов прописаться в китайской гостинице немыслимо.

Затем я позвонила Майре Тетфорд в Пекин, поскольку не знала, в Сиане ли она, и оставила сообщение, спрашивая, как продвигаются дела с моим паспортом. Я дала ей свой номер мобильного и сказала, что готова забрать паспорт, как только он будет готов. Тем же вечером я оставила такое же сообщение доктору Се.

После этого я позвонила Робу на Тайвань. Он не взял трубку. Я хотела было оставить ему сообщение, но передумала, поняв что не смогла бы скрыть своей паники. Что бы я ему сказала? Что заперлась в новом номере отеля в Сиане, потому что стала свидетелем жуткого убийства и что коллега из Торонто

либо отравился, выпив слишком много серебра, либо был убит каким-то иным способом, возможно, намеренно? У бедняги случился бы сердечный приступ. Я решила, что лучше всего сначала успокоиться, а потом поговорить с Робом напрямую.

Отчаянно стремясь хоть что-то предпринять, я взяла бланк отеля, провела посередине линию, так что у меня получились две колонки, и написала с одной стороны «не знаю», а с другой «знаю». Возможно, доктор Се сказал бы, чтобы я держалась от всего этого подальше, и, наверное, он прав, но легче сказать, чем сделать. Рядом со мной умирали люди, а другие неизвестные мне личности слишком хорошо знали все про меня. Мне надо было как-то во всем этом разобраться.

Я многого не знала. Не знала, как умер Бертон, но, принимая во внимание ужасные события сегодняшнего дня, я решила, что его смерть не была несчастным случаем. Я больше не пыталась убедить себя в том, что он случайно отравился раствором серебра. Хотя не было ни крови, ни каких-либо заметных телесных повреждений, я была уверена, что Бертона убили, точно так же как убили молодого человека со свертком. Чтобы в этом удостовериться, достаточно было подождать результатов вскрытия. Хотя я и пыталась внушить себе, что у меня просто сдали нервы, мои подозрения не развеивались.

Я знала, что Бертон поехал в Сиань и предположительно в Хуашань в поисках серебряной шкатулки. Логично предположить, что если он шел по

обычному пути, то есть посещал каждого торговца антиквариатом, то отправился бы на рынок Басянь Гун в тот же день, что и я. Но этого не случилось. Он поехал к западным гробницам на «мерседесе» доктора Се, а затем прямиком на вокзал и оттуда в Хуашань, чтобы с кем-то встретиться. Утром он встречался с человеком в мечети. Насколько я могла судить, Бертон ходил туда не для того, чтобы помолиться. Он выбрал мечеть, потому что в это время дня там было тихо, а он не хотел, чтобы персонал гостиницы видел, как он болтает со своим визави в вестибюле, где, возможно, было не столь красиво, зато гораздо теплее и уютнее. Кто же был тот человек в мечети и какое отношение он имел к серебряной шкатулке? Принимая во внимания одержимость Бертона, я решила, что он вряд ли пошел бы на встречу по какому-то иному поводу, кроме того, как обсудить вопрос о незаконном вывозе шкатулки из страны. Но если время, указанное в моей голосовой почте в гостиничном номере Пекина, было верным, у Бертона тогда еще не было шкатулки, и неизвестно, нашел ли он ее вообще. Может, человек из мечети уговорил его отправиться в Хуашань?

Я не могла не заметить, что Бертону лучше меня удавалось идти по следу серебряной шкатулки. Мне лишь оставалось следовать за ним. И что это значило? Конечно, большую роль играло его владение китайским языком. Но кто же беседовал с ним? Я видела, как он говорил с двумя незнакомыми

мне людьми, человеком в черном и человеком в мечети. Возможно ли, что первый отправил его в Сиань, а второй — в Хуашань? Мне казалось, что если я смогу пройти его путем, то мне удастся все выяснить. Вопрос о том, хорошая это идея или нет, оставался открытым.

Я не имела понятия о том, кто этот несчастный молодой человек, которого убили в переулке. В его смерти я была уверена. Ему не суждено провести ночь в больнице, а потом отправиться домой. Его горло перерезано. Его сердце остановилось за несколько секунд. Могло ли это быть случайное ограбление, закончившееся убийством? Я так не думала. Мне показалось, что он прекрасно знал тех, кто появился из-за того поворота, и принял решение бежать ко мне. Вполне возможно, потому что я была меньшим из двух зол, и он, наверное, думал, что сможет оттолкнуть меня. Только ему это не удалось. Мне пришла в голову ужасная мысль, что если бы я не стояла в том переулке, он бы мог спастись от мотоциклистов, вернувшись назад и смешавшись с толпой на главной улице. Я встала у него на пути, и это стало роковым событием в жизни молодого человека.

Я недостаточно разглядела человека в Басянь Гун, чтобы с уверенностью говорить, что это и есть тот самый, кто в Нью-Йорке так интересовался аукционом, а также тот, кто похитил шкатулку в Пекине, не знала я и того, была ли в свертке действительно серебряная шкатулка. Однако это от-

сутствие ясности не помешало мне сделать выводы. Это был мистер Подделка, и то, что он желал заполучить шкатулку, возможно, даже пойти на кражу, еще раз указывало на то, что все страсти разыгрались именно вокруг шкатулки. Если это правда, то из-за нее уже погибли два человека.

Еще одним большим вопросом была личность человека в черном, самодовольного офицера. Кто он такой и какое имеет ко всему этому отношение? Откуда его знал Бертон? Очевидно, они были достаточно знакомы, раз Бертону было известно местожительство этого типа. Он отправился в дом в пекинском квартале хутунов и, о чудо, там как раз оказался человек в черном. Договорился ли Бертон о встрече? Пошел ли требовать у него шкатулку? Сказал ли человек в черном что-то такое, что заставило Бертона поспешно отправиться в роковую для него поездку в Сиань?

Я все больше и больше убеждалась в том, что человек в черном специально загораживал серебряную шкатулку в аукционном доме, хотя у меня не было веских доказательств. Если я права, значит, он тоже был с ней связан. Доктор Се попросил меня не пытаться выяснить личность человека в черном, но теперь у меня не было выбора. Кто-то рассказал о нем Бертону, очевидно, это был кто-то, кто был в зале, когда похитили шкатулку, или, возможно, кто-то во время просмотра видеопленки, что включало в список подозреваемых еще троих полицейских. Вряд ли они были виновны, так что

оставались доктор Се, Майра, Руби, Дэвид или злосчастный сотрудник «Дома драгоценных сокровищ», у которого был такой виноватый вид, но явно из-за его халатности по службе, а не из-за кражи. Он был в отчаянии от потери работы. Доктор Се утверждает, что не знает человека в черном. Возможно, это так, а возможно, и нет. Может, он просто пытался защитить меня.

Почти через час размышлений, во время которых я все время прислушивалась к тому, что происходит за дверью моего номера, вздрагивая всякий раз, когда хлопала дверь, колонка «не знаю» была вся сплошь исписана. Графа «знаю» оставалась удручающе короткой, фактически всего одна запись: люди, связанные с серебряной шкатулкой, погибли.

И тут я сделала неприятный вывод о том, что я тоже неразрывно связана с этой шкатулкой. От этой мысли стало не по себе. Я находилась в чужой стране, не зная языка, не понимая ничего, что происходило вокруг, и поэтому у меня не было шанса выбраться живой, если я только что-нибудь быстро не придумаю. С чего бы начать? Принимая во внимание время суток и то, что я боялась покидать свой номер, надо было действовать подручными средствами. У меня было множество документов о серебряной шкатулке, которые я собрала целую вечность назад. Я сделала копию фотографии из каталога «Моулзуорт и Кокс», и у меня было несколько снимков шкатулки, купленной Джорджем,

которые дала мне Дори. Я также сохранила перевод описания шкатулки, сделанный для аукциона, который вручил мне Джастин из «Моулзуорт и Кокс» во время предварительного осмотра в Нью-Йорке, и я приехала в Пекин с переведенным описанием шкатулки, принадлежавшей Дори.

На самом деле я почти не обращала внимания на эти документы, поэтому что в этом не было необходимости. Дори была уверена, что шкатулка, выставленная «Моулзуорт и Кокс», подлинная, и когда я сама взглянула на нее, посмеявшись над рецептом эликсира бессмертия, я сунула эти страницы в папку. Теперь мне надо было еще раз их просмотреть.

Я вытащила маленькую лупу, которую всегда носила с собой на случай, если понадобится подробно рассмотреть какой-нибудь предмет старины, и принялась разглядывать фотографии обеих шкатулок. Шкатулка Джорджа Мэттьюза была очаровательна. На стенках и крышке изображены женщины в беседке, играющие на музыкальных инструментах. Они были красиво одеты, и можно было вполне отчетливо различить их инструменты — лютня, флейта, что-то вроде колокольчиков и тому подобное. Работа мастера была превосходной. На шкатулке меньшего размера была изображена женщина в саду, которая беседовала с другой, в то время как неподалеку ждали выстроившиеся в ряд женщины. Все они были изысканно одеты.

Было очевидно, что эти шкатулки из одного набора. Закругленные крышки были одинаковы, как по форме, так и по изображению, в отличие от стенок, на которых автор расположил разные сюжеты. Сначала я заметила на крышках всего одну птицу, журавля, но когда пригляделась повнимательнее, оказалось, что там одна над другой изображены еще три сценки. В самом низу была женщина, которую, кажется, должны были положить в могилу, или же, возможно, она просто спала. В середине женщина сидела в павильоне, в то время как другие женщины выстроились в ряд перед ней, а наверху очередная дама парила над остальными и над вершиной горы. Все женщины были одеты в одинаковые платья, возможно, это был один и тот же человек. В рисунки были вплетены цветы, вероятно, хризантемы, но скорее это были все же розы или пионы. Меня также заинтересовало то, что шкатулки могли быть выполнены разными мастерами, хотя на них изображались одни и те же сценки, по крайней мере, нечто похожее. Я заметила различия в штрихах, крошечные, но все же видимые глазу. Мне хотелось снова увидеть оригиналы и сличить их, но я была почти уверена в своей правоте. Интересно, почему над шкатулками работали два мастера, если это должен был быть один комплект?

Я решила, что все три виньетки изображали одну и ту же женщину: посередине живую, внизу мертвую, а наверху витающую в небесах и ставшую бессмертной. Джастин из аукционного дома

«Моулзуорт и Кокс» рассказал, что шкатулка принадлежала женщине по имени Линфэй, игравшей немаловажную роль при дворе Просветленного государя. Можно ли предположить, что женщина, изображенная на шкатулке, и есть Линфэй? До этой минуты я как-то не задумывалась, женщина это или мужчина, Линфэй. Я не очень-то сильна в китайских именах, так что сама разобраться не могла, но ни на одной из шкатулок не были изображены мужчины. Конечно, это не стопроцентная уверенность, но с этой минуты я стала считать, что Линфэй была женщиной.

После этого я внимательно прочитала перевод. Рецепт эликсира бессмертия и инструкции по его приготовлению уже были мне известны. Более внимательное прочтение убедило меня в том, что кто-то очень любил Линфэй и, возможно, находил утешение в мысли, что она не умерла по-настоящему. Основанием служил тот факт, что ее тело не было найдено, значит, она оказалась одной из тех счастливиц, что обрели бессмертие. Конечно, я не была готова поверить в сказку о бессмертии, поэтому стала думать, что же случилось с телом Линфэй. Может быть, его похитили вместе с захороненными сокровищами? Или ее погребли не там, где указывал автор текста? Но тут, кажется, ясно говорилось о том, что где-то находилась гробница, если не с телом Линфэй, то с чем-то другим.

Затем я сравнила размеры шкатулок. Ту, что представляли на аукционе «Моулзуорт и Кокс», а

позднее в «Доме драгоценных сокровищ» в Пекине, можно было вставить в шкатулку, принадлежащую Джорджу, как и предполагала Дори. Однако они слишком плотно прилегали друг к другу, и находиться что-либо могло только в меньшей шкатулке. Бертон назвал ее шкатулкой для драгоценностей, но я не была с ним согласна, потому что даже если это и было правдой, там должна была храниться какая-то очень особенная драгоценность. Шкатулка была слишком мала, чтобы туда могло поместиться много.

Дори говорила, что помнила о существовании большой шкатулки. В этом она нисколько не сомневалась. Я думаю, что после стольких лет сложно вспомнить примерный размер, особенно учитывая то, что обе шкатулки выглядят почти одинаково, поэтому, несмотря на уверения Дори, недостающая шкатулка могла быть либо больше, либо меньше двух других. Интересно, сколько времени прошло между аукционом, на котором Джордж Мэттьюз купил серебряную шкатулку, и появлением второй шкатулки в Нью-Йорке? Дори намекнула, что шкатулка хранится в коллекции Джорджа уже давно. Могу ли я быть в этом уверена? Наверное, ответ на этот вопрос ничего не изменит, но у меня было настолько мало сведений, что мне ничего не оставалось, кроме как найти информацию, а потом посмотреть, что из этого выйдет. Наверное, можно было просто позвонить Джорджу и спросить у него. Правда, я не была уверена, хочу ли я этого или нет.

Дори также говорила, что, возможно, существовал и деревянный футляр для всех шкатулок, хотя это было уже давно. Откуда она знала? Что в этих шкатулках особенного, чтобы потребовался футляр? Существуют ли другие подобные шкатулки? Сидя в гостиничном номере, мне этого не узнать.

Мне так хотелось снова подержать в руках шкатулку Дори или ту, что была украдена, чтобы повнимательнее изучить выгравированные на них живописные сцены. Придя к выводу, что одна из изображенных там женщин, на которых я едва взглянула, заинтересовавшись больше работой, нежели содержанием, была Линфэй, я внезапно еще больше, чем прежде, захотела найти пропавшую шкатулку. Как-то вдруг это стало моим личным делом, но не из-за Дори, а из-за этой самой загадочной Линфэй. Похоже, я попалась на крючок, как и Бертон.

Пока я размышляла, зазвонил телефон, отчего я вздрогнула и подпрыгнула на месте. Я уставилась на звонящий аппарат, страстно желая узнать, кто звонит, и наконец взяла трубку, однако продолжала молчать.

— Лара? Вы слышите? — Это был доктор Се.

— Да, доктор Се.

— Я вас разбудил? Вы едва можете говорить. Прошу прощения.

— Нет, я не сплю. Не могу.

— Я этого опасался. Сейчас я в фойе. Можно мне зайти или вы сами спуститесь?

— Я спущусь.

На то были две причины: я не могла находиться в своем номере ни с кем наедине, даже с обворожительным доктором Се, и внезапно поняла, что очень проголодалась. Может быть, еда меня немного успокоит.

Я встретила доктора Се в баре. Он заказал шотландское виски, а я — гамбургер и стакан вина. Я твердо придерживаюсь правила, что надо обязательно попробовать местную кухню, и всегда насмехалась над туристами, которые повсюду заказывают привычные для них блюда, но сейчас мне были нужны именно гамбургер и жареная картошка, много жареной картошки. Но когда принесли еду, я не смогла к ней притронуться.

— Вы вообще спали? — укоризненно спросил доктор Се.

— Нет.

— Тогда у меня есть один план, надеюсь, вы согласитесь. Прежде всего, хочу сообщить вам, что Майра, скорее всего, сможет подготовить ваш паспорт к завтрашнему вечеру или на худой конец послезавтра к утру. Его не выдадут до тех пор, пока не станут известны первоначальные результаты вскрытия, и мы считаем, что это случится завтра вечером. Конечно, вскрытие покажет, что смерть наступила в результате несчастного случая, и вы сможете улететь домой. Но я вижу, что вы в очень тяжелом состоянии. Во-первых, вам надо поспать. Я вам принес, — сказал доктор Се, вытаскивая из

кармана маленький пакетик, — самое лучшее из «Се Гомеопатик». У вас в номере есть чайник и кружка? — Я кивнула.

— Отлично. Здесь пять или шесть чайных пакетиков. Один пакетик на чашку, и одной чашки будет вполне довольно. Вы сможете уснуть. Когда зальете кипящей водой, появится резкий запах, дайте пакетику минуты три пропитаться. Все натуральное, никакого снотворного. Вам понравится вкус, и вы сможете наконец уснуть. А что касается завтрашнего дня, то я не хочу, чтобы вы все это время думали о Бертоне. Я повторяю свое предложение. Джеки заберет вас завтра утром, скажем, в половине десятого, когда будет чуть меньше пробок, и отвезет к западу от города посмотреть на Фамэнь Си, впечатляющий буддистский храм, а также гробницы династий Тан и Мин.

Гробницы, подумала я. От этой экскурсии может быть польза. Бертону поездка показалась познавательной. Возможно, мое мнение будет таким же. С Джеки я буду в безопасности. В критической ситуации он уже проявил себя с хорошей стороны.

— Благодарю, — ответила я. — Я очень ценю ваш чай и предложение предоставить машину и водителя. Я принимаю и то и другое.

— Хорошо. А теперь ешьте. Мне не очень-то по душе ваш выбор, но вам все равно надо поесть.

Я постаралась выполнить просьбу доктора Се.

Позднее, сидя в запертом номере, я вытащила чайный пакетик и сделала все так, как мне было

сказано. Доктор Се оказался прав. Я довольно быстро погрузилась в сон и проспала почти всю ночь. Вообще-то сон у меня был неспокойный. Конечно же, мне снился Бертон. Он был мертв, лицо темно-синее, но на нем по-прежнему были перчатки, и он постоянно заваривал себе чай.

На следующее утро в половине десятого меня уже ожидал Джеки. Он передал мне экземпляр англоязычной газеты «Чайна Дейли». Мое предположение нашло подтверждение на первой странице, где помимо сообщения о демонстрации крестьян недалеко от Сианя, во время которой бедные фермеры выступали против коррумпированного правительства, и катастрофы на шахте, погубившей сотни рабочих, говорилось об убийстве в Сиане человека. Мужчина, которого звали Сун Лян, был сотрудником Бюро культурного наследия. Неизвестно, находился ли Сун в Сиане по делам или просто отдыхал там. Ничего себе отдых! Полиция уверена, что его убили два человека на мотоциклах. У них есть хорошее описание виновных, расследование жестокого преступления продолжается и скоро должно подойти к концу.

Меня обрадовало, что в статье не сообщалось, что полиция ищет иностранку. По крайней мере, свидетели, говорившие с полицейскими, знали виновных. Если Сун Лян действительно был сотрудником Бюро культурного наследия, значит, его присутствие в Нью-Йорке вполне объяснимо. Он пытался приобрести серебряную шкатулку для

своей страны. Правительства предпринимают подобные попытки. Конечно, это не объясняет, почему он ее украл, если только ему не установили предела суммы, которую можно было потратить на аукционе, и, отчаявшись приобрести шкатулку по предполагаемой цене, он просто автоматически схватил ее, считая, что оказывает услугу своей стране. Как он мог поступить потом? Отнести шкатулку своему работодателю и просить прощения? Мне было известно слишком мало, чтобы судить. Если он повез шкатулку с собой в Сиань, тогда он точно сразу не признался. Еще одна причина: Сун Лян мог оказаться подкуплен, приехал в Нью-Йорк, чтобы увидеть, кто купит шкатулку, а затем собирался ограбить этого человека. Если вы считаете, что такого не может произойти, то глубоко заблуждаетесь. Было видно, что он расстроен, когда вещицу отозвали с аукциона, расстроен не меньше меня и Бертона.

Я оказалась в затруднительном положении. В «Чайна Дейли» не было фотографии Сун Ляна. Если бы она была, я могла бы попросить Руби или Майру позвонить в полицию и рассказать, что человек, которого я считала виновным в краже шкатулки, может быть сотрудником Бюро культурного наследия и тем самым убитым в Сиане. Но фотографии не было, так что если бы я сказала что-то подобное, они могли бы поинтересоваться, откуда это все мне известно, и мне бы пришлось ответить, что я там была, чего мне очень не хотелось, пото-

му что моя причастность к двум подозрительным убийствам могла бы задержать меня в Китае на весь остаток моей жизни.

Мы проезжали мимо статуй, означающих начало или конец — в зависимости от географического местонахождения и политических взглядов — знаменитого Шелкового пути, через растущий современный город, раскинувшийся за старыми стенами Сианя, а оттуда через многие мили полей к месту, где должны были провести вечность императоры и члены их семей.

Гробницы представляли большой интерес. Мы посетили гробницу танской принцессы Юнтай, молодой женщины, которую, возможно, убила злобная императрица У Цзэтянь, или же она, как гласила надпись, умерла при родах. Может быть, сама императрица повелела вырезать на камнях эту версию. Принцесса Юнтай была внучкой императора Гаоцзуна, а также императрицы У, которая, возможно, и приказала ее убить. Похоже, в те времена было опасно быть принцессой. Была ли принцессой и Линфэй? Это может объяснять исчезновение ее тела, похищенного злобной соперницей.

Чтобы добраться до саркофага, надо было спуститься по довольно отвесному, длинному уклону мимо выгоревших фресок с изображением служанок принцессы в прелестных платьях и с изысканными прическами, маленьких ниш, в которых стояли терракотовые фигурки слуг, значительно меньшие по размеру, чем воины императора Цинь

Шихуанди, изготовленные в натуральную величину, и мимо глубокой шахты, давным-давно выкопанной расхитителями могил. На дне, где стоял саркофаг, воздух был неприятно влажный, почти зловонный, и, кроме этого большого каменного гроба, взглянуть было не на что, зато я теперь знала, как выглядит танская гробница.

Я также узнала, что в гробнице принцессы было найдено несколько сотен предметов, включая множество золота и серебра. Можно ли с уверенностью предположить, что серебряные шкатулки когда-то были в гробнице Линфэй, хотя ее тело исчезло? Еще один вопрос в моей графе «не знаю».

Неожиданно интересным оказалось посещение Фамэнь Си, буддистского храма примерно в часе езды к западу от Сианя. Во время правления династии Тан императоры отправлялись на богослужения в Фамэнь Си, а самая известная реликвия храма, фаланга кисти пальца, по утверждению священнослужителей, принадлежала самому Будде, и время от времени в сопровождении пышной процессии переправлялась в Чанань, ныне Сиань. Похоже, индийский принц, стремящийся попасть на небо еще при жизни, оставил после себя множество подобных реликвий, одна из которых и находилась в Чанани. Реликвия была почти позабыта, но когда в 1981 году обвалилась ступа в Фамэнь Си, нашли подземную комнату, а в ней эту реликвию.

Меня, а также, возможно, и Бертона, заинтересовал изысканный маленький музей, в котором

я обнаружила множество серебряных шкатулок с круглыми крышками на петлях, где и должна была храниться та самая фаланга пальца. Когда шкатулки нашли, фаланга оказалась в каждой из них, но настоящая была лишь в одной. Эти шкатулки не походили на пропавшую шкатулку Дори, и я снова стала мучиться вопросом, хранилось ли что-нибудь в самой маленькой шкатулочке Линфэй. Когда она появилась на аукционе, то точно была пуста, но это еще ничего не значит. За прошедшие века этот предмет мог истлеть, или же это было нечто более весомое, например, какая-нибудь дорогая вещь, которую кто-то решил изъять из шкатулки. А может быть, кому-то было важнее содержимое шкатулки, чем она сама? Принимая во внимание палец Будды, я стала думать, что в серебряных шкатулках хранились какие-то реликвии.

И снова я пожалела о пропаже шкатулки. Мне хотелось выяснить, кем была Линфэй, частью потому, что она имела отношение к происходящим событиям, а частью из-за моего интереса к ее личности, если, конечно, мой вывод о том, что она была женщиной, оказался верным. Если она была принцессой, у меня был шанс разыскать ее, если же нет, все будет намного труднее. История оставляет нам имена знаменитых, победоносных, богатых и в основном мужчин. Если Линфэй не подпадала ни под одну из этих категорий, она может остаться безмолвной навсегда, за исключением слов и изо-

бражений на шкатулках. От этого они приобретали еще большую ценность.

Когда я благополучно вернулась в отель, то первым делом позвонила Руби в Пекин. Я спросила, не знает ли она человека в черном, который был тогда на аукционе. Она ответила, что нет. Я подумала, что кто-то же должен его знать, кроме полиции.

— Может, Дэвид знает? — предположила Руби.

— Вы не могли бы у него спросить? — произнесла я как можно небрежнее. Самой мне спрашивать не хотелось.

— Конечно. Я вам перезвоню.

Руби перезвонила, но только чтобы сообщить, что Дэвид уехал в Шанхай на пару дней. Они были не очень хорошо знакомы, и у нее не было номера его мобильного, поэтому она сказала, что перезвонит ему снова через день-два. Мобильный Дэвида был у меня. Он дал мне свою визитку на вечеринке, устроенной после аукциона доктором Се. Мне не хотелось звонить ему самой, но выбора не было. Я позвонила, но наткнулась на голосовую почту. Оставлять сообщение не стала.

Затем я отправилась в торговый центр и принялась искать информацию о Линфэй в Интернете. Как всегда, поисковик выдал огромное количество ссылок, но ни одна мне не подходила. Там был китайский производитель электроприборов, в чьем имени присутствовало «Линфэй», вот почти и все. Затем я попыталась ввести фразу «знаменитые ки-

таянки». И снова Линфэй среди них не оказалось, были только Мэйфэй и Ян Гуйфэй. Эти последние были наложницами Просветленного государя, ради Ян Гуйфэй он забросил государственные дела, и она была его Первой супругой. Во всех трех именах присутствовал суффикс «фэй». Я знала, что две женщины были наложницами. Может, «фэй» обозначает вовсе не имя, а статус? Возможно, Линфэй тоже была наложницей. Вряд ли у компании, выпускающей электроприборы, в названии будет стоять слово «наложница», но, возможно, причиной тому послужила неточность в переводе с китайского на английский. Например, эта Мэйфэй могла быть Сливовой наложницей, но «мэй» могло означать и розу, так что у суффикса «фэй» вполне может быть два значения, которые на самом деле представляют собой два совершенно различных иероглифа с противоположными значениями.

Я перенеслась мыслями в Нью-Йорк, к той минуте, когда Бертон покинул предварительный осмотр выставленных для аукциона вещей. Кажется, он сказал что-то вроде «прощай, моя наложница»? Может быть, он имел в виду не меня, а Линфэй и ее шкатулку? Знала бы я это раньше, но и теперь еще не поздно. Линфэй была наложницей императора!

Если это правда, то, как я поняла чуть позже, Линфэй грозила серьезная опасность затеряться в толпе. Судя по тому, что я прочла, у Просветленного государя был целый гарем приблизительно из

сорока тысяч наложниц. Очевидно, существовало нечто вроде заднего двора, куда ссылали жен подданных, неугодных императору. Новые императоры часто освобождали женщин, удерживаемых прежним владыкой, но поскольку Просветленный государь правил более четырех десятилетий, с 712 по 756 год, ко времени его кончины в гареме собралось очень много женщин. Они находились там из милости, их привозили и от них избавлялись по блажи властителя. У такой феминистки, как я, мысль о гареме вызывала отвращение, но я продолжала читать.

Если не считать стремления окружить себя сорока тысячами женщин для своего удовольствия, во всем остальном Просветленный государь был хорошим правителем. У него было несколько имен, как и у всех императоров. При рождении его нарекли Ли Лунцзи. Танская династия была основана семейством Ли, поэтому он тоже был Ли. Его династический титул был Тан Минди, или Минхуан. Но лучше всего нам он известен под именем императора Сюаньцзуна. После смерти правители получали особые имена, отражающие суть их царствования. Плохой император получал плохое имя. Сюаньцзуна нарекли Просветленным государем, или Мудрым прародителем, что говорит в его пользу. Возможно, он не сам присваивал себе титул, как я думала прежде. По моему мнению, его правление ознаменовалось огромным расцветом культуры. Он любил музыку, и даже сам сочинял ее. Осталась

песня, которую, по легенде, император написал во время своего путешествия на Луну.

Интересно поразмышлять о том, что надо было сделать, чтобы стать императорской наложницей. Люди разъезжали по всей империи в поиске красивых молодых девушек — как всегда, особенно ценились девственницы, — для своего императора. Отцы мечтали, чтобы выбрали их дочерей. Но если девушку выбирали или, возможно, предлагали императору, она попадала, так сказать, в общий котел, что-то вроде канцелярской службы. Там надо было мучительно пробираться вверх по служебной лестнице в надежде оказаться любимицей императора, чтобы получить роскошные личные покои во дворце и ежегодную сумму денег, достаточно щедрую, для покупки косметики и нарядов и, возможно, даже для оказания услуг семье, например, для наделения титулами или приобретения домов. Кроме нескольких избранных, остальным, возможно большинству девушек, никогда не суждено было увидеть императора. Значит, в Линфэй должно было быть что-то особенное. Может быть, она была певицей или танцовщицей, или же писала прекрасные стихи. Это бы привлекло внимание Сюаньцзуна. Кроме того, она должна была быть невероятно красива.

Примерно через час поисков я сдалась. Позже сделаю еще один заход. Однако я все-таки нашла информацию об аргирии. Да, она существовала, да, все симптомы соответствовали описанию доктора

Се, и к тому же коллоидное серебро можно было приготовить самостоятельно при помощи дистиллированной воды и аккумулятора, чтобы между нею и серебром прошел электрический заряд. Я не стала вдаваться в подробности. По-моему, это не самый полезный навык в жизни.

Я предприняла еще одну попытку поесть, и на этот раз она оказалась чуть более успешной, чем накануне. На автоответчике в номере было сообщение от Роба: он говорил, что его мобильный неважно работает, поэтому дозвониться будет трудно, но поскольку я задержусь еще на несколько дней — это мягко сказано, — они с Дженнифер отправятся в небольшой круиз. Роб добавил, что не знает, заработает ли там его телефон, но он все равно попытается связаться со мной. В конце Дженнифер сказала, как ей хочется меня увидеть и что я должна побыстрее приехать к ним. Я с трудом сдержала рыдания. Посмотрев китайский канал в надежде увидеть фотографию Сун Ляна, хотя я не понимала из сказанного ни слова, я снова решила попытаться заснуть.

Я вскипятила воды, чтобы заварить на ночь чай доктора Се. Запах у него был довольно резковатый, как он и предупреждал, но я спокойно выпила чай накануне, и он мне очень помог. Вынимая чайный пакетик из пластикового мешочка, в котором мне дал чай доктор Се, я внезапно вспомнила картинку: Бертон вынимает из кармана похожий пластиковый мешочек в тот день, когда мы пили чай на

улице Люличан, где я поймала его на обследовании антикварных магазинов. Бертон взял с собой собственные пакетики.

Я вытащила увеличительное стекло и внимательно поглядела на пакетик. К нему была прикреплена веревочка, чтобы макать его в воду, с маленьким ярлычком на конце, где обычно указывается название фирмы-производителя и марка чая. Но этот ярлычок был пуст. Сам чайный пакетик не был запечатан со всех сторон. Скобка, прикреплявшая веревочку к пакетику, также соединяла и сам пакетик. Я с трудом сняла скобку, пытаясь не разорвать бумагу. Где же дырочки от скобки? Возможно ли, что пакетик прокололи дважды? Я внимательно исследовала дырочки через лупу. Да, вполне возможно, что пакетик был проколот дважды.

И тут я поняла, что Бертон был отравлен не по собственной глупости и не из-за своего трепетного, хотя и вполне понятного стремления сохранить здоровье. Нет, что-то ужасное было подмешано в чай, который он пил, что-то, чего там не должно было быть, что-то, чего он не заметил из-за резкого и горького вкуса и аромата чая. Оставался нерешенным вопрос: отравил ли его Се Цзинхэ?

Чай я пить не стала.

Глава 8

Прошение Линфэй о том, чтобы покинуть дворец и выйти замуж за выбранного ею человека, было отклонено. Обращаться еще раз было бесполезно. Причина: императорский оркестр Грушевого сада значительно пострадает без ее голоса и искусной игры на лютне. Я вспомнил тот вечер, когда следил за выступлением оркестра, и мысленно попытался представить там Линфэй. Возможно, она видела меня, когда я вышел из тени, чтобы получше разглядеть и услышать. Возможно, именно потому она и выбрала меня.

Когда я в следующий раз отправился навестить Линфэй, я взял с собой сладости и цветы, пионы в память о сестре. Перед этим я решил, что не стану упоминать о ее прошении. Однако когда я появился, меня ожидал ужасный удар.

Линфэй стояла в комнате с растрепанными волосами, несколько прядей валялось на полу, на письменном столе лежали ножницы. В руке она держала большой нож.

— У Юань, — сказала она, — ты должен отрубить по одному пальцу с моих рук.

Я был в ужасе.

— Я не стану этого делать, госпожа!

— Я требую! Ты мой слуга.

— Вы не сможете играть на лютне, — наивно возразил я.

— Именно этого я и хочу.

Свет померк.

— И вы также попросите меня влить вам в горло кислоты, чтобы вы не могли петь, госпожа? — спросил я, уже не опасаясь, что она догадается, что мне известно о ее прошении. — Или отрубить вам ступни, чтобы вы не могли танцевать? — я очень рассердился, почти как сама Линфэй. — Я не сделаю ничего подобного.

Линфэй подняла нож, словно желая отрубить себе палец. Но затем выронила его и разрыдалась, упав на кушетку. Я не знал, что сказать. Не знал, что сделать. Я просто сидел рядом и долго держал ее руку в своей. Уходя, я нагнулся, поднял с пола прядь волос Линфэй и забрал ее с собой.

Паспорт мне вернули на следующее утро. Очевидно, Майра и доктор Се были очень убедительны, поскольку токсикологическая экспертиза тела Бертона еще не была закончена. По словам Майры, в его крови был обнаружен целый букет токсичных веществ. Она сказала, что он мог бы быть идеальным примером для кампании по борьбе с самолечением. В его чемодане находился большой пластиковый пакет с различными веществами, от всяческих витаминов и минералов до размягченного серебра, чаев и настоек практически от любой известной и неиз-

вестной болезни. В его крови кроме таких вредных веществ, как ртуть и свинец, которые есть у каждого жителя цивилизованной страны, присутствовали, конечно же, серебро, мышьяк, возможно, попавший в кровь вместе со свинцом вследствие плохой экологической обстановки, а также множество других веществ. Такое чувство, что Бертон слишком долго принимал эликсир бессмертия.

Однако причиной смерти, скорее всего, стал гепатит С. Бертон давно страдал от этой страшной болезни, неизвестно как и когда приобретенной. Возможно, это объясняет его чрезмерную заботу о здоровье. Очень печально, но многие вещества, которые он принимал, чтобы чувствовать себя лучше, лишь вредили ему. Как мне объяснил доктор Се, когда мы ранее обсуждали эту тему, организм Бертона принял все эти вещества, в частности, серебро, за чужеродные и, можно сказать, переключился на их уничтожение, в результате чего гепатит С и сделал свое черное дело.

Все это было очень печально, но я чувствовала себя полной дурой. Я подозревала доктора Се в отравлении Бертона. Он не жалел на меня своего времени, а я так отплатила ему. Я считала, что моя жизнь в опасности, потому что убили Бертона. А оказалось, что Бертон по глупости сам убил себя. Как хорошо, что я не оставила Робу истерических сообщений. Конечно, он слишком вежлив, но мое состояние его бы крайне удивило.

Что касается Сун Ляна, убитого в переулке, то разве мне доподлинно известно, что это тот самый

человек, который был на аукционе в Нью-Йорке и похитил серебряную шкатулку в Пекине? Я стала думать, что это всего лишь мои предположения. Надо признать, что меня больше заинтересовал его костюм, нежели лицо, а в том переулке в Сиане он точно не был облачен в фальшивый «Хьюго Босс» или «Армани». Он был одет лучше большинства жителей квартала, но, возможно, потому, что он из Пекина. Я видела, что многие жители Пекина хорошо одеваются, особенно в той части города, где я остановилась, около отеля и аукционного дома. Единственным доказательством связи этого человека с китайским искусством была его должность в Пекинском Бюро культурного наследия, а принимая во внимание то, что умер он в Сиане, какое это имеет значение?

Чтобы забрать паспорт, мне пришлось пойти в полицию. Мне также позвонил брат Бертона, о котором я никогда не слышала, и спросил, не могу ли я просмотреть содержимое его чемодана, чтобы решить, есть ли там что-то ценное, что стоит отправить на родину. Этот брат нашел меня через Коттингем — очевидно, Бертон сказал своим сотрудникам, что я тоже охотилась за шкатулкой для клиента, — затем проследил меня до отеля в Пекине, где я оставила номер телефона для переадресации звонков, а уж оттуда до Сианя. Я привезла чемодан в отель и, просидев около него примерно час, приступила к этому неприятному делу.

Это было поучительное и очень прискорбное занятие. Туда, где все люди складывали одежду, Бертон поместил коробку с хирургическими перчатками, переносной очиститель воздуха, дезинфицирующий спрей, большую экономичную бутылку дезинфицирующего средства для рук и еще одну коробку с хирургическими масками. Также в чемодане было две упаковки салфеток. В гостиницах их выдают, но, наверное, Бертон не желал рисковать и пользоваться салфетками из ванной комнаты. В полиции мне сказали, что они оставили у себя большой пластиковый пакет с таблетками и настойками. Очевидно, набор для приготовления чая и чайные пакетики они тоже забрали, потому что в чемодане их не было.

Я считаю, что умею паковать вещи, и путешествую налегке, но можете мне поверить, Бертону каждый вечер приходилось бы стирать белье. Этого самого белья у него было меньше, чем в моей сумке, — единственное, что я взяла в Сиань. Там также было пять небесно-голубых шарфов, которые Бертон, похоже, считал более важным предметом туалета, нежели чистое белье. Да, погода стояла холодная, но мне как-то удавалось обходиться одним шарфом. Все было бы очень смешно, если бы не было так ужасно. Я отправила брату Бертона письмо по электронной почте, где написала, что в чемодане не было ничего стоящего и что я прослежу, чтобы его одежда послужила благому делу. Я прибавила, что постараюсь выяснить, не оставил

ли Бертон багажа в пекинском отеле, когда улетал в Сиань. Хирургические перчатки, маски, очиститель воздуха, дезинфицирующий спрей и все остальное я выкинула в корзину для мусора.

Почти сразу же жизнь вернулась в нормальное русло. Я не меньше других склонна к самообману, и, похоже, в тот день моя способность была на высоте. Всего-то было нужно упоминание о несчастном случае, ставшем причиной смерти Бертона, и я была готова поверить, что все отлично, и я могу продолжать жить, как прежде. Я брошу искать серебряную шкатулку, сделаю что-нибудь, чтобы почтить память несчастного Бертона, и, как только мне позволят, отправлюсь на Тайвань.

Но прежде всего надо было разобраться со своими страхами. Была среда, очередной день работы антикварного рынка в Басянь Гун. Я решила туда отправиться. Я медленно шла по парку за городскими стенами, углубилась в кварталы позади уродливых небоскребов, то и дело уверяя себя, что мне это по силам. Я не была уверена, что смогу заставить себя вновь войти в тот переулок, но это не представляло трудности, поскольку я была совершенно уверена, что никогда не смогу его найти. Однако мне хотелось повидать торговку антиквариатом со шрамом на лице. Было совершенно ясно, что она не желала мне зла. Наоборот, она была моим ангелом-хранителем. Она вытащила меня из того переулка и отправила в отель, когда мои ноги стали свинцовыми. Если бы не она, я бы еще долго стояла

там и, возможно, дождалась бы того, что полиция обратила бы на меня более пристальное внимание. Однако мне очень хотелось узнать, откуда этой женщине было известно мое местонахождение. Возможно, она этого не знала и просто отправила меня в ближайшую гостиницу. По крайней мере, мне стоило ее поблагодарить.

Сейчас, когда все уже позади, я вспоминаю свои тогдашние мысли и поражаюсь тому, насколько легко я могла найти всему рациональное объяснение. Я почти пребывала в состоянии эйфории, словно с известиями о том, что смерть Бертона была случайной, с моих плеч сняли тяжкий груз. Моей жизни вовсе ничто не угрожало.

В любом случае женщины со шрамом на лице на рынке не оказалось. Я искала повсюду, в том числе в магазинах вокруг маленькой площади. Поскольку мне не повезло осуществить задуманное, я принялась делать то, что всего час назад сделать не решилась бы. Я снова принялась искать серебряную шкатулку. Все равно ведь я оказалась на рынке, верно? Где-то в глубине души я, наверное, собиралась так поступить, потому что перед выходом на улицу положила в сумку копию фотографии из каталога «Моулзуорт и Кокс». Конечно, это был опрометчивый поступок, но поскольку мне сообщили, что Бертон совершенно случайно сам себя угробил, я решила, что угрозы не существует. Я вытащила фотографию и принялась протискиваться в узких проходах между палатками, под которыми я

подразумеваю разложенные на земле листы бумаги, где были представлены различные экспонаты, и расспрашивать продавцов о шкатулке. Кто-то понимал мой вопрос, кто-то нет. Но все качали головой.

В среднем ряду я наткнулась на продавца, выставившего довольно занятные вещицы, в том числе прелестный нефритовый диск, который, по моему мнению, представлял собой уникальный предмет искусства, несмотря на трещину. Я взяла его в руки и взглянула на продавца, собираясь купить диск, а также показать ему фото серебряной шкатулки.

Продавец по причине холодной погоды был одет в довольно неопрятный набивной пиджак, поношенные ботинки и штаны. На голову нахлобучена шапка, лицо чуть запачкано грязью. Но это был Лю Дэвид, адвокат и бизнес-консультант из Пекина, тот самый человек, который не мог перезвонить мне, потому что находился в Шанхае, или, если не Дэвид, то его брат-близнец. Я уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он еле заметно покачал головой. Я закрыла рот, положила нефритовый диск на место и пошла дальше.

Все это было крайне странно. Наверное, присутствие Лю Дэвида на рынке можно было объяснить разными причинами, но лично мне нравилась лишь одна. Совершенно очевидно, что я увидела то, чего не должна была видеть, и лучше всего мне было бы убраться отсюда. Пытаясь не спешить,

я шла между рядами, время от времени останавливалась, чтобы взглянуть на разложенный товар, вышла на улицу как можно медленнее, хотя мне ужасно хотелось побежать, и вернулась к городским стенам. Приятно было осознавать, что высокие стены отделяют меня от антикварного базара в Басянь Гун.

Однако далеко уйти я не успела. Примерно в квартале или двух от рынка ко мне приблизился мужчина, один из тех, кому я показывала снимок серебряной шкатулки. Говорил он по-английски вполне сносно, по крайней мере мы понимали друг друга, хотя, конечно, не смогли бы беседовать о глобальных проблемах. Он намекнул, что у него есть предметы, которые мне интересно будет увидеть. Я спросила его про серебряную шкатулку.

— Да, — ответил он. — Тан. Идемте со мной. Я отведу вас к шкатулке.

— Почему вы мне не ответили, когда я спрашивала? — с легким подозрением осведомилась я.

— Слишком много ушей. И за нами следит полиция. Они все подкуплены. Им надо платить, чтобы они оставили меня на свободе.

Я не знала, говорит ли он правду, хотя, как ни печально, скорее всего, так и есть на самом деле. Какой-то голос подсказывал мне, что это всего лишь разновидность того, что я называю сбором дани: продавец видит, как вы восхищаетесь каким-то товаром, шепчет вам на ухо, что может продать его вам по особой цене, поскольку рядом стоит

сборщик налогов, после чего жестом указывает в неопределенном направлении, говоря, что ему придется заплатить этому человеку, иначе он попадет в беду, а у него семья и так далее, и тому подобное. Я сталкивалась с этим во всем мире.

Я не была уверена, насколько далеко готова зайти в данном случае, моя вновь приобретенная уверенность в собственной безопасности не доходила до того, чтобы отправиться с этим человеком в какой-нибудь глухой тупик, но все же я последовала за ним. Он придерживался людных улиц и болтал со мной, от чего я постепенно стала чувствовать себя спокойнее.

Мужчина остановился у крошечного домишки на маленькой улочке, открыл дверь и жестом пригласил меня войти. Я подумала, что это не очень хорошая мысль, но все-таки заглянула внутрь и увидела женщину, игравшую с маленьким ребенком. Она тоже поманила меня рукой. Пожилая женщина, наверное, бабушка, тут же подошла к висевшему над огнем чайнику и принялась заваривать чай. Все выглядело вполне безобидно. Строго говоря, тут было то же самое, что и во время других моих поездок, когда ко мне подходили на улице, приглашали выпить чаю в доме продавца, а затем доставали товар, который и предлагали по особой цене специально для меня.

Китайская версия этого давнего и почти повсеместного ритуала включала отличные маленькие блинчики с зеленым луком, которые испекла

бабушка и которые пришлись как раз к месту: их с успехом могли бы подать к столу продавцы в любой части света. Довольно напыщенная речь продавца, единственного из всей семьи, говорившего по-английски, была мне очень знакома. После обмена любезностями меня провели через черный ход в маленький дворик, а затем к запертой на висячий замок двери строения. Я не собиралась дальше следовать за этим человеком, о чем прямо сказала ему.

Он схватил меня за руку.

— Прошу вас. Тан.

Я заглянула в комнату, стараясь оставаться в дверях, чтобы при случае можно было убежать. Да, там было действительно несколько предметов танской эпохи, в том числе саньцай, или трехцветная глазурованная керамика, в данном случае четыре фигурки женщин-музыкантов высотой примерно в восемь дюймов каждая. Керамика носит название саньцай, но на самом деле в ней часто используется больше трех цветов, как было в данном случае. Красный, зеленый, синий, желтый и нежно-лиловый уже выцвели, так же как стерлось выражение лиц, но это лишь еще больше подчеркивало их красоту. Вне всякого сомнения, это были подлинные вещи. На них был налет пыли и грязи, что легко может вызвать у непосвященного уверенность в том, что это старинная работа. Но в данном случае я совершенно точно знала, что так оно и есть. Почти наверняка можно было сказать, что это краденые вещи.

— Тан, — повторил торговец, вытаскивая калькулятор. Это было его любимое слово. Он набрал несколько цифр и показал мне результат.

Несмотря на мою уверенность в том, что это были краденые предметы искусства, потому что иначе и нельзя было подумать в данной обстановке, мне очень захотелось их приобрести. Вынуждена это признать. Я бы даже отдала за них своего первенца. Я могла бы поторговаться с продавцом, чтобы сойтись на приемлемой цене, в этом я была уверена, учитывая названную им начальную стоимость, несколько сотен долларов за все. Фигурки были потрясающими. Женщины изящные и грациозные, лица очаровательны и выразительны, маленькие инструменты выполнены с изумительной точностью. От Дори я узнала, что подобные фигурки бывают стройными и более округлыми. Дори говорила, что последние вошли в моду, потому что один император предпочитал более пухлых наложниц. Однако фигурки этих женщин были изготовлены по традиционной модели, они были стройными.

Кто узнает, что я их купила? Этот вопрос я задала сама себе. В Северной Америке открыто продаются множество предметов из раскопок танской эпохи. Если их вывезти из Китая, они станут совершенно законными. Более того, если Бертон был прав, я с легкостью смогу вывезти их из страны. Я была почти уверена, что в любой момент мой новый друг предложит мне экспортную марку как часть сделки. Я с трудом взяла себя в руки. О чем я

думаю? Во-первых, мне очень хорошо на свободе, особенно учитывая тот факт, что я нахожусь в чужой стране. Более того, можно лишь представить, что подумает Роб, если узнает. Я ведь сама всегда считала себя торговцем антиквариатом, который строго придерживается этических норм. Похоже, моя приверженность этим нормам не столь уж сурова, как я думала.

— Откуда они у вас? — поинтересовалась я.

— Гробница. Сколько вы заплатите?

Я ответила, что не собираюсь покупать эти фигурки, хотя они очень красивы. Мне было нелегко это сделать, и продавец, как я и ожидала, воспринял мой ответ как первый шаг сделки, нежели твердое решение.

— Сколько? — снова спросил он. — Тан. Очень красивые.

— Нет, — ответила я, вынимая из сумки фотографию. — Серебряная шкатулка.

— Тан, — опять повторил он и взял в руки одну из девушек-музыкантш. — Тан, есть экспортная марка. Я вам дам.

— Да, но это не серебряная шкатулка. Мне нужна она.

Я подумала, во сколько мне обойдется экспортная марка по сравнению с ценой самих фигурок.

Продавец продолжал размахивать фигуркой у меня под носом.

— Для вас особая цена, — повторял он. — Скажите, сколько можете заплатить.

В ответ я тыкала ему в лицо фотографию серебряной шкатулки. Мы оба размахивали руками.

Однако с обеих сторон это были бесполезные потуги. Несмотря на всю прелесть фигурок, мне стало очевидно, что меня просто обманом затащили в этот дом. Шкатулки у продавца не было. В противном случае он бы ее уже принес. Пора уходить. Мужчина с отвращением смотрел, как я зашагала по двору, прошла через дом, остановившись, чтобы поблагодарить обеих женщин и улыбнуться ребенку. Я дала жене торговца несколько монет, надеясь, что она передаст их своему мужу.

Только выйдя из дома, я поняла, что нахожусь близко от того места, где убили Сун Ляна, в другом конце переулка в форме угла. Когда я свернула направо, то увидела, что в конце переулка была натянута ленточка полицейского оцепления. Я быстро огляделась и поняла, что это именно то места, откуда я наблюдала за убийством. На земле, в месте, где упал Сун Лян, темнело пятно. Просто я вышла с той стороны, откуда появились мотоциклисты, а не как в первый раз, что было не так уж плохо, потому что отсюда я бы никогда не последовала за человеком в переулок. В этом случае я бы никогда не узнала о том, что где-то поблизости находятся разграбленные танские гробницы.

Близость к месту преступления навела меня на некоторые интересные размышления. Предположим, что Сун Лян действительно был тем самым мистером Подделкой, который похитил шкатулку,

и если она была у него в день смерти, как я предполагала, то, возможно, он нес ее на продажу человеку, у которого я только что была. Находится ли эта шкатулка до сих пор у него, хотя он отказался мне ее показать? Известно ли что-нибудь продавцу или Сун просто пытался как можно быстрее сбыть шкатулку с рук? Я о многом хотела бы спросить продавца, но не думала, что он мне ответит, и потом, я не была уверена, что это в моих интересах, поскольку я хотела покинуть страну целой и невредимой.

Вернувшись в номер, я отыскала визитку Лю Дэвида и снова позвонила ему на мобильный. Не хотелось с ним связываться напрямую, но выхода не было. Нельзя сказать, что это было для меня неожиданностью, но он не ответил, но его сообщение было записано на английском и китайском языках.

— Рада была вас видеть, — произнесла я после гудка как можно более спокойно. — Пожалуйста, перезвоните мне. Это мой номер мобильного. Здесь он работает с перебоями, но если вам не удастся дозвониться с первой попытки, продолжайте и, пожалуйста, не стесняйтесь оставить сообщение. Я регулярно их проверяю. Мне кажется, вы должны мне одно. Возможно, мы могли бы обсудить и кое-что еще: например, убийство, свидетелем которого я была, в переулке, недалеко от того места, где я вас сегодня видела. Полагаю, Сун Лян — это именно тот человек, который пытался купить серебряную

шкатулку в Нью-Йорке и похитил ее на наших глазах в Пекине. И опять вы мой должник. Вы можете расплатиться со мной следующим образом. Мне бы хотелось знать имя армейского офицера, который был в зале, когда похитили шкатулку. Я устала от того, что все вокруг твердят мне: вам не нужно этого знать. С нетерпением ожидаю вашего звонка.

Я оставила номер мобильного телефона, не сообщив, где я остановилась, на случай, если неправильно оценила ситуацию, и повесила трубку. Вероятно, Дэвид и так знал, в какой я гостинице. Похоже, это было известно всем.

Я решила, что это должно сработать. Если нет, я скажу Дэвиду, где он сможет найти тайник похищенных из танских гробниц фигурок. Находясь под защитой лжи, которую придумала сама, чтобы оградиться от реальности, в частности от произошедших убийств, я снова вышла на улицу. Я двинулась в западном направлении по Дун Дацзе, снова очутилась в подземном переходе у главной площади и поднялась наверх к Барабанной башне, намереваясь снова посетить расположенный за ней рынок.

Я уже приближалась к Барабанной башне, когда ко мне подошел нищий на костылях. К несчастью, в Китае много нищих. Расцвет экономики создал огромную пропасть между богатыми и бедными, между жителями города и деревни, и теперь это очевидно любому. Однако этот человек был особенно назойлив, он меня даже напугал, такому мне бы не

захотелось помогать ни при каких обстоятельствах. Он не отставал от меня, хотя я пыталась отмахнуться. Я все ускоряла шаги, пытаясь отвязаться от него, но у меня не получилось. Я повернула назад к подземному переходу, ведущему к Колокольной башне, решив, что человек на костылях не станет спускаться по лестнице. Я ошиблась. Он следовал за мной, не отставая ни на шаг, его просьбы становились все громче и громче. Можете считать меня сумасшедшей, но мне показалось, что костыли ему не нужны. Я перепугалась и уже не знала, как от него отвязаться. Потом я увидела вход в какой-то модный магазин на уровне туннеля и нырнула туда. Я знала, что два швейцара у входа не впустят туда грязного и взъерошенного нищего.

В течение нескольких минут я чувствовала себя в безопасности, окруженная знакомыми витринами с косметикой и яркими огнями, и решила, что перестаралась. Скорее всего, это был просто назойливый и отчаявшийся нищий, который пользовался костылями, чтобы вызвать жалость и получить деньги. Я сердилась на себя за то, что меня испугал находившийся в бедственном положении человек, но, по правде говоря, было в нем что-то странное. Убедившись, что он ушел, я вышла через другую дверь и продолжила свой путь на запад, а затем на север к рынку за Барабанной башней.

Когда я последний раз была здесь, то так увлеклась слежкой за Бертоном, что у меня не было времени любоваться окрестностями. Это было очень

оживленное и красивое место. По улицам сновали люди, повсюду прыгали и бегали дети, продавцы у дверей магазинов пытались заманить покупателей внутрь. Скоро я оказалась в мусульманском квартале. Я была достаточно осведомлена о танской эпохе и Чанане, и мне было известно, что этот город отличался космополитизмом, являясь центром притяжения для торговцев со всех концов света. Считалось, что жители мусульманского квартала были потомками арабских воинов, которые появились в городе в восьмом веке — приблизительное время правления Просветленного государя.

Я оставила купленных для Дженнифер кукол в Пекине и решила, что надо бы приобрести что-нибудь для Роба, — хотя понятия не имела, что именно, — если уж привезу на Тайвань подарки для его дочери. Я нашла несколько прелестных чернильниц, а на красивой яшмовой печати мне выгравировали его инициалы на китайском. Я сомневалась, что Роб будет использовать эту печать для своих писем, но важен не подарок, а внимание, да к тому же эти вещи будут отлично смотреться на его столе. Если мы когда-нибудь соберемся жить вместе, я разрешу ему их сохранить, в отличие от, скажем, клетчатого красно-зеленого кресла с мягкой откидной спинкой и клейкой лентой на левом подлокотнике, как бы Роб ни пытался меня убедить, что эта отвратительная вещь является антиквариатом.

Я отправилась в сторону улочки, на которой располагались антикварные магазины, и приня-

лась переходить из одного в другой, пытаясь говорить с владельцами как можно понятнее. Но все отрицательно качали головой. Большая часть того, что они называли антиквариатом, в моем магазине таковым бы не являлась, поэтому у меня было мало надежды на успех, особенно когда один продавец, немного понимавший по-английски, сказал мне, что кто-то уже искал ту же самую шкатулку. Я решила, что это был Бертон.

Я пыталась найти и человека из мечети, но тоже без особой надежды на успех. Тем не менее я продолжала смотреть, расспрашивать, и наконец одна женщина указала мне на лавку в конце маленькой улочки. Мое сердце бешено забилось, и я ускорила шаг. Я была уверена, что нахожусь совсем близко. Бертону просто больше повезло, потому что он знал язык, но на моей стороне была настойчивость.

Это оказался особенно большой магазин, в который надо было входить через дверь, а не рассматривать выложенное на столе, как в остальных, и, к моему удивлению, я нашла в нем несколько настоящих предметов старины. В магазине никого не оказалось. Мне, как торговцу антиквариатом, это показалось несколько странным. Я бы не оставила свой магазин без присмотра. Это было бы слишком большое искушение как для местных жителей, так и для туристов.

Я позвала, но ответа не последовало. Затем я заметила чайник, почувствовала аромат чая и ре-

шила, что, возможно, владелец решил сбегать в общественный туалет в конце улицы. Я подождала еще несколько минут, стоя в дверях. И тут я снова увидела нищего на костылях, того, кто так назойливо следовал за мной по лестнице. Я узнала его, несмотря на то что он, похоже, чудесным образом выздоровел и шел уже без костылей.

Он стоял в нескольких ярдах от магазина. Я не знала, заметил он меня или нет, но мне не хотелось снова с ним столкнуться. Я нырнула внутрь и забилась в угол, чтобы он меня не заметил, если ему придет в голову зайти. В магазине лежала груда ковров, и я решила, что если заберусь за них и пригнусь пониже, он пройдет мимо.

Именно в этом углу, рядом с коврами, я сделала ужасное открытие: руку. Я отпрянула назад, выбежала из магазина, промчавшись несколько ярдов по улице, прежде чем снова смогла логически мыслить. Я остановила на улице какого-то человека и с помощью жестов и звуков, очевидно, наводивших на мысль об истерике, убедила его последовать за мной.

Вызвали полицию. Тело нашли за занавеской. Несмотря на вид обескровленного тела, я узнала человека из мечети. У него были отрезаны обе руки и перерезано горло.

Вскоре я снова оказалась в полицейском участке.

— Кажется, жестокие преступления просто преследуют вас, госпожа, — заметил допрашивавший

меня офицер, с которым я уже беседовала прежде. Кажется, его звали Фан.

— Бертон Холдиманд умер в результате несчастного случая, — ответила я. — Вы сами сделали такой вывод. А здесь случилось жуткое преступление. Я звоню доктору Се.

Услышав это имя, офицер побледнел. Очевидно, даже в отсутствие доктора Се все ощущали его могущество и влияние. Я была счастлива, что он на моей стороне.

— В этом не будет необходимости, — возразил Фан. — Что вы делали в магазине?

— Пришла за покупками, а что еще? Я искала сувениры, а также предметы, которые могла бы продать в своем антикварном магазине в Торонто, — я пожалела, что произнесла эти слова. Лучше бы он думал, что мне ничего не известно об антиквариате. Но с другой стороны, возможно, Фан и так уже все обо мне знал, и даже хорошо, что я заговорила на эту тему. — Я позвала продавца, но ответа не последовало. Я решила, что он вряд ли надолго оставил магазин без присмотра, и стала ждать. Я как раз рассматривала ковры, когда увидела руку. Кто это был?

Фан нахмурился.

— Просто продавец.

Мне захотелось наказать его за эти слова, поскольку я сама просто продавец, но я устояла перед искушением. Я не стала спрашивать у него, часто ли подобная участь подстерегает продавцов в этом

городе. Это было неблагоразумно, а мне хотелось побыстрее уйти из полиции.

— Вы не знаете этого человека? — спросил Фан.

— Нет. Откуда?

— Я задаю вопросы, — довольно резко перебил он, но тут же вспомнил о моем знакомстве с доктором Се. — Прошу прощения за неудобства. Уверяю вас, здесь это не часто случается. В скором времени мы надеемся арестовать убийцу или убийц.

— Не знаю, что вы подразумеваете под «не часто случается». Кажется, в «Дейли Чайна» я прочитала, что пару дней назад убили кого-то еще?

Фан посмотрел на меня таким взглядом, от которого бы покрылась льдом Желтая река.

— Это преступление тоже необычно, и оно тоже вскоре будет раскрыто.

Я надеялась, что он прав.

Были и хорошие новости. На этот раз Фан не стал забирать мой паспорт, а до отеля меня довез полицейский. Плохой новостью было то, что Лю Дэвид мне не перезвонил. Однако меня ожидало другое голосовое сообщение. От человека с приглушенным голосом и акцентом, в котором я теперь точно узнала китайский. Он сказал, что хотел бы снять с меня мерки для похоронного костюма. Я не сомневалась, что он имел в виду мои похороны.

Глава 9

С тех пор никто из нас больше не упоминал о том неприятном случае, да и я никому о нем не рассказывал, несмотря на большой соблазн поделиться такой интересной сплетней. В следующий раз, когда мы встретились с Линфэй, она выглядела как обычно. Срезанные локоны она умело замаскировала изысканным париком, так что никто бы и не догадался. Мы проводили время, как прежде: она диктовала мне свои формулы, а я старался как можно аккуратнее их записывать. Однако я заметил, что после того, как Линфэй было отказано в прошении, компоненты, за которыми она меня посылала, были не всегда лечебными травами, используемыми ею прежде: на их место пришли более дорогие, например, киноварь и толченые устричные раковины, слюда и жемчужины. Я также должен был записывать сложный процесс изготовления каких-то веществ. Время от времени мы прерывали совместную работу, когда император уезжал с двором на горячие источники к востоку от Чананя, где проводил все больше и больше времени. Мне там нравилось, но Линфэй с нетерпением ожидала, когда можно будет вернуться к работе.

Наконец я больше не мог сдерживать любопытство.

— Над чем вы работаете? — чуть раздраженно поинтересовался я, когда мне пришлось из-за какого-то небольшого изменения переписывать целую формулу, над которой я трудился три или четыре часа.

Какое-то время Линфэй молча смотрела на меня. Я испугался, что обидел ее, и уже собирался извиниться, когда она жестом приказала мне замолчать.

— Я могу тебе доверять, У Юань? — очень тихо спросила она.

— Почему нет? — довольно грубо ответил я. — Я уже больше года прихожу сюда, и никогда вам ни в чем не отказывал. Полагаю, моя работа вас устраивает?

— Конечно. Но я сейчас говорю не о качестве твоей работы или пунктуальности. Мне интересно, сможешь ли ты хранить молчание. Я прекрасно знаю, какие сплетни ходят среди женщин в гареме и евнухов. Мне ли не знать, что там царят обман, ссоры, интриги и неискренность. Ну-ка, попробуй доказать мне, что это не так!

— Не могу. Только обещаю, что не предам вашего доверия, — произнося эти слова, я понял, что не лгу. В какое-то мгновение я осознал, что люблю Линфэй. — Я сделаю для вас все, что угодно.

Конечно, это была неправда, что я уже ясно доказал, когда Линфэй попросила меня отрубить ей пальцы. Однако она должна была понимать, что напрасно думает, будто я кому-то рассказал о ее просьбе и о том, что случилось после моего отказа, ведь никаких

сплетен на этот счет в гареме не было. Должно быть, все мысли отразились на моем лице.

— Не совсем все, — наконец произнесла Линфэй, слегка улыбнувшись. — Идем со мной.

Она повела меня в павильон в саду, который находился напротив ее дворцовых покоев. Конечно, в саду не было деревьев, чтобы никто не сумел взобраться на стену и помочь Линфэй сбежать к ее избраннику из Стражи Золотой птицы. Ее покои были темницей, прекрасной, но все же тюрьмой, наконец-то понял я. До этой минуты я не осознавал, насколько крепки золотые нити, привязывающие нас ко дворцу и Сыну Неба.

В павильоне было жарко, потому что там горел огонь, на котором стоял котел. В нос ударил резкий запах. На трех столах разместились сосуды разнообразной формы и размера, а также различные инструменты.

— Это труд моей жизни, — сказала Линфэй.

— Но чем вы здесь занимаетесь?

В голову пришла неприятная мысль, что рядом со мной ведьма. Я отмахнулся от нее. Это была прекрасная Линфэй, возможно, нет, совершенно точно, моя сестра.

— Я пытаюсь создать эликсир бессмертия, — ответила она. — Думаю, я совсем близка к завершению. Мне удалось разгадать тайну загадочного желтого, основы эликсира, и теперь я приступаю к его созданию. Я использовала необходимые компоненты в

различных сочетаниях, и уверена, что секрет будет раскрыт совсем скоро.

Мне все стало ясно: бесконечные часы записи и исправления формул ради внесения крошечного изменения, постоянная работа с одними и теми же составляющими, необходимость приобретения ценных компонентов. Однако я был изумлен и вынужден был напомнить Линфэй, что император придерживается конфуцианства, и ему могут не понравиться знания даосов. Линфэй возразила, что Сыну Неба известны слова Будды и учение даосизма, так же как и конфуцианства, и в то время как он отдает предпочтение одному учению, другое он не отвергает.

— Не знаю, понял ты или нет, но ты стал моим учеником. Именно ты трудился над всеми формулами, которые я вывела из своих экспериментов.

— Но откуда вам все это известно?

— Помнишь, я рассказывала тебе о даосском монастыре, в который меня отправили, когда я впервые покинула дом? Именно там меня обучили искусству быть наложницей, но я также стала и ученицей в соседнем монастыре. Как и ты, я сначала не поняла, что меня посвятили в тайны эликсира. Однако из монастыря меня забрали слишком скоро. Я знала состав эликсира, но мне было неизвестно сочетание компонентов. Такие подробности можно узнать лишь от посвященного. Точные формулы никогда не записывают, а передают лишь тем, кого сочтут достойным. Я пыталась связаться с посвященным, который меня обучал, но узнала, что вскоре после моего ухода

он присоединился к сонму Бессмертных. Это событие очень приободрило меня. Он как раз говорил со своим новым учеником и вдруг исчез. Осталось лишь его одеяние. Это была причина для радости, и теперь ему поклоняются. Не забудь про свое обещание, — напомнила Линфэй. — И я поделюсь с тобой тайной эликсира.

Было жутко думать, что «Золотой лотос», бандитская группировка, причинившая мне столько беспокойства на родине, находилась где-то поблизости. Когда мне удалось справиться со страхом, я поняла, что люди, с которыми я столкнулась, совершили свою первую ошибку.

Как-то Роб сказал мне, что у британской разведки было особое выражение для описания русских мафиози, находящихся в Англии, а именно — «снег на ботинках», то есть они сами по себе не возникли на чужбине, а имели тесные связи с родной страной. Не знаю, как это выражение будет звучать на китайском, но из телефонного звонка мне стало понятно, что «Золотой лотос» также связан с материковым Китаем. И если мне нужны доказательства того, что банда орудует именно здесь, надо всего лишь вспомнить о смерти Сун Ляна и человека из мечети, которым перерезали горло, а одному даже отрубили руки. Это точно указывает на работу преступной группировки.

По словам Роба, на родине «Золотой лотос» занимался мошенничеством и вымогательством,

а также пытался подчинить себе территории, принадлежащие другим бандам, особенно тем, что контролировали сбыт наркотиков, таким образом провоцируя преступные войны, в которых страдали, а порой и гибли невинные граждане. Было ли причиной их звонка в Сиане то, что я жила рядом с канадским офицером полиции, который проводил довольно много времени с женщиной по соседству? Может, они проследили меня до самого Сианя, чтобы продолжать угрожать? Я так не думала. Причиной их звонка стали мои действия в Сиане.

Пора было обратиться за поддержкой. Я оставила Робу длинное и подробное голосовое сообщение. На этот раз мне было все равно, что я могу его напугать. Он должен забеспокоиться. Я сообщила ему, что «Золотой лотос» находится неподалеку и снова угрожает мне по телефону. Я сказала, где я нахожусь и что делаю, а также то, что буду уведомлять его о каждом своем шаге. После этого я принялась раздумывать над случившимся.

До этого неприятного телефонного звонка я оценивала все факты в этом деле, а также свою относительную безопасность только с точки зрения происходившего в Китае. Я была в опасности, потому что погиб Бертон. Мне ничто не угрожало, потому что он сам убил себя. Мне следует опасаться, потому что я знала человека в переулке, но я неуязвима, потому что он не тот, за кого я его приняла, и так далее.

Звонок дал мне понять, что, возможно, я ищу не в том месте. Что будет, если включить в это урав-

нение Торонто? Когда я впервые получила звонки с угрозами дома, я еще не успела поговорить с Дори о серебряной шкатулке. Означает ли это, что события как-то связаны с серебряной шкатулкой? Гибель двух человек — возможного похитителя шкатулки и знакомого Бертона, который, вероятно, даже больше меня желал заполучить эту самую шкатулку, — убитых так, как обычно убивают в бандах, ясно указывал на существование этой связи. «Золотой лотос» и шкатулка каким-то образом связаны. Мне надо узнать о них как можно больше. Я решила, что не должна делать выводов, должна взвешивать все факты, рассматривать их не просто внимательно, а предвзято. Что из всего этого следует включить в свое расследование, начиная с первого звонка с угрозами и заканчивая тем роковым днем, когда Дори пригласила меня к себе на ланч?

В действительности у меня имелись две точки отсчета: угрожающие телефонные звонки и просьба Дори приобрести для нее в Нью-Йорке серебряную шкатулку. Мне надо искать те места, где два эти события пересекаются.

Я начала со шкатулки. Мы с Дори часто беседовали о Китае, и я выражала свои смешанные чувства по отношению к этой стране. Дори там родилась и не испытывала никакого двойственного отношения, а если и испытывала, то я об этом не знала. Я была в Китае в 1980-х годах, после окончания школы, и мне там очень понравилось. Люди были просто замечательными. Конечно, по нашим

стандартам они жили плохо, но все верили в мечту, мечту Мао. Я не разделяла их веры, но восхищалась ими за то, что она у них есть. Да, у меня склонность восхищаться и, возможно, даже завидовать людям, которые непреклонно верят во что-то, в то время как я в философских вопросах проявляю некоторую нерешительность. Мне Китай показался более простым и настоящим, чем жизнь, к которой я привыкла.

Когда я рассказала об этом Дори, она возразила мне, заявив, что когда китайцы приняли коммунистический путь Мао, они просто сменили одних правителей-деспотов, под которыми она подразумевала две тысячи лет императорского правления и несколько десятилетий тирании Гоминьдана, на столь же авторитарного правителя.

Когда я сказала, что, по моему мнению, страна движется к демократии, пусть и медленно, Дори ответила, что Китай никогда не станет свободным, что единственная республика, созданная в начале двадцатого века, через короткое время пришла в упадок и уступила место деспотизму. Как выразился доктор Се, она была уверена, что китайцы вообще никогда не смогут прийти к демократии.

Я сказала, что Китай, несмотря на все свои недостатки, самая древняя цивилизация в мире. Дори ответила, что причиной тому служит сопротивление переменам, отказ от свежих веяний.

Я продолжала настаивать, что мне понравилось все увиденное, Великая стена, Запретный город,

гробницы династии Мин, кварталы хутунов, и что китайское искусство — одно из самых эстетически привлекательных во всем мире. Я посчитала, что поскольку Дори посвятила свою жизнь изучению азиатской культуры, с этим она не могла не согласиться.

Она ответила, что, возможно, я и права, но вместо того чтобы беречь созданное, китайцы, особенно «красные охранники», принялись уничтожать все самое прекрасное, что было в стране, и что во время «культурной революции» за любым интеллигентом начинали охоту, подвергали унижениям и зачастую убивали. Любой человек, умевший читать, считался интеллигентом.

— Они сжигали книги, Лара! — восклицала Дори. — Книги! И превращали в дрова прекрасные картины, дома и храмы.

— Но, несмотря на все недостатки, коммунистам удалось понизить уровень младенческой смертности и повысить уровень образования в стране, — возражала я.

— Вначале да, но потом наступила «культурная революция». Школы были закрыты, ведь так? Как ты думаешь, как это могло сказаться на уровне образования?

— Но ведь тебя не было в Китае во времена «культурной революции», — порой слабо возражала я.

— Не было, но я знаю, — обычно отвечала Дори.

Я понимала, о чем она говорит. Просто я не разделяла ее пессимистического взгляда на будущее. Меня нельзя назвать наивной. Мне понравилась моя первая поездка в Китай, но я осознавала, что существует и другая страна, которая постепенно завладела моим сознанием. Китай коммунистической идеологии. Правительственные экскурсоводы, общества которых было так трудно избежать, настаивали, чтобы я посетила так называемые «образцовые фабрики», которые, откровенно говоря, ужаснули меня дикими условиями труда. Особенно одна шелкопрядильная фабрика, где молодые женщины долгими часами трудились при плохом освещении и низкой температуре. Позднее мне объяснили, что женщины могли работать всего несколько лет, а потом у них сильно падало зрение. Прежде чем посетить саму фабрику, я купила в местном магазинчике вышитое панно с изображением журавлей на золотом шелковом фоне. Качество исполнения просто потрясало. Я не знала, оказала ли я руководству фабрики поддержку, чтобы оно смогло продолжать выплачивать деньги своим работникам, если люди, подобные мне, будут покупать их товары, или же я просто поощрила дальнейшую эксплуатацию женщин. Панно попрежнему у меня, висит в рамке, и я все еще не знаю, поступила ли я правильно.

Я побывала в сельской местности, где мне показали мост, построенный простыми людьми без помощи инженеров. По крайней мере так уверял

правительственный чиновник. Беда в том, что я была достаточно наслышана об ужасном периоде под названием «культурная революция», когда жители страны претерпевали жестокие репрессии, чтобы понимать, что все, относящиеся к буржуазии, а именно врачи, учителя и инженеры, подвергались резкой критике и были отправлены в сельскую местность для перевоспитания с помощью тяжелого труда. Конечно, они сильно страдали, поскольку были непривычны к суровой среде обитания, и во многих случаях их навсегда разлучали с семьями. Деревня пострадала еще сильнее, система школьного образования была разрушена десять лет, как говорила Дороти, людей учили, как они должны думать. Этот мост был построен инженерами, теми, что теперь пропалывали капусту.

Но те визиты в деревню и на фабрику не могли сравниться с тем, что я испытала во время поездки в Тибет. Мне было нелегко добраться туда, потому что, хотя власти и разрешили мне эту поездку, в реальности они делали все, чтобы мне помешать. Но я все же добралась, и, несмотря на всю красоту Тибета, меня ужаснуло то, что я увидела. Китай твердит о своей «корректной» религиозной политике по отношению к меньшинствам. Можно говорить что угодно. По крайней мере, это все чушь, когда дело касается Тибета. Жителей безжалостно преследовали. Монахов называли раскольниками и просто так бросали в тюрьмы на двадцать лет. После этого я пару раз повздорила с партийными

чиновниками, ничтожными бюрократами, считавшими, что их положение дает им право вытирать о других ноги. Я знаю, что нельзя равнять народ и правительство, поэтому я покинула Китай, решив, что в целом мне там понравилось, и уверяя себя, что постепенно все наладится.

Вскоре после моего возвращения домой случился тот отвратительный эпизод в истории Китая, бойня на площади Тяньаньмынь. Я помню, как по телевизору показывали кадры оттуда, помню зернистый фон изображения, мрачного красного цвета из-за ночной съемки, и я думала, что, возможно, некоторые из прекрасных молодых людей, с которыми я успела познакомиться, могли пострадать или быть убиты. В тот момент я сказала себе, что никогда не вернусь в Китай. Так и вышло, но только до той минуты, когда Дори Мэттьюз заговорила со мной из мира мертвых.

И все же я оптимист. Еще до возвращения в Китай, чтобы попытаться купить шкатулку для Дори, я знала, что теперь людям там живется легче. Страна развивалась небывалыми темпами. Теперь уже не считалось преступлением относиться к классу буржуазии, потому что появилась новая правительственная установка: быть богатым замечательно. Да, там по-прежнему были люди в черном, армейские чиновники, которые считали, что они выше закона, и от этого я чувствовала себя неуютно. Но кроме возможности разбогатеть люди, с которыми я встречалась, получили опреде-

ленную степень свободы, которой у них не было больше полувека, возможно, даже никогда. Дори слышала то же, что и я, но ее мнение не менялось. Она твердила, что обожает китайскую историю и культуру, это стало делом ее жизни, но она никогда не вернется в материковый Китай, о котором помнит лишь как о раздираемой войной стране, где фанатичные приверженцы различных течений так рвались к власти, что им было все равно, сколько людей они погубят.

Возможно, Дори была не права, но у нее было много причин так считать. Мне было сложно с ней спорить, когда она начинала вспоминать о пережитом ею опыте, на котором и было основано ее теперешнее отношение. Да, я могла предоставить ей объективную картину, но то, что сформировало мнение Дори, было основано на ее глубоких личных переживаниях. Настоящий опыт всякий раз побеждает теорию. Дори с матерью покинули Китай, когда ей было пять лет. Несмотря на столь юный возраст, она по-прежнему ярко помнила то время, и эти воспоминания не были радужными. Она рассказывала, что ее отец был родом из Шанхая, где успешно вел дела. Ее мать Вивиан, также родившаяся в Шанхае в английской семье, была вполне обеспечена. Перед Второй мировой войной и вторжением японцев Шанхай был очень привлекательным городом: китайским, но одновременно испытавшим европейское влияние, богатым и в то же время чуть пришедшим в упадок. Но на го-

ризонте уже собирались тучи, в 1931 году японцы оккупировали Маньчжурию, возведя на трон последнего марионеточного императора из династии Цин, Пу И.

В то время все это казалось отдаленной угрозой, но тем не менее она приближалась. В июле 1937 года японцы стояли у ворот Пекина, и город сдался 29 июля того же года во время битвы, которая известна нам как сражение у моста Марко Поло. В конце 1937 года Шанхай также попал под власть японцев и оставался захваченным до конца Второй мировой войны.

13 декабря 1937 года японские солдаты захватили Нанкин, тогдашнюю столицу Китая, и в течение нескольких недель зверски убивали жителей, прокладывая себе путь через город, — позорное деяние, получившее название «Нанкинская бойня». Говорят, что за время войны с Японией было убито где-то от десяти до тридцати миллионов китайцев, хотя многие верят, что эта цифра намного выше. Китайцы считают японскую оккупацию своей родины, которая длилась всю Вторую мировую войну, «забытым холокостом».

Удивительно, но Вивиан с семьей сумели пережить японскую оккупацию. В Шанхае целые районы города были в каком-то смысле переданы крупнейшим и могущественным европейским державам, Британии, Франции, Италии и России. Японцы, которым не хотелось вызвать гнев столь сильных противников, на что они решились поз-

же, на тот период оставили их в покое. Вивиан отзывалась о том времени как об относительно счастливом, они с родителями жили в красивом доме на холме, где было много слуг. Однако японцы были не единственной проблемой. Китайцы начали междоусобную войну. Образовалось две фракции: Красная армия, или коммунисты, во главе с Мао Цзэдуном и Гоминьдан во главе с Чан Кайши.

Сначала Вивиан думала, что Гоминьдан защитит людей от японцев, но оказалось, что это очередная деспотическая сила. Несмотря на замкнутый образ жизни, повсюду Вивиан становилась свидетелем борьбы этих двух сил.

В это неспокойное время Вивиан встретила человека, который стал ее мужем и отцом Дори. Он в юности вступил в ряды Красной армии, по словам Дори, когда был подростком, был с Мао в Сиане, когда тот стал секретарем коммунистической партии, а в 1934 году отправился с ним в «Длинный марш». Это было одно из самых известных стратегических отступлений в истории, переход длиной почти в пять тысяч миль через труднодоступную местность, который длился свыше года. Только двадцать тысяч из девяноста тысяч солдат, отправившихся с Мао, выжили. Но у армии появился шанс перегруппироваться, и в конце Второй мировой войны Мао сумел изгнать Гоминьдан из материкового Китая на Тайвань. Те, кто в то трудное время был близок к Мао, и, очевидно, отец Дори

был одним из них, весь остаток жизни пользовались всевозможными привилегиями.

Дори появилась на свет в 1944 году, в самом конце Второй мировой войны. Возможно, Вивиан думала, что с разгромом Японии ее жизнь вновь станет нормальной. Она ошибалась. Когда Шанхай должны были захватить коммунисты, мать Дори поняла, что с нее довольно. Она села на последний пароход. Отец Дори предпочел остаться, и это было ужасным ударом для пятилетней девочки. Он отправился в Пекин, где получил высокий пост в коммунистической партии. Должно быть, это также было ударом для матери Дори. Да, ее родителями были англичане, но она родилась в Китае и всю жизнь провела в этой стране. Несколько лет она была замужем за китайцем, хотя они редко виделись. Больше ни Дори, ни ее матери не было суждено встретить его или хотя бы получить от него известие. Они больше не возвращались в Китай.

Ярче всего в памяти Дори запечатлелось то, как они пытались подняться на корабль, маленький ребенок в окружении мечущихся людей, стремящихся побыстрее покинуть страну, и как искали отца. Она неоднократно рассказывала мне об этом, и даже через столько лет ее голос дрожал от слез.

Но несмотря ни на что, Дори хотела, чтобы три бесценные серебряные шкатулки вернулись на ее родину, о которой она не могла сказать ни единого теплого слова. И она желала передать шкатулки Сианю, городу, где ее отец вступил в ряды ком-

мунистической партии. Был ли в этом смысл? Ее просьба казалась мне какой-то нелогичной, странной, я чувствовала, что здесь что-то не так. Я и теперь так думала, поскольку было маловероятно, что шкатулку могли снять с торгов, а затем похитить через несколько недель. Я пыталась убедить себя, что это совпадение. Неужели я действительно в это верю?

Все это натолкнуло на мысль, что шкатулка обладает для Дори и, возможно, остальных какой-то иной ценностью помимо материальной и исторической. Но как такое может быть? Как упоминал в связи с чем-то другим доктор Се, Китай — большая страна, история которой насчитывает много тысяч лет. Здесь собраны тысячи, если не миллионы сокровищ, стоящие не меньше, а возможно, и больше одной серебряной шкатулки. Да, она из серебра, да, она очень старая, да, она ценная. И что еще? На ней выгравирован рецепт приготовления эликсира бессмертия? Полагаю, что если бы вы были Понсом де Леоном, подобное могло бы значительно повлиять на стоимость вещицы. Однако в наши дни маловероятно, чтобы этот факт все объяснял.

Была ли это искупительная жертва со стороны Дори, доказательство того, что она примирилась со своим прошлым? Возможно, но от нее я не слышала ничего подобного. Наоборот, чем больше мы об этом беседовали, тем беспощаднее становились ее суждения.

И если серебряная шкатулка настолько важна, является ли ее первая владелица, наложница

Линфэй, ключом к разрешению загадки? Я не была готова поверить в переход в бессмертие, изображенный на одной из шкатулок. Линфэй умерла. Возможно, ее тело похитили. Это имеет значение? Предположим, кто-то решил, что ей удалось совершить этот переход, стали бы тогда ее хоронить, а если нет, то, возможно, в землю закопали оставшуюся после нее одежду? Другими словами, идет ли речь о гробнице? Что-то подсказывало, что я права. Продавец, который привел меня к себе домой выпить чаю и предложить свой товар, определенно знал, где расположена гробница, или по крайней мере был знаком с тем, кто знает. Эти серебряные шкатулки тоже были оттуда похищены? И где может быть эта гробница? В поисковых системах Интернета Линфэй не нашлось, так что, возможно, ее гробницу так и не отыскали, по меньшей мере официально. Но раз она была императорской наложницей при дворе Просветленного государя, то вполне вероятно, что ее погребли где-то поблизости от Чананя, то есть Сианя.

Что если кто-то в Сиане знает, где находится гробница? Что если это известно сразу нескольким? Когда в мусульманском квартале я показывала всем фотографию серебряной шкатулки, продавец направил меня к магазину человека из мечети. Это было то самое место, хотя мне ужасно бы хотелось не видеть всего того, что я увидела.

У меня появилось чувство, что я подбираюсь к разгадке, но мне нужна была еще информация.

Однако из отеля выходить не хотелось. Так, кто же сумеет мне помочь? Тот, кто находился в Сиане во время смерти Бертона, человека в переулке или человека из мечети, автоматически удалялся из списка, поскольку это был слишком большой риск, и пока не доказано обратное, он может быть виновен. Значит, я не могу обратиться к доктору Се, Майре Тетфорд и Лю Дэвиду, который и так не желал со мной говорить. Что касается Руби, то, возможно, это тоже не самая лучшая мысль, поскольку у меня есть только номер ее мобильного, а она может находиться где угодно.

Разве возможно избежать разговора со всеми этими людьми, если я хочу докопаться до истины? Вероятно, нет, но я решила попробовать. Мне очень нужно было узнать историю серебряных шкатулок, их происхождение. Где они находились после того, как их в детстве увидела Дори? Она-то мне ничего не рассказывала. Расспрашивать Джорджа тоже не хотелось. Итак, что я могу узнать, минуя его? В ту ночь я позвонила своему другу, соседу, а иногда помощнику в магазине Алексу Стюарту. Алекс умеет быстро находить нужную информацию и отлично понимает, что имеет ценность, а что нет. Да к тому же он был очень рад услышать мой голос.

— У меня к тебе огромная просьба, — начала я. — Ты сегодня можешь попасть в магазин?

— Конечно. Я собирался пойти в любом случае. Клайву может потребоваться помощь.

— Помнишь, где мы прячем аукционные каталоги?

— Еще бы. Там у нас их скопилось, наверное, лет за десять. Скоро придется нанимать соседний магазин.

— Иногда они очень выручают. Мне нужно, чтобы ты посмотрел самый последний каталог с аукциона «Моулзуорт и Кокс», где я была этой осенью. В нем ты найдешь фотографию серебряной шкатулки, династия Тан. За ней я ездила в Нью-Йорк.

— Да, помню.

— Внимательно посмотри на нее, а затем, если нетрудно, пролистай старые номера каталога и выясни, нет ли в них фотографии такой же шкатулки, но чуть большего размера. — Я обратилась к своим записям и продиктовала Алексу размеры шкатулки Джорджа, которую мне показала Дори, когда я была у нее дома. — Такой же формы, с таким же узором, но чуть меньше, чтобы она входила внутрь большой. Мне надо знать, когда она поступила на рынок. Возможно, ее там нет, но я надеюсь на лучшее.

— Будет сделано. Когда мне перезвонить? Какая разница во времени?

— Тринадцать часов.

— Тогда позвоню в полночь, когда у тебя уже будет утро.

— Звони в полночь.

— Иду в магазин прямо сейчас, — сказал Алекс.

Рано утром телефон звонил несколько раз. Я не спала.

— Прости, что так долго, Лара. Все оказалось несколько сложнее, чем я думал, и, возможно, тебя удивит то, что я нашел. Мне начинать?

— Да, и прости за хлопоты.

— Это было очень интересно, и я рад помочь. Естественно, мне без труда удалось найти описанную тобой шкатулку. Затем я начал искать нечто подобное. Начал с каталогов «Моулзуорт и Кокс», потому что именно там была эта самая шкатулка, которую ты пыталась купить, и полагаю, люди выбирают аукционные дома, специализирующиеся на вещах, которые они хотят продать. Такая была у меня теория. Сначала я подумал, что выполнить твою просьбу не составит труда. Я сразу же нашел похожую шкатулку, как ты и предполагала, в каталоге «Моулзуорт и Кокс», аукцион проходил примерно полтора года назад, весной. Похоже, они проводят два восточных аукциона в год. У меня есть информация с тех торгов, и я с радостью с тобой поделюсь.

— Отлично, Алекс. Я рада, что не слишком нагрузила тебя. Но ты, кажется, говорил, что тебе понадобилось больше времени?

— Верно. Я уже подумал, что мои труды увенчались успехом, когда нашел распечатку с фотографией, так что в сходстве сомнений не оставалось. Но чтобы быть совершенно уверенным, я взял продиктованные тобой размеры и сравнил их с теми,

что приведены в каталоге. И вот тогда я понял, что не все так просто: твои размеры и размеры из каталога не совпадают, там они все на дюйм больше.

— Минутку! Есть две шкатулки: маленькая из осеннего каталога этого года и еще одна, чьи размеры я тебе дала, — она принадлежит Джорджу Мэттьюзу. Я сама ее измеряла.

— Я об этом и говорю. Размеры не соответствуют шкатулке Джорджа Мэттьюза. Она больше и ее, и той шкатулки, что была украдена.

— Мне кажется, я все делала аккуратно. Дори предоставила мне возможность измерить и сфотографировать шкатулку ее мужа, и я решила, что все в порядке. Должно быть, я ошиблась.

— Нет. Ты редко ошибаешься, это я уже понял за время работы в «Макклинток и Суэйн». Если Клайв что-то измерил, измерь это опять. Если измерила Лара, можно расслабиться. Вот что вызвало мой интерес.

— Мне лестно это слышать, но к чему ты клонишь?

— Есть третья шкатулка. Учитывая то, что размеры настоящие, я принялся ее искать. И нашел: ее примерно три года назад выставляли на аукцион. Все эти шкатулки появлялись на торгах с интервалом в полтора года, и их три, а не две.

— Ясно. Значит, если Дори хотела собрать все три, она пропустила одну?

— Этого я не знаю, но шкатулок три. Я было подумал, это значит, что они поддельные. Обнаружив

такую странность, я на всякий случай стал искать другие шкатулки. И тут мне в глаза бросилось кое-что интересное относительно всех предметов танской династии. Я пролистал всю кипу каталогов, которые охватывают крупные аукционы в Нью-Йорке и Торонто почти за десять лет. Могу тебя заверить, что в последние пять лет количество экспонатов танской династии резко возросло, возможно, их стало в четыре раза больше, чем в предыдущие годы. Понимаешь, о чем я? Кстати, наибольший пик приходится на «Моулзуорт и Кокс».

— Возможно, люди просто начали продавать танские экспонаты, поскольку на них выросла цена. Они увидели, что похожие вещи приносят неплохую прибыль, и поэтому тоже выставили свои ценности на рынок. Ты можешь сказать мне что-нибудь еще об этих двух шкатулках, кроме размеров и того, что они похожи?

— Обе были выставлены в «Моулзуорт и Кокс», одна в Нью-Йорке, другая в Торонто. Обе предположительно принадлежали человеку по имени Линфэй. Продавцом первой шкатулки, которая была выставлена три года назад, был некто по имени, минуточку, боюсь, не смогу правильно произнести, доктор Цзинхэ Се.

— Дело серьезное.

— Ты его знаешь?

— Да. Он здесь, в Китае. Его зовут Се Цзинхэ, но это тот самый человек. А вторая шкатулка?

— Владелец не указан. Это важно?

— Уверена, но сейчас понятия не имею, что это может значить. По крайней мере очевидна связь доктора Се с одной из шкатулок. Наверное, Джордж Мэттьюз приобрел шкатулку Се Цзинхэ, принимая во внимание размеры вещицы, которую я видела у него дома. Это также означает, что доктор Се не был тем тайным телефонным покупателем в Нью-Йорке, потому что шкатулку он уже продал. Зачем ему понадобилась другая, но только чуть меньше той, что была у него и от которой он избавился? Также вполне возможно, что Джордж и Дори просто не успели купить вторую шкатулку. Дори только что ушла из Коттингема и из принципа не хотела делать никаких приобретений в своей области, а Джордж мог решить, что одной шкатулки достаточно, не понимая, что его жене захотелось бы приобрести все три.

— Тебе следует знать, что большинство танских экспонатов, продававшихся в последние пять лет, были из коллекции этого самого доктора Се.

— Не совсем понимаю, что это значит. В то время не было ничего незаконного в покупке и продаже китайских предметов старины. У него их огромное количество. Возможно, он просто хотел продать несколько, чтобы освободить место для других. Когда во время предварительного осмотра в Пекине мы беседовали о серебряной шкатулке, он не упомянул, что когда-то у него была похожая вещь. Мне ничего не известно. Может, он просто решил, что это не играет роли. А ты все-таки ду-

маешь, что он бы что-то сказал? Неужели он вдруг понял, что его шкатулка — одна из трех, поэтому приобретает еще большую ценность, и решил попытаться снова приобрести другую? Я не могу его спросить. Мне важно узнать, прежде чем кто-то получит предписание суда, которого мне никогда не добиться, кто именно выставил шкатулку на продажу в Нью-Йорке, а затем внезапно снял ее с торгов.

— Опять доктор Се?

— Возможно. Бертон Холдиманд считал доктора Се вероятным покупателем, а не продавцом, но кто знает? И этот вопрос я ему тоже задать не могу.

— У тебя плохие отношения с этим доктором Се?

— Нет, но они могут испортиться, если его имя всплывет в этой связи. Спасибо тебе, Алекс. Как обычно, ты мне очень помог.

— Береги себя.

— Как раз это я и собираюсь сделать.

Я сдержала слово. Положив трубку, я осторожно раздвинула шторы и выглянула на улицу Дун Дацзе. Было еще рано, и магазины не открывались. Однако дворники уже вышли на работу, и один из них, вернее одна, подметала улицу прямо перед отелем. Когда я посмотрела в окно, она подняла голову, слегка заслонив глаза рукой. Это была женщина со шрамом. Мне пришло в голову, что она провела тут целый день, возможно, за исключени-

ем того времени, что следовала за мной на рынок. Я не смотрела на нее.

— На чьей вы стороне? — прошептала я через занавеску. Мне придется быть крайне осторожной, чтобы выбраться из этого отеля.

Пока мы беседовали с Алексом, я получила несколько звонков. Один был от Майры: она сообщила, что возвращается в Пекин и надеется увидеться со мной до моего отъезда. Вторым был доктор Се, который сказал почти то же самое. Он добавил, что мне не следует выходить одной на улицу по ночам, поскольку Сиань вдруг стал небезопасным местом.

— Как будто я этого не знаю, — произнесла я вслух.

А во время третьего звонка мне велели убираться из Китая, иначе будет хуже. По крайней мере, мне показалось, что мужчина так сказал. Вообще-то, если хочешь кого-то по-настоящему напугать, надо вытащить носок изо рта и говорить четко. Честно говоря, я и сама считала, что покинуть Китай было бы неплохой мыслью, но, учитывая тот факт, что я снова попаду под наблюдение собратьев этого бубнящего человека, в этом не было никакого смысла. Я подумала, что неплохо было бы отправиться в Пекин, поэтому позвонила и заказала билет на самолет.

Лю Дэвид так мне и не перезвонил. Возможно, он все еще стоял на коленях на бамбуковом коврике перед Басянь Гун, боясь вытащить свой модный

сотовый телефон, чтобы он не привлек внимания. На самом деле я так не думала. Рынок откроется в следующее воскресенье. Наверное, он просто был не в состоянии мне позвонить. Однако я была уверена, что рано или поздно это произойдет.

Я вернулась к своим размышлениям. Алекс предоставил мне крайне любопытные сведения. Я была уверена, что Дори говорила, что видела три шкатулки вместе, но ее отчим разделил их и продал в середине 1970-х годов. Что с ними произошло после? Очевидно, одну приобрел доктор Се. Дори также упоминала о сгнившем внешнем футляре из дерева. Это продолжало меня беспокоить, хотя я видела серебряные шкатулки в Фамэнь Си и выяснила, что они тоже были заключены в деревянный футляр. Откуда Дори могла знать об этом в молодости? Рассказал отчим? А он откуда узнал?

Что если все эти танские вещицы, появившиеся в Нью-Йорке, были украдены из гробницы Линфэй? Возможно ли такое? Возможно ли, что все это дело рук «Золотого лотоса», наравне с другими их гнусными деяниями? Раз многие предметы были из коллекции доктора Се, то превращает ли это его в расхитителя могил, который одновременно является преуспевающим бизнесменом и филантропом? Да, он действительно помешан на китайской старине. Насколько сильно это помешательство? И даже если он расхищал гробницы, какое это имеет ко всему отношение?

И тут зазвонил телефон. Я потянулась к трубке, но тут же отдернула руку. Может, это опять один из тех ужасных телефонных звонков, что испытывают меня на прочность? Стоит ли давать этим людям знать, что я все еще в отеле? Однако мне могли звонить и по другим важным делам. Я взяла трубку, но молчала.

— Ты в порядке? — спросил Роб.

— Пока да.

— Ты можешь добраться до Пекина?

— Думаю, да. Паспорт мне вернули, и я заказала билет.

— Мне понадобится несколько часов, чтобы туда долететь.

— Знаю.

— Пекин, твой отель. Я там буду.

— Я тоже.

На следующее утро я быстро вышла из главного входа отеля. До этого я позвонила Питеру, таксисту, который всякий раз докучал мне с предложениями подвезти, и он уже ждал меня у дверей. Женщина со шрамом мела улицу. Я надеялась, что она меня не увидела, потому что было совершенно ясно, что она за мной следит, правда, я пока не понимала, с какой целью. Однако она все же заметила меня и то, что мою сумку загружают в багажник машины. Она оперлась о метлу и вытащила мобильный. Кто-то узнал, что я уезжаю из города. Как только захлопнулась дверца, такси рвануло с места, и поездка до аэропорта, заняв-

шая чуть больше часа, прошла без происшествий. Пока все шло хорошо.

Я сидела у иллюминатора по соседству с пожилой китайской парой. Сразу было видно, что они никогда прежде не летали. Ремни безопасности вызывали у них полнейшее недоумение, и я показала, как ими пользоваться. Когда стюардесса принесла напитки, китайцы никак не могли сообразить, что с ними делать. Я показала откидной столик и объяснила, как им пользоваться. Они улыбались мне, а женщина, сидевшая посередине, все похлопывала меня по руке и что-то говорила. Я улыбнулась в ответ и кивнула. Она вытащила термос и предложила мне. Я отказалась, потому что в последнее время с меня хватило чаю.

Я заметила, что пожилому мужчине неудобно смотреть в окно, и жестами предложила нам поменяться местами. Сначала он покачал головой, но я настаивала, и когда мне наконец удалось освободить чету от ремней безопасности, пожилой супруг, которому не терпелось взглянуть в иллюминатор, чуть не плюхнулся мне на колени. Чтобы занять место рядом с проходом, мне пришлось протискиваться мимо них. На лице стюардессы появилось удивленное выражение, но затем она подошла и поблагодарила меня. Мужчина все время что-то восклицал и тянул жену за руку, чтобы она тоже взглянула в иллюминатор. Был ясный день, и, наверное, открывавшийся вид поражал воображение.

Глядя на радость супругов, я почти позабыла свое беспокойство.

Однако сам полет не положил конец моим приключениям. Надо было еще преодолеть эскалатор. Женщина чуть не упала назад, и тут я поняла, что супруги не знают, как пользоваться этим хитроумным нововведением. Я быстро протянула руку, поддержала женщину, а потом мне пришлось удерживать обоих супругов, чтобы они в целости и сохранности сошли с эскалатора. Далее последовало вращающееся устройство для выдачи багажа. Мне пришлось помогать, потому что пожилой мужчина схватил огромный клетчатый чемодан, и его так потащило следом, что он чуть не упал. Я уже забыла, насколько все тут сложно устроено.

Я уже собиралась уходить, потому что мне все-таки удалось довести супругов вместе с багажом до стеклянных дверей, отделявших пассажиров от встречающих, когда я увидела то, от чего мне стало нехорошо. Это был человек в черном: теперь он был одет в униформу и явно кого-то искал. Я прекрасно понимала, кого он ищет, и даже догадывалась, каким образом ему стало известно, что я прилечу этим рейсом. Однако я не была готова к встрече с ним.

Я подхватила пожилых супругов под руки и пошла посередине. Мужчина в черном, то есть теперь уже в зеленом, сделал шаг в нашу сторону, но через мгновение нас увлекла толпа из двенадцати или

четырнадцати человек, включая детей, которые приехали встречать пожилую пару. Сначала все с недоумением глядели на меня, но старик принялся что-то оживленно объяснять, потом пожилая женщина вставила несколько слов, и внезапно все засуетились вокруг меня. Мне дали подержать ребенка, пока они разбирались с багажом, а самая молодая пара, внуки моих подопечных и родители малыша, оказавшегося теперь у меня на руках, объяснили по-английски, что пожилые люди, которые всю жизнь проработали на ферме вблизи Сианя, прилетели к семье в Пекин. Внучка поблагодарила меня за помощь, особенно за то, что я дала возможность ее деду полюбоваться видом в иллюминатор. Она добавила, что это был первый полет в их жизни, что я и так уже поняла. Про себя я подумала, что, наверное, он будет и последним, и теперь старички весь остаток жизни станут о нем вспоминать. Девушка добавила, что все родственники беспокоились, как старички долетят на самолете, но они не могли себе позволить отправить кого-нибудь им на помощь. Они просто надеялись, что кто-нибудь из пассажиров присмотрит за ними, и были рады, что я оказалась поблизости.

Все это время человек в черном наблюдал за мной. Да, он меня видел и узнал, но не сделал попытки подойти. Это навело меня на мысль, что, несмотря на форму, он здесь не официальное лицо. От этого я еще больше испугалась. Я не знала, как мне удастся от него избавиться, но по крайней мере

до тротуара я могла дойти под надежным прикрытием. Оставалось надеяться, что поблизости будет такси.

— Вы заказали машину? — спросила молодая женщина.

— Боюсь, нет.

— Тогда мы довезем вас до отеля.

В другой раз я бы вежливо отказалась, но сейчас решила, что это награда за мое хорошее поведение, к тому же очень своевременная. В окружении новых друзей я прошествовала мимо своего преследователя, произнеся про себя, что мы скоро увидимся.

Глава 10

Я сдержал данное Линфэй обещание, что не раскрою никому секрета ее труда. Однако наше совместное времяпровождение должно было скоро закончиться. Причиной послужило то, что сгущающиеся тучи наконец достигли Чананя.

Фигляр Ань Лушань оказался губительным человеком для империи. Когда Ян Гочжун стал первым министром после смерти Ли Линь-фу, Ань Лушань стал опасаться, как бы ему не потерять заступничество Сына Неба. Я не видел причин для подобных страхов. Сын Неба регулярно присылал для развлечения Ань Лушаню женщин из императорского гарема и следил, чтобы того не обделяли наградами.

Несмотря, или, возможно, из-за милости императора, Ань Лушань был отправлен на север, чтобы положить конец действиям варваров на границе. Невозможно проникнуть в мысли такого человека, как Ань Лушань. Может быть, оказавшись вдали от Чананя, он стал думать, будто против него плетутся заговоры. По непонятной причине он обратился против императора, чьим покровительством так долго наслаждался. С большой армией Ань Лушань выступил в поход не на варваров, а на Чанань.

Вероятно, армии Сына Неба могли бы этому помешать, если бы не роковое решение. Нашей армии было приказано выступить против Ань Лушаня. Нас разгромили. Дорога к Чананю была открыта, и стало ясно, что Ань Лушань захватит столицу. Сын Неба, который так долго пренебрегал государственными делами, был вынужден бежать на запад. Я был одним из евнухов, отправившихся вместе с ним. Вы можете представить, насколько ужасным было то время, весь этот хаос, страх. Перед отъездом я отправился в дом Линфэй, но не нашел ее там. Мне даже не удалось попрощаться.

На промежуточной остановке к западу от города генералы убили первого министра Яна и вынудили императора отдать приказ о казни его возлюбленной Ян Гуйфэй. Сыну Неба пришлось согласиться, хотя это причиняло ему огромные страдания. После этого император двинулся в страшный поход к Чэнду, где в отчаянии отрекся от престола в пользу одного из сыновей.

Ань Лушань, казалось, полностью захвативший власть в свои руки, внезапно заболел мучительной болезнью и умер. Некоторые говорили, что это было убийство, другие уверяли, что его постигла кара. Бунт был подавлен. Однако я еще не скоро смог вернуться в Чанань.

На ранних стадиях развития археологии и антропологии ученые были страстно увлечены попытками раскрыть тайну происхождения человека и найти так называемое недостающее звено между

неандертальцами и современными людьми. Ученые объездили весь мир, пытаясь отыскать это загадочное существо. Одна из самых потрясающих находок в этой области была сделана в окрестностях Пекина, близ деревни Чжоукоудянь, где в 1921 году обнаружили зуб, которому было где-то от двухсот тридцати до пятисот тысяч лет. За зубом последовали тысячи костей. Они отличались от костей древнего человека, найденных в других местах земного шара, и некоторые посчитали, что это и есть искомое недостающее звено, назвав его Homo Erectus Pekinesis, или, более привычно, «пекинский человек». История «пекинского человека» полна загадок: череп и кости исчезли во время перевозки в безопасное место, когда страну захватили японские солдаты. Кое-кто поговаривал, что их размололи в порошок и использовали как средство, усиливающее половое влечение, другие уверяли, что кости просто отправили не в то место. Вся эта история очень завораживает, хотя ни те ни другие не были правы.

Я не могла не понимать, что в моей истории тоже существует недостающее звено, то, что соединит две нити — Дори с ее серебряной шкатулкой и «Золотой лотос» — с тем, что произошло за последние несколько недель, всего одна деталь, которая все прояснит. Да, я видела точки пересечения этих двух объектов, но их скорее можно было назвать совпадениями, нежели причинно-следственной связью. Мне было известно одно недостающее зве-

но — имя человека в черном и его отношение ко всему происходящему, однако я понятия не имела, является ли все это тем, что я ищу. Оставался лишь один способ узнать — выяснить, кто такой этот человек, хотя бы потому, что это была одна из немногих ниточек, за которую можно было уцепиться. Доктор Се говорил, что человек в черном принадлежит к армии, но не к армии в обычном смысле этого слова, а к тем людям, которые заставляют других делать то, что им нужно, и подчиняют их с помощью страха. Мне это очень напоминало «Золотой лотос». И кто-то или что-то вынудило Бертона отправиться в Сиань.

Несмотря на то что перспектива оказаться на расстоянии мили от человека в черном пугала, он уже показал, что не собирается нападать на меня в общественном месте, значит, мне надо было убедиться, что я никогда не останусь с ним наедине. Поразмыслив, я решила, что если нельзя узнать чье-то имя другими способами — а ведь я обращалась с этим вопросом ко всем, кого знала, — в крайнем случае остается только расспросить соседей. Соседи не только сообщат нужную информацию, но и смогут послужить для меня прикрытием. Таков был мой план.

Но для начала надо было найти тот квартал. Я понимала, что шансы отыскать маленький магазинчик, через который Бертон ускользнул от меня и где мне указала нужное направление очаровательная старушка с забинтованными ногами, были

очень малы. Когда я добралась туда, я основательно запуталась, поскольку больше следила за Бертоном, нежели за тем, куда иду. Но мне казалось, что я смогу найти путь в обратном направлении от Барабанной башни.

Именно так я и поступила. У дверей отеля тротуар мела женщина. Этот факт показался мне не только уже давно приевшимся, но и подозрительным. Я нашла другой выход, добралась до Барабанной башни, а оттуда до квартала хутунов. Несколько раз я сворачивала не туда, возвращалась, но в конце концов отыскала дверь с пятью сваями, изысканными хранителями ворот, и длинную стену, идущую почти по всему переулку. На этот раз человек в черном не стоял в дверях, его вообще нигде не было видно.

Я прошла по переулку, пытаясь найти того, кто смог бы назвать мне имена счастливых обитателей дома. Мои первые попытки не увенчались успехом, потому что я не могла отыскать никого, говорящего по-английски. Наконец ближе к вечеру я наткнулась на маленькую пивную с довольно разговорчивой владелицей в переулке вдоль северного берега искусственного озера недалеко от Барабанной башни. Чтобы вызвать женщину на откровенность, я взяла по завышенной цене стакан импортного вина и принялась говорить о том, насколько прекрасен их квартал. Женщина ответила, что теперь здесь жить довольно престижно, по крайней мере так я поняла, и она опасается, что квартал испортится, а

ведь здесь у нее так хорошо идут дела. Я заметила, что по пути мне попалось несколько очень милых домов. Она возразила, что большинство из них слишком маленькие и в них нет туалетов.

Я упомянула о доме с пятью сваями у ворот и заметила, что, должно быть, жилец этого красивого дома очень важный человек. Женщина сказала, что, наверное, я имею в виду дом Чжана. Я ответила, что видела у ворот кого-то в армейской форме, и поинтересовалась, охраняет ли этот дом армия. Женщина ответила, что там живет офицер. Я выразила удивление, что офицер может позволить себе такой роскошный дом.

— Чжан Сяолин, — произнесла женщина. Похоже, он ей не нравился. — Чжан И — важная персона, у него много денег. Его сын Чжан Сяолин тратит деньги. Большая машина. Он плохой человек.

Так вот оно, недостающее звено, — Чжан. Дори Мэттьюз, урожденная Чжан. Да, я прекрасно знала, что это одна из самых распространенных фамилий в Китае, возможно, даже входящая в десятку чаще всего встречающихся. Но мне было все равно. Слишком уж много совпадений. Довольная, я заплатила огромные деньги за вино и отправилась ловить такси у Барабанной башни. Пора было звонить Джорджу Мэттьюзу. Ему придется многое рассказать о себе и своей покойной жене.

Мне почти это удалось. Когда я подошла к башне, оттуда раздался громкий и ритмичный ба-

рабанный бой. Вдали виднелось такси, я подняла руку и почувствовала, как меня грубо вталкивают на заднее сиденье. Я пыталась закричать, но из-за грохота барабанов поняла, что никто меня не услышит. Как только я оказалась в машине, она рванула с места, схвативший меня человек захлопнул дверцу, когда машина накренилась набок. За рулем был господин Чжан Сяолин, если я правильно поняла слова женщины из пивной, ранее известный мне как человек в черном. У его приспешника, который находился рядом со мной на заднем сиденье, был пистолет. Когда машина помчалась по дороге, он пристегнул меня ремнем безопасности.

Я попыталась было спорить, но тщетно. Эти двое общались между собой на китайском и не обращали на меня внимания. Я пыталась следить за тем, куда мы едем. Насколько я поняла, мы направлялись на запад. Вскоре мы очутились в каком-то пригороде, больше похожем на маленький городок. Мне не удавалось прочесть дорожные знаки.

Спустя короткое время мы въехали в холмистую местность. Когда мой самолет заходил на посадку, я видела холмы вокруг Пекина, но все равно не могла понять, где мы находимся. Я пыталась найти хоть какую-то зацепку, но вокруг не было номеров шоссе, только знаки на английском вроде такого: «Не садись за руль, если устал».

Очевидно, Чжан знал, где мы находимся. Он ехал очень быстро, и у меня не было возможности скинуть ремень безопасности и выбраться из ма-

шины. Наступала ночь. Я видела темные силуэты холмов, но огней было слишком мало, и я поняла, что поблизости нет города. С левой стороны дорога уходила под откос, и там не было освещения. Машин на дороге попадалось мало, и все они быстро оставались позади, когда Чжан на бешеной скорости шел на обгон.

Кошмар случился на повороте. Чжан в очередной раз пытался обогнать машину, когда навстречу из-за угла выскочил грузовик. Чжан резко крутанул руль, оторвав бампер машины, которую собирался обогнать. Правое колесо нашего автомобиля попало на обочину, и машину начало крутить в разные стороны. Мы врезались в камни и деревья у бордюра, и я слышала и ощущала, как у автомобиля отваливаются детали. Я подумала, что мы все погибнем.

Машина крутанулась в последний раз, а потом начала медленно скользить назад к левому склону, но вместо того чтобы перевернуться, она наткнулась на каменную стену и резко остановилась с работающим двигателем. Ни Чжан, ни мужчина, удерживавший меня, не были пристегнуты. Чжан лежал ничком на руле, из раны на голове — я надеялась, что она окажется смертельной, — текла кровь, а мой сосед тоже, кажется, ударился головой о потолок машины и теперь был без сознания. Пистолета не было видно. Я была пристегнута, поэтому не пострадала, хотя и была немного оглушена. В одно мгновение я взяла себя в руки, отстегнула

ремень безопасности и выбралась из машины. Горящие фары освещали склон холма, и я направилась вверх в темноту. Встречный грузовик и подрезанная Чжаном машина исчезли. Мне было интересно почему, но сейчас не время об этом думать.

Я пыталась не паниковать, но вокруг было очень темно. Я то и дело спотыкалась о кустарник и слышала свое громкое дыхание. Тем не менее я продолжала карабкаться наверх, стремясь как можно быстрее увеличить расстояние между собой и теми страшными людьми, пока они не пришли в себя. Я увидела фары остановившейся машины, луч света выхватил разбитый автомобиль. Это были полицейские — по крайней мере мне так показалось — и в течение нескольких мгновений я размышляла о том, что совершила большую ошибку, уйдя от дороги. Чжан, который, очевидно, пострадал не очень сильно, вылез из машины и заговорил сквозь стекло с полицейским. Через минуту машина уехала прочь. Наверное, Чжан опять использовал свои связи. Я слышала, как он позвал человека с пистолетом, который уже успел выкарабкаться из машины, и даже в темноте я знала, что он смотрит на вершину холма. Возможно, он и был оглушен, но заметил, в какую сторону я побежала.

Я продолжала лезть наверх, стараясь не метаться по сторонам, как раненый зверь, и глазами выискивая место, где можно было бы спрятаться. Наконец я приблизилась к чему-то вроде выступа и, пригнувшись, чтобы мой силуэт не выделялся на

фоне темного неба, перелезла через ограду. Я упала в ров или какое-то узкое ущелье. Надо мной что-то нависло, и я чуть не закричала от ужаса. Через мгновение я поняла, что это были очертания крыш на фоне неба. В одном доме даже слабо светились окна. Тут я услышала доносящийся снизу крик и приближающиеся шаги.

Кажется, я попала в маленький городок, расположенный на склоне холма. Я вскарабкалась по каменным ступеням, размышляя, где бы спрятаться. Дернула пару дверей, но они не подавались, и наконец нашла одну, которая распахнулась передо мной. Внутри было темно. Я очутилась в маленьком дворе с какими-то строениями с трех сторон. Там стояла большая телега, нагруженная чем-то непонятным. Я услышала, как рядом кто-то кашлянул.

В спешке я ударилась о борт телеги и невольно вскрикнула. Снаружи слышались чьи-то шаги. Я толкнула одну из дверей, ведущих во двор, и она открылась. Через секунду я была уже внутри, кажется, в каком-то сарае. Я ощупью пробиралась вперед, чувствуя запах кошачьей мочи. Тут точно никто не жил. Повсюду валялись сваленные друг на друга мешки, я присела на корточки позади них, и тут же что-то мягкое потерлось о мои ноги. Я сдержала крик. Раздалось мурлыканье. Похоже, я наткнулась на кошку. Через несколько минут раздался громкий стук в дверь. Стучавший подошел ближе. Потом я услышала шаги во дворе и зловещий

скрежет ключа, поворачивающегося в замке того здания, где я притаилась. Я попала в ловушку.

Чжан — его голос я уже знала — тоже очутился во дворе. Он громко и властно что-то крикнул, и ему ответила женщина. Последовал непонятный мне разговор. Я затаила дыхание, когда кто-то принялся дергать за ручку двери. Я прекрасно знала, что она заперта. Мне показалось, что пробил мой последний час. Женщина что-то сказала, и скоро я услышала, как шаги удаляются в другом направлении. Вскоре все стихло.

Кажется, я несколько часов просидела за мешками, не смея дышать и испытывая невыносимый ужас. Мне было холодно, хотелось есть, я была жутко напугана. Кто меня запер? Они знают, что я здесь? Неужели меня держат в качестве пленницы для Чжана, и если это так, то почему они просто не сказали ему, где я? А может быть, сказали, и он ушел за подкреплением. Потом за дверью моего укрытия или тюрьмы, в зависимости от обстоятельств, раздались шаги, и кто-то всунул в ключ замок. Распахнулась дверь. Раздался женский голос. Я понятия не имела, что она сказала, но поднялась на ноги. Вряд ли женщина обращалась к кому-то другому, и не было смысла обманывать себя и притворяться, будто меня здесь нет. Ноги затекли от долгого подъема по холму и сидения на корточках. Женщина в темноте нащупала мою руку и повела через дворик в другой маленький дом. Фонарь отбрасывал бледный свет.

Мы смотрели друг на друга. Наверное, она увидела очень высокую белую женщину со светлыми волосами и глазами, нависшую над ней. Передо мной же была крошечная китаянка с натруженными руками. В доме была всего одна комната с койкой, на которой лежал ребенок. Наверное, они спали вместе. Женщина подала мне чашку чая и в темноте отвела в общую уборную, после того как я произнесла слово «туалет», которое она поняла. Это было бетонное строение с четырьмя дырами в полу, нависающее над краем утеса. Его продувало ветром, но мне было все равно. Затем женщина опять отвела меня в тот самый сарай, соорудила из мешков постель и дала мне одеяло. Когда я рухнула на самодельную кровать, она снова заперла дверь. И снова я принялась размышлять над тем, кто я: пленница или гостья. Но сейчас это не имело значения, потому что в темноте идти все равно было некуда.

Мне казалось, что я ни за что не засну, но я ошибалась. Когда бледные лучи солнца проникли сквозь щели в стенах, я снова услышала поворот ключа, и женщина подала мне миску с какой-то едой. Жестом она пригласила меня следовать за ней, я повиновалась и села на стоявший во дворе стул.

Дом, в котором я очутилась, был очень простым. Телега во дворе, о которую я умудрилась ушибить колено, была нагружена початками кукурузы для просушки, сверкавшими темным золотом на

фоне зеленой краски. Со стропил свисали пучки длинного, тонкого красного перца. Под телегой свернулась кошка, возможно, та, что была моей спутницей минувшей ночью.

В миске оказался разваренный рис. К нему были примешаны весенний лук и еще что-то пряное. Я съела все до последней крошки, постоянно повторяя «xi xie» — «спасибо». Маленький застенчивый сын женщины то и дело подходил и пристально смотрел на меня, а затем с хихиканьем убегал прочь.

Женщина о чем-то болтала. Я не понимала ни слова. Наконец я чуть дрогнувшим голосом произнесла «Чжан Сяолин».

Женщина плюнула на землю. Я повторила это имя, и она снова плюнула. Очевидно, она знала, кто это такой, и он ей не нравился.

После завтрака женщина подала мне таз с водой, чтобы я немного умылась, и смахнула приставшую к моему свитеру солому.

— Лара, — произнесла я, указывая на себя. Женщина что-то сказала в ответ. Мне показалось, она произнесла «Тин», но я не была уверена.

Я вытащила кошелек, достала все наличные, примерно около двухсот долларов, и сказала «Пекин». Последовал бурный монолог. Тин вышла из дома и через несколько минут вернулась с другой женщиной, которая представилась как Жун, по крайней мере так я поняла. Обе принялись оживленно переговариваться, и наконец Тин взяла мои

часы и указала на цифру 2. Я не поняла, что она имеет в виду, но подумала, что это имеет какое-то значение. Сейчас было только восемь.

Следующие шесть часов я провела в состоянии плохо сдерживаемой паники. Я пыталась сделать звонок по сотовому, но, конечно, он не работал. Мы находились в горах вдали от Пекина. Мне регулярно приносили еду, я всегда могла выпить чаю, но я понятия не имела, что происходит. Мне было также неизвестно, появится ли опять Чжан Сяолин. Каждый раз заслышав шаги по каменной мостовой, я кидалась в сарай.

Был уже третий час, и я не на шутку перепугалась. Примерно в половине третьего до моего слуха донесся автомобильный сигнал. Тин жестом пригласила следовать за ней, и мы осторожно прошли по деревне к машине. Перед каждым углом Тин выходила вперед, осматривалась и только потом подзывала меня. На склоне, вдали от дороги, мы остановились, и я осмотрелась. Мы стояли в узкой лощине между двумя темными холмами с бурой зимней растительностью: такое впечатление, что дальше идти было некуда. Если так, то, возможно, я в ловушке. Я пыталась выкинуть эту мысль из головы и думать о близости людей.

Городок расползся по склонам обоих холмов, которые внизу прорезала дорога. Расстояние между холмами в этом месте составляло всего две полосы. Городок был живописен. Наверное, ему было несколько сотен лет, стиль эпохи Мин, прелестные

изгибы крыш, серый камень и кирпич и всего два ярких пятна: красный китайский флаг, развевающийся над долиной, и свисающий с крыльца красный фонарь. Выше по склону я видела выкрашенное в белый цвет здание, похожее на маленький храм. Я понятия не имела, каким образом тут оказалась подобная деревушка и как она вообще уцелела. Единственной приметой времени был грузовик у подножия холма. Вдали, в противоположной стороне, на обочине главной дороги стоял разбитый белый «лексус». В этой местности именно машина, а не деревня выглядела лишней. Вблизи никого не было. Я с удивлением отметила, как высоко мне удалось взобраться в темноте.

До меня дошло, что жители, скорее всего, слышали, а может, и видели саму аварию. В горной долине все звуки поднимаются лишь вверх. Возможно, кто-то даже видел, как я убегала. Тин знала, что я в ее доме. Она могла бы меня выдать, но вместо этого спасла, заперев дверь. Когда к ней пришел Чжан, то позвал ее и принялся дергать за ручку. Обнаружив, что дверь заперта, он решил, что меня внутри нет. Он так сурово говорил с этой женщиной, и все-таки она спасла меня. Она подождала, пока он уйдет, возможно, следила за ним в темноте с маленького открытого крыльца, которое я заметила позади дома и откуда открывался вид на дорогу, а затем пришла удостовериться, что со мной все в порядке, приготовила мне чай и подобие постели с одеялом — скорее всего, в

этом месте их было немного. Мне хотелось расплакаться.

Жун разговаривала с водителем грузовика, который был нагружен всевозможным товаром. Тут были пластиковые тазики, спортивные туфли, полотенца, свитера, жакеты. Своего рода передвижной магазин, вокруг которого уже столпились люди, чтобы посмотреть товар. Кто-то расположился на склонах холма. Они напоминали мне часовых, возможно, так оно и было. Мне показалось, что весь городок знает о моем присутствиии.

Когда с покупками было покончено, Жун дала Тин знак, и мы быстро спустились вниз по склону. Я чувствовала себя ужасно незащищенной, оба холма нависали надо мной, словно злые великаны. Чжан или его подручные могли быть здесь, они могли в любой момент напасть на меня, возможно, причинить вред моим новым друзьям. Наверное, они проявили мужество, помогая мне. Я снова сказала «Чжан Сяолин», на этот раз водителю, и все трое плюнули на землю. Кажется, все жители городка проявляли единодушие в отношении Чжан Сяолиня. Я подумала, что, возможно, это часть территории Чжана, на которой он принуждает испуганных людей к повиновению. Эти трое были готовы дать ему отпор, за что я была ужасно благодарна.

Пять минут спустя я уже лежала в кузове грузовика среди груды свитеров, пиджаков, кастрюль, сковородок и всего прочего, наваленного поверх меня. Мы ехали. Поездка выдалась нелег-

кой. Все мои кости болели, а когда грузовик вдруг остановился и кто-то заговорил с водителем, я затаила дыхание. Но вскоре мы снова тронулись в путь.

Примерно через полчаса грузовик снова затормозил, но на этот раз водитель принялся снимать с меня свой товар и жестом пригласил пересесть в кабину, где слегка пахло навозом. Мы проехали еще пару часов, водитель что-то говорил мне, я отвечала, никто из нас не понимал ни слова, но мы оба кивали и улыбались.

Он высадил меня перед Запретным городом, на северной окраине площади Тяньаньмынь. Думаю, он довез бы меня до дверей отеля, если бы я смогла объяснить, где он находится. Я дала Тин и Жун немного денег, хотя они не желали брать. Я понимала, что для этих людей сумма, на которую можно было шикарно поужинать у меня на родине, была настоящим богатством, поэтому была настойчива. Почти все оставшиеся у меня деньги я отдала водителю. У меня как раз осталось на такси до отеля. Женщины, подметавшей тротуар перед входом, не было. Полагаю, она не ожидала, что я вернусь. Двадцать минут спустя я уже входила в дверь своего номера.

Там был Роб. По его виду было ясно, что он нервничал.

— Где ты была? — спросил он таким голосом, каким всегда говорит, когда беспокоится, правда, сам предпочитает, чтобы я думала, будто он просто

сердит. — Ты должна была приехать сюда первой. Рейс задержали?

Роб озадаченно оглядел меня с головы до ног — возможно, я действительно выглядела не очень в грязной и покрытой соломой одежде — а потом подошел, чтобы обнять или встряхнуть за плечи. Я покачала головой. Он может пожалеть, что приблизился ко мне, если только ему не нравится запах навоза.

— Итак? — повторил Роб.

Я не знала, плакать или смеяться.

— Нет, рейс не задержали.

— Тогда где же ты была?

— Понятия не имею. Правда, мне встретились чудесные люди. Это долгая история, но вкратце скажу следующее: тот, кто встанет между мною и душем, покойник.

Позднее, как следует вымывшись и чувствуя себя в безопасности, я позвонила Джорджу Мэттьюзу. Мне было наплевать, что сейчас в Торонто раннее утро. Теперь мы поменялись местами. Услышав мой голос, Джордж не стал спрашивать, зачем я звоню, и не делал попыток поддержать ничего не значащую беседу. Не думаю, что причиной послужило его раннее пробуждение. Он просто ждал, когда я что-нибудь скажу.

— Вы меня обманули, — безо всяких церемоний начала я. — Вы и Дороти были нечестны со мной, — по какой-то причине я больше не могла называть ее Дори. — А теперь расскажите мне все.

— Я боялся, что до этого дойдет, — ответил Джордж.

В ту ночь мне снились Бертон и Дороти. Бертон, все еще с синим лицом и в хирургических перчатках, обвинял Дороти в своей смерти, а она твердила, что ей очень жаль.

Глава 11

Линфэй исчезла. Я искал ее повсюду. В глубине души я надеялся, что она воспользовалась воцарившимся после наступления Ань Лушаня хаосом и сбежала из императорского гарема, чтобы быть вместе с любимым человеком. Я спрашивал, не оставила ли она мне записки. Ничего. Должен признать, это меня глубоко задело. Возможно, Линфэй рассердилась на меня за то, что я с ней не попрощался.

Я отправился в ее покои, но они были заняты кем-то другим. Мастерской Линфэй тоже не было. Я обыскал все тайники, но не нашел ни Линфэй, ни свидетельств ее трудов. Такое впечатление, что ее вообще не было.

Жизнь в императорском дворце почти вернулась в обычное русло. Я понял, что приобрел больше влияния, чем прежде, и вовсю этим пользовался. Вскоре у меня появились прекрасный дом рядом с Чананем, так называемая жена и два приемных сына, один из которых должен был занять мое место во дворце, а другой — со временем подарить внуков.

И все же я часто думал о Линфэй. Была ли она моей сестрой? Что с ней произошло? Похоже, этого

никто не знал, а если и знал, то не желал мне говорить. Я искал ее на базарах, как искал Первую сестру. Я искал ее в публичных домах Веселого квартала.

Теперь, когда на престол взошел новый Сын Неба, жизнь во дворце изменилась, но во многом осталась прежней. Теперь в гареме появился призрак. Это был разгневанный призрак человека, умершего мучительной смертью, которого похоронили без специальных ритуалов, чтобы обеспечить покой его облачной душе.

Однажды, через несколько месяцев после возвращения во дворец, мне принесли сверток. Я узнал ткань: это был кусок платья Линфэй, которое она часто надевала за работой, и в него были завернуты несколько страниц, написанных моей рукой. Последняя работа, выполненная мною для Линфэй. Евнух, который принес сверток, пояснил, что сделать это его попросил незнакомец. Он не знал его имени. Мне оставалось только гадать, что все это могло значить.

В ту ночь мне приснился тревожный сон. Я видел Линфэй.

— Ты помнишь меня, Ди-Ди? — спросила она, а затем поведала свою историю.

— Ань Лушань забрал меня в качестве военного трофея, — говорила она со слезами на глазах. — Он был ужасным человеком, совсем не таким утонченным, как император. Он не любил ни музыки, ни танцев, и я была ему безразлична. Пока я была в его руках, он тяжело заболел. Все его тело покрылось бо-

лезненными волдырями. Он умер в муках. Один из его приближенных обвинил меня в смерти Ань Лушаня, уверяя, что я отравила его.

— Однажды ночью меня вытащил из постели и задушил тот самый человек, что обвинил меня в колдовстве. Он похоронил меня под большим деревом в императорском парке, в саду, где цветут пионы. Моя облачная душа все еще не обрела покой. Ди-Ди, пожалуйста, помоги мне.

Я резко пробудился. Линфэй назвала меня «братишкой». Тогда я понял, что это действительно была моя пропавшая сестра. И я знал, что делать, чтобы ее душа нашла покой. Надо совершить определенные обряды, чтобы она покоилась с миром.

Ворота дома Чжана были заперты, но я звонила до тех пор, пока мне не открыли. В дверях стоял Чжан Сяолин с забинтованной головой. Он был явно не рад меня видеть.

— Мы хотим встретиться с Чжаном Энтони, — сказала я. Он не пригласил нас войти. Тогда я просто протиснулась мимо него, за мной Роб, а доктор Се замыкал шествие.

У семьи Чжан был роскошный дом. Прелестные сады, а дома в двух внутренних двориках снаружи выглядели изящно. Хозяева не вызывали чувства жалости. У них были все современные удобства. В комнате, куда нас наконец провели, пожилой мужчина сидел перед телевизором с тридцатиоднодюймовым экраном, держа на коленях корзину.

Вошла служанка с подносом, на котором стояли чашки и лежали засахаренные цветы жасмина. Нам пришлось подождать — похоже, влиятельные и богатые люди любят указывать непрошеным гостям их место, — пока в комнату не вошел мужчина, которому было около шестидесяти. Он был выше среднего роста, хотя все-таки ниже сына, привлекательный — в нем чувствовалась смешанная кровь, — изящно очерченные скулы, красивые глаза. Я не думала, что сумею узнать его, но мне это удалось. Он сидел справа от Майры Тетфорд на торжественном ужине в пекинских апартаментах доктора Се, Майра завела с ним беседу, преследуя сугубо деловые цели, а я располагалась слева и разговаривала с Лю Дэвидом. Я была так близко и даже не подозревала об этом. Конечно, тогда я еще не знала, что именно ищу, к тому же мне, в отличие от Бертона, очень мешало незнание китайского языка. Не помню, но, возможно, меня даже представили тогда этому человеку. Такое ощущение, что это было очень давно.

Я назвала себя.

— Чжан Энтони, мое имя Лара Макклинток. Это доктор Се Цзинхэ из «Се Гомеопатик». Уверена, вы слышали о нем. С нами мой друг, Роб Лучка. Я знакомая вашей сестры Дороти, которая, мне жаль это говорить, умерла.

Говорит ли он по-английски? Я искренне надеялась на это. Первые три года жизни он говорил на этом языке, но потом, скорее всего, нет. Однако его

английский был безупречен, говорил он с американским акцентом. В конце концов передо мной был «красный принц», сын одного из ближайших советников Мао, тот, кто был с ним в «Длинном марше». Чжан Энтони получил образование в Гарварде.

— Сейчас меня зовут Чжан И, — сказал он. — Довольно бесцеремонная выходка с вашей стороны, госпожа Макклинток. Я не знаю никакой Дороти. Зачем мне вас слушать?

— Потому что ваш сын пытается меня убить.

Чжан Энтони бросил мимолетный взгляд на Сяолиня, но тот отвел глаза.

— Что ж, продолжайте.

— Спасибо. Поскольку мне неизвестно, насколько осведомлены обо всем находящиеся в этой комнате, я позволю себе резюмировать события. Значительная часть сведений, которыми я собираюсь с вами поделиться, была передана мне Джорджем Мэттьюзом, мужем покойной Дороти, подтвердившим многие из моих догадок.

— Я не знаю этих людей, — повторил Чжан Энтони.

— Дороти, — произнес старик, доставая из корзины сверчка и держа его на ладони. Ему было нелегко это сделать, так как его пальцы были, по-видимому, скрючены от артрита. Однако одного этого слова было достаточно, чтобы понять, что я попала в нужное место.

— Дороти и Энтони Чжан родились в Шанхае в 1940-х годах, она была на три года старше брата.

Детей, родившихся после ухода японцев, называли «детьми мира», и именно такими были Дороти и Энтони. Однако в то время мир был относительным понятием, к тому же крайне зыбким. Японцы ушли, но между Гоминьданом и коммунистами по-прежнему шла война. В конце 1940-х годов многие видели в коммунистах спасение, однако не все разделяли это убеждение. После их прихода к власти в 1949 году мать Дороти и Энтони, Вивиан, решила, что с нее довольно войны, а возможно, и присутствия мужа, которого она крайне редко видела, а Дороти была уверена, что он плохой отец.

Когда я это сказала, Энтони посмотрел на свои руки. Я поняла, что мать Дороти была права.

— Вивиан решила забрать детей и уехать, пока не поздно. Но это были тяжелые времена. Будучи решительной женщиной, Вивиан смогла добиться разрешения на выезд из Шанхая для себя, двоих детей и няни на одном из последних судов, отправлявшихся в Гонконг перед началом коммунистического правления. Она не одна пыталась это сделать. В толпе на причале Вивиан с Дороти потеряли няню, державшую на руках Энтони. Вивиан искала их повсюду, но не могла найти сына. Она покинула Шанхай с дочерью. Вивиан была убеждена, что няня, очень привязанная к маленькому Энтони, решила просто забрать его себе, или же ей заплатил отец ребенка, чтобы выкрасть сына.

— Я не удивлюсь, если отец это сделал, — сухо произнес Энтони. — Он был и остается безжалост-

ным человеком, хотя, как вы видите, возраст довольно сильно сковал его. Боюсь, вы выбрали не того человека.

Тут глаза всех присутствующих устремились на старика со сверчком. Мне он казался совершенно безобидным.

— У Вивиан не было времени на сборы, поэтому она взяла с собой то, что попалось под руку. Пятилетняя Дороти настояла, чтобы они захватили ее любимую игрушку, маленькую серебряную шкатулку, одну из трех. Вообще-то она хотела забрать все три, очарованная тем, как их можно вставлять одну в другую, но при данных обстоятельствах ей позволили взять с собой лишь одну маленькую игрушку. И она выбрала самую крошечную шкатулку. Дороти отчетливо помнила, как играла со всеми тремя, когда ее отец привез их домой из своей долгой поездки. Она не знала, как он нашел гробницу, хотя, став взрослой, была уверена, что ему это удалось.

— Еда, — произнес старик.

— Ты только что ел, — нетерпеливо ответил Энтони.

Мне показалось, что старик имел в виду нечто другое.

— Думаю, шкатулку нашли, когда разыскивали съестные припасы. Была война, и солдатам приходилось самим добывать себе пропитание. Итак, гробницу нашли, с годами выяснилось, что она может принести немалый доход, поскольку все ее

содержимое было распродано. Я говорю о гробнице императорской наложницы по имени Линфэй.

— Я ничего не знаю об этой гробнице.

— Линфэй, — произнес старик. Энтони поморщился. Если бы дело не было столь серьезным, разговор мог бы принять комический характер, поскольку Энтони все отрицал, а его престарелый отец всякий раз противоречил ему одним лишь словом.

— Итак, Дороти не пожелала оставлять маленькую шкатулку, и ее положили в чемодан. Наконец Вивиан и Дороти прибыли в Канаду. Хотя Вивиан повторно вышла замуж и родила сына Мартина, она так и не смогла пережить потерю своего маленького Энтони. Она ни с кем о нем не говорила и запретила дочери упоминать его имя. Когда Дороти случайно это сделала, Вивиан слегла в постель на несколько дней, и девочку терзало чувство вины за то, что она стала невольной причиной болезни матери. Дороти научилась молчать, и вскоре все стали думать, что ее младшего брата вообще не существовало.

— Но Дороти не забыла своего братишку, которого обожала. Только когда умерла ее мать, а Китай стал более открытым внешнему миру, Дороти почувствовала, что может начать поиски Энтони. Беда в том, что их фамилия была Чжан, одна из самых распространенных в Китае. Она не знала, откуда начать. И потом Дороти не собиралась сама ехать в Китай.

До этого момента на лице Чжана Энтони было написано недоверие, но тут он кивнул.

— Я ее помню, — медленно произнес он. — Мою сестру. Я помню мать, ее прикосновения и запах, хотя не могу вспомнить лица, но также припоминаю еще и маленькую девочку. Как, вы сказали, ее зовут?

— Дороти, — произнес старик. Сын едва взглянул на него. Я плохо знала Энтони, чтобы быть в состоянии прочесть выражение его лица, но мне показалось, что он сердится.

— Дороти стала опытным специалистом в области китайского искусства и старины, куратором отдела азиатского искусства в маленьком, но престижном канадском музее, — продолжала я. — Однажды, разглядывая аукционный каталог «Моулзуорт и Кокс», она увидела одну из серебряных шкатулок, с которыми играла в детстве. Вскоре она увидела и вторую шкатулку из этого набора.

— Минуточку, — бесцеремонно перебил Энтони. Он повернулся к сыну и сказал что-то по-китайски.

Сяолин отрицательно помахал головой. Энтони несколько мгновений смотрел на сына, а затем спросил тихим голосом, от которого мурашки побежали по телу:

— Тогда где они?

Сяолин ничего не ответил.

— Увидев эти шкатулки на рынке, Дороти многое поняла. Во-первых, совершенно очевидно, что

их выставил ее родственник. Более того, их появление в Нью-Йорке означало, что шкатулки вывезли из страны контрабандой. Дороти рассказывала мне, что ее отчим привез шкатулки из Китая, но на самом деле это было не так. Она сама вывезла одну шкатулку, потому что была совсем маленькой и не понимала, что делает. Сводный брат Дороти, Мартин, отлично помнит эту шкатулку. Возможно, это было начало всей той лжи, довольно безобидной поначалу, которая разрослась до непредсказуемых и жутких последствий.

Энтони неодобрительно взглянул на меня.

— По просьбе Дороти ее муж купил две шкатулки. Она говорила, что не занимается коллекционированием в своей области, но это была очередная ложь. Полтора года назад Дороти и Джорджу принадлежали все три шкатулки. Дороти сказала, что когда соберет их все, то передаст историческому музею Шаньси в Сиане. Если она действительно говорила правду, то могла бы сделать это уже полтора года назад.

— Она этого не сделала, потому что внезапно придумала, как найти своего брата. Одна из шкатулок раньше была в коллекции Се Цзинхэ. Дороти с Джорджем связались с доктором Се и узнали, что он купил эту шкатулку несколько лет назад; по крайней мере так он им сказал. Они обратились в аукционный дом с просьбой предоставить им информацию о втором продавце, но получили отказ. Однако слова доктора Се убедили их в том,

что это был именно он. Доктор Се также сказал, что приобрел шкатулку уже давно. Дороти, которая была куратором музея, самостоятельно проверила источник и не нашла доказательств того, что шкатулка находится в Канаде в коллекции доктора Се значительное время. Ее муж, считавший доктора Се своим коллегой и другом, думал, что стоит поверить ему на слово и что результаты проверки Дороти могут быть ошибочны. Но Дороти не согласилась.

— Шкатулка была в моей личной коллекции много лет, — довольно раздраженно произнес доктор Се. — Я купил ее в Гонконге, прежде чем он перешел в руки китайцев, на совершенно законных основаниях и привез в Канаду тоже законно.

— По-моему, речь сейчас не об этом, доктор Се, — заметила я. — Эта шкатулка была похищена из очень известной гробницы.

— Пожалуйста, продолжайте, — нетерпеливо потребовал Энтони. — Пока я услышал лишь безумные и совершенно голословные утверждения.

— Дороти, — сказал старик, сажая сверчка обратно в корзину. Кажется, он был немного не в себе.

— Мне понятно, почему вы так хотите считать мои слова необоснованными, но поверьте, существует возможность все доказать, и кроме Джорджа Мэттьюза имеются еще два юриста, которые слышали эту историю от самой Дороти, — Ева Рети в Торонто и Майра Тетфорд в Пекине. Далее Дороти

решила, что найдет своих китайских родственников и одновременно положит конец контрабанде. Думаю, на это у нее была пара причин. По словам Джорджа, она почти патологически боялась, что кто-нибудь узнает, что она из семьи преступников, и, таким образом, коллеги начнут относиться к ней пренебрежительно. С этим можно не согласиться, учитывая тот факт, что сейчас многие музеи признают, что часть их коллекций составляют похищенные предметы искусства, но Дороти придерживалась иного мнения. С другой стороны, она действительно очень хотела снова увидеть своего младшего брата. Она прекрасно помнила вас, Энтони. Думаю, она всю жизнь скучала по вам.

Энтони кивнул. Внезапно он показался мне постаревшим, словно на него навалился груз сожаления или утраты.

— Когда я стал старше, мне очень хотелось, чтобы у меня была сестра. Конечно, нам разрешили завести всего одного сына. Таковы правила здесь, в Китае: одна семья — один ребенок. Она, правда, умерла?

— Дороти умерла? — спросил старик. Похоже, он действительно следил за разговором, который шел на английском. — Сыновья лучше.

Вот в чем дело. Вивиан могла забрать дочь, но ей никогда бы не позволили взять сына. Я уже успела заметить, что среди китайских детей, которых предлагают усыновить иностранцам, почти одни девочки, что ясно указывает на предпочтения.

— Да, она умерла, — повторила я, сжав зубы. — Чтобы осуществить свое стремление, Дороти взяла шкатулку, которую в детстве привезла из Китая и берегла все эти годы, и выставила ее на том же аукционе, где были проданы две предыдущие, решив, что продавец станет смотреть цены в каталоге и не только увидит шкатулку, но и захочет ее приобрести или хотя бы узнать, кому она принадлежит. Возможно, вы этого не заметили, Энтони, зато заметили другие. Однако для Дороти все случилось слишком поздно, потому что она сильно мучилась от артрита, и у нее не было возможности в полной мере осуществить свой план.

Энтони вновь взглянул на своего отца, на его изуродованные руки.

— Ей было сложно отправиться в Нью-Йорк на аукцион, а Джордж, который поддерживал жену, хотя и не очень одобрял ее увлечения, ехать отказался. Таким образом, Дороти уговорила меня. Она не хотела потерять шкатулку, но мечтала выяснить, кто ее купит, кто, так сказать, выйдет на свет. Думаю, мне стоило догадаться, что Дороти не совсем со мной откровенна. Она сказала, что все шкатулки были вставлены в четвертую коробку из дерева, самую большую. Деревянная коробка не могла сохраниться в течение стольких веков, особенно после того как ее извлекли из гробницы. Она могла знать об этом, если только сама видела остатки деревянного футляра, прежде чем он распался, а значит, Дороти видела его в самой гробнице или

же сразу после извлечения оттуда. Если бы футляр стали трогать, он тут же бы развалился на части.

— Она спрашивала, кто, по моему мнению, мог претендовать на шкатулку. Я ответила, что Бертон Холдиманд, ставший куратором отдела азиатского искусства Коттингемского музея после Дороти, пытается приобрести ее для этого самого музея. Я также сообщила, что появился и еще один заинтересованный молодой человек. Это был Сун Лян, сотрудник Бюро культурного наследия, которого направили на аукцион, чтобы он купил шкатулку для государства. Также был еще один телефонный покупатель, это мог быть кто угодно, но я почти уверена, что как только суд заставит аукционный дом предъявить свои записи, это будет доктор Се.

— Госпожа Макклинток! — запротестовал доктор Се, но Энтони жестом приказал ему замолчать.

— Когда Дороти поняла, что может потерять свою бесценную шкатулку и ничего не получить взамен, она испугалась и решила в последнюю минуту отказаться от продажи. Мне она сказала, что ей надо выпить воды, а сама переключилась на другую линию и отправила в аукционный дом факс. Джордж признался, что факс был у нее под рукой.

Энтони повернулся к сыну.

— Ты продал шкатулки Линфэй!

Сяолин не ответил.

— Вообще-то он продал не только это, — заметила я. — Он продал внушительное количество

других ценностей эпохи Тан, которые, возможно, были также извлечены из той же самой могилы. Ваш сын придумал остроумный способ контрабанды древностей, поставляя их на североамериканский рынок, где были в панике от того, что вскоре предметы китайской старины не будут доступны.

— К сожалению, Дороти умерла вскоре после того, как отозвала с аукциона серебряную шкатулку. Джордж пообещал жене помочь с осуществлением ее плана и довольно неохотно продолжал выполнять свое обещание уже после ее смерти. Он снова выставил шкатулку на продажу, на сей раз в Пекине. И снова он отправил меня туда, чтобы я попыталась ее купить. Поскольку Джордж все же испытывал угрызения совести из-за интриг своей жены, он попросил своего друга доктора Се приглядывать за шкатулкой и за мной.

Все взгляды обратились на доктора Се, и тот кивнул.

— Вот как, значит, вы мне отплатили? — пропитанным презрением голосом произнес он.

Я не обратила внимания на его слова.

— Доктор Се был счастлив помочь, потому что без ведома Дороти и Джорджа принимал участие в операции по контрабанде ценностей, придуманной Сяолинем. Появление на рынке третьей серебряной шкатулки, естественно, привлекло его внимание, и это был способ узнать, что же на самом деле происходит.

Я услышала, как стоявший рядом со мной мужчина резко втянул в себя воздух.

— Разве не правда, доктор Се?

На этот раз он промолчал.

— Не знаю, почему такой богатый человек, как доктор Се, решился на подобный поступок, — если только из-за желания пополнить личную коллекцию бесценных сокровищ, часть из которых я точно видела в журнале по искусству примерно год назад. Возможно, доктор Се, как и остальные, боялся, что дверь захлопнется и перекроет поток китайских ценностей. Мне также неизвестно, зачем Сун Лян похитил шкатулку в Пекине. Полагаю, мы можем продолжать питать сомнения на его счет и решим, что он действовал из лучших побуждений, надеясь приобрести шкатулку для своего народа. Позднее это искушение оказалось слишком велико для него. С ним связался Сяолин, и Сун Лян согласился выкрасть шкатулку. Сяолин даже был в пекинском аукционном доме, чтобы взглянуть на нее и прикрыть вора. Он удостоверился, что шкатулка не видна другим посетителям и что Сун сможет убежать. Потом Сун решил обмануть человека, который заплатил ему за кражу шкатулки. Это решение стало роковым.

— Что вы подразумеваете под словами «большое количество ценностей эпохи Тан»? — спросил Чжан Энтони, словно до него только что дошло.

— Пятьдесят, может, пятьдесят пять. Мой друг и коллега просмотрел аукционные каталоги за десять

лет и обнаружил, что примерно пять лет назад на рынке было особенно много танских ценностей.

Энтони обернулся к сыну.

— Ты был в гробнице Линфэй?

Сяолин покачал головой. Энтони снова воззрился на меня.

— Да, такая гробница существовала, и мы брали оттуда ценности. Они помогли нам не умереть с голоду в те времена, когда особенно буйствовал режим. Хотя мой отец и был доверенным лицом председателя Мао, а я стал «красным принцем», обладавшим привилегиями, недоступными другим, но во времена «культурной революции» меня, получившего диплом преподавателя в США, отправили в деревню вместе с остальными, причисленными к так называемой «буржуазии». Я работал на полях, ухаживал за лекарственными травами. К счастью, мы оказались в провинции Шаньси. Мой отец рассказал мне о гробнице и о том, где именно она находится. Я отыскал ее. Тайно продавая сокровища оттуда, я сумел вернуться в Пекин и приобрести этот уютный дом. Благодаря сокровищам я отправил своего сына в юридическую школу в Калифорнии, хотя он и провалился на выпускных экзаменах. Неужели это так ужасно?

— Не мне судить. Однако вашему сыну не пришлось голодать. Он преступник и негодяй. Он не только занимается контрабандой ценностей, но и запугивает людей. Хотя нет, постойте, это уже не просто запугивание. Люди ненавидят и боятся

его. В маленькой деревушке недалеко отсюда живут очень добрые и смелые люди, которым Сяолин внушает страх. Он состоит в пекинском секторе группировки под названием «Золотой лотос», чьи действия выходят далеко за рамки контрабанды ценностей.

Энтони лишь вопросительно взглянул на сына. Сяолин заговорил с ним по-китайски. Когда он замолчал, Энтони обернулся ко мне.

— Мой сын забыл, что значит уважать отца. Он назвал меня дураком за то, что я слушаю вас.

— Тогда я больше ничего не буду говорить и уйду.

— Вы не уйдете, — вставил Сяолин.

— Она уйдет, — с угрозой перебил его Энтони. — Уйдет, когда захочет.

— Вы совершили ошибку, — продолжала я, обращаясь к Сяолину, — заставив своих головорезов угрожать мне в Сиане. Тогда я поняла, что у группировки есть связь с Торонто. Нет, не думаю, чтобы Дори Мэттьюз участвовала в операциях контрабандистов. Она просто непродуманно выставила на продажу свою драгоценную серебряную шкатулку, руководствуясь больше призрачной надеждой, чем уверенностью, что она приведет ее к брату. Шкатулка наделала много шума и привлекла внимание довольно подозрительных личностей.

— Если бы не эти звонки с угрозами в Сиане, я бы решила, что это сугубо китайская проблема, противопоставленная проблеме международной.

Пока вы не натолкнули меня на эти мысли, я считала всего лишь роковым стечением обстоятельств тот факт, что отозванная с аукциона шкатулка была в скором времени украдена. Я также стала подозревать, что доктор Се является продавцом по крайней мере одной из шкатулок, выставленных аукционным домом «Моулзуорт и Кокс».

И снова доктор Се предпочел уклониться от ответа.

— Подведем итоги: Чжан Сяолин постоянно грабил по меньшей мере одну гробницу и, возможно, несколько других где-то в провинции Шаньси, думаю, вблизи Хуашани. Чтобы избежать наказания, он контрабандой переправлял ценности в Гонконг и Северную Америку. Доктор Се помогал ему, используя распределительную сеть своей корпорации «Се Гомеопатик».

— Вы этого не докажете, — сказал доктор Се.

— Возможно. Однако вам стоит знать, что я отнесла чайные пакетики, которые вы мне дали, в полицию для анализа, и сказала, что Бертон Холдиманд также мог получать от вас эти же пакетики. Может быть, последнее всего лишь слухи, но мои пакетики — это нечто реальное, и я уверена, что они сами скажут все за себя. Думаю, это вы убили Бертона. Для этого не надо было больших усилий, принимая во внимание состояние его здоровья и все эти препараты, которые он употреблял добровольно, и я уверена, что вам было достаточно известно о нем, чтобы суметь его прикончить.

Кажется, Энтони принял решение.

— Уверяю вас, я позабочусь о том, чтобы деятельность моего сына прекратилась, — сказал он. — Я только прошу вас предоставить все мне. В какой-то момент нам были нужны деньги. Они нужны даже мне, сыну друга председателя Мао. Танские ценности были пережитком загнивающего империализма, и я не испытывал угрызений совести, продавая их. Однако я не стал бы продавать шкатулки Линфэй. Это выглядело кощунством, если здесь уместен данный религиозный термин. Очевидно, мой сын не испытывал подобных колебаний. Я с ним разберусь, только предоставьте все мне.

— Мне кажется, уже немного поздно, — впервые за все время вмешался Роб. — А вы так не считаете?

В этот момент Сяолин бросился на меня. Роб сделал шаг к доктору Се, который уже направлялся к двери. В одно мгновение Сяолин поднес к моему горлу нож. Я отлично знала, что члены «Золотого лотоса» отменно владеют этим оружием. Доктор Се попытался протиснуться мимо Сяолина, но не сумел.

— Не двигайся, Лара, — сказал Роб.

— Не буду, — прохрипела я. Конечно, ему было легко говорить. Мои ноги стали ватными. Единственное, что меня удерживало, это рука Сяолина. На миг в комнате воцарилась тишина, прерываемая стрекотом сверчков.

— Я не имею к этому никакого отношения, — произнес доктор Се. Сяолин с презрением взглянул на него.

Роб громко спросил:

— Ты видишь цель?

— Да, — раздался голос откуда-то неподалеку.

— Чжан Энтони, — заговорил Роб таким голосом, какого я никогда не слышала. — Видите красное световое пятнышко на голове вашего сына? Это лазер. Винтовка находится в руках одного из лучших стрелков Министерства общественной безопасности по имени Лю Дэвид. Там, где вы видите красную точку, пуля войдет в мозг вашего сына. Поверьте, у него не будет шанса остаться в живых. Я предлагаю вам проявить родительский авторитет, заставить вашего сына бросить нож и отпустить госпожу Макклинток.

Полагаю, Энтони выполнил приказ, хотя я не поняла сказанных им слов. Возможно, он говорил по-английски, но я была слишком напугана, изо всех сил стараясь не двигаться. Однако до меня все же дошло, что его сын не собирается подчиняться.

— Министерство общественной безопасности? — повторил он на безупречном английском с ухмылкой на лице. Затем сказал что-то громче уже по-китайски. — Если вам, иностранцам, интересно, я предложил солидное вознаграждение этому Лю за то, что он меня отпустит. Учитывая коррупцию в министерстве, я полагаю, что он согласится. А теперь я ухожу и забираю с собой женщину.

Сяолин сделал шаг назад. Я почувствовала, как к моей шее прижался нож. Потом раздался выстрел, и Чжана Сяолина не стало. Роб успел подхватить меня прежде, чем я упала на пол.

Несколько часов спустя мы с Робом сидели на каменной скамье в роскошном семейном саду Чжана. Здесь было красиво даже зимой. Повсюду суетились полицейские под руководством Лю Дэвида. Я настояла на том, чтобы выйти из дома, но сейчас у меня начали стучать зубы от нервного напряжения и холода. Роб крепко обнял меня. На его лице двигались желваки.

— Хватит, — сказала я. — У тебя пломбы треснут. Если думаешь, что сегодня неудачный день, вспомни о корневом канале.

Конечно, это была неуместная шутка, но надо же что-то сказать, чтобы отвлечься от мысли о том, насколько близки вы были к переходу в вечность.

Роб сделал жалкую попытку улыбнуться.

— Я почему-то думал, что моя работа не может быть опасной для тебя и Дженнифер. Я знал, что опасность может угрожать мне, но не вам. Скажи мне, какой наивной была моя вера.

— Черт возьми, Роб! Я сама вляпалась во все это.

— Но все началось с тех угроз у тебя дома. Я не должен был оставлять тебя одну. Стоит только подумать, что могло случиться...

— Все началось не с угроз. Все началось, когда Дороти Мэттьюз попросила меня купить ее серебряную шкатулку.

— Ты бы не согласилась, если бы мы не застряли в той гостинице.

— Откуда тебе знать?

— И потом, это был «Золотой лотос». А они — моя головная боль.

Очевидно, дальше с Робом спорить было бесполезно.

— Думаю, нам надо сменить тему, — твердо перебила я. — Скажи что-нибудь смешное.

Роб задумался.

— Сейчас ничего в голову не лезет. Не могу придумать ничего забавного. Должен тебе сказать, мне сразу не понравился этот парень, Сяолин, или как там его. Он не только поставил под сомнение честность моего коллеги, но и грубо обращался с моей девушкой.

— С девушкой? Вот это действительно смешно.

Эпилог

Я подошел к дереву в саду пионов, о котором говорила Первая сестра, и начал копать. После долгих усилий мне все еще не удавалось найти Линфэй. Тогда я понял, что надо делать.

Я выстроил для Первой сестры гробницу. Она была щедро украшена рисунками с изображением сцен из жизни Линфэй. Я высек для нее гранитный гроб, а также мемориальную табличку в ее честь. В гроб я положил одеяния, подходящие социальному положению Линфэй в императорском дворце. Был проведен особый ритуал, призывание облачной души, чтобы она обрела покой, а за катафалком следовала внушительная похоронная процессия. В гробнице я сжег много бумажных денег, чтобы путь Линфэй в вечность был коротким, и положил туда множество красивых предметов из золота, серебра, жемчуга и нефрита. В последний путь Линфэй провожали множество терракотовых слуг и музыкантов, настоящий Оркестр Грушевого сада. Также я заказал у самых лучших серебряных дел мастеров в Чанани три серебряные шкатулки, каждая из которых была выполнена разными мастерами по моему описанию, чтобы никто не узнал историю трудов Линфэй. В самую маленькую шкатулку я положил прядь ее волос, которую хранил так долго. Пусть она останется

с ней. После этого призрак, посещавший гарем, исчез.

За день до похорон Линфэй я написал стихотворение. Конечно, оно получилось жалким, недостойным ее, но зато выражало всю мою тоску. Его я тоже положил в гробницу.

Завтра, на рассвете серого дня, ты упокоишься с миром.

Цветут пионы, но ими некому любоваться.

Снег засыпает дворик белым покрывалом, но его никто не увидит.

Мне не дает покоя легкий аромат пачули.

Легкий ветерок, звенящий нефритовыми подвесками, повторяет твое имя.

Сейчас я уже старик, слабый и одинокий, несмотря на то что у меня есть сыновья и внуки, которые меня почитают. Первый сын стал мандарином, Второй — евнухом. Возможно, он обладает даже большим влиянием, чем я в свое время, поскольку теперь в императорском дворце всем заправляют евнухи. Я с интересом слушаю их рассказы о придворных интригах.

Я часто сижу в беседке в саду. С потолока свисают нефритовые подвески, звенящие на ветру, — лин-лин-лин. Они напоминают мне о моей сестре, прекрасной Линфэй. Я рассказываю внукам, что в бамбуковой рощице на окраине наших владений прячутся разбойники, а в колодце живет призрак женщины с горящими глазами и растрепанными волосами. Порой, когда я слышу шум ветра в стеблях бамбука,

мне чудится, что это привет от Первой сестры. Я все еще по ней скучаю.

Чжан Сяолин заплатил бедным фермерам сумму, равную шестидесяти пяти долларам за ночь, чтобы разграбить гробницу Линфэй, императорской наложницы и алхимика. И не только Линфэй. Там, где находилась ее гробница, нашли обширное захоронение из по крайней мере дюжины могил, и почти все они были разграблены. Гробница Линфэй находилась недалеко от Хуашани, между двумя танскими столицами, Чананем и Лояном.

Наверное, шестьдесят пять долларов почти равны годовому доходу этих бедняков, поэтому я не могу их винить. Однако в то время там шло масштабное строительство коттеджей, в котором принимало участие множество людей. Не думаю, что власти станут раздумывать над мотивами, вынудившими местных жителей грабить могилы, поэтому, вполне возможно, некоторые из них будут казнены.

Властей к гробнице привел Энтони. То, что можно было унести, уже унесли, а остались лишь саркофаг, большая каменная пластинка, на которой была написана довольно печальная история, которую поместил там человек по имени У Юань, и несколько необычных фресок, скорее всего, изображавших сцены из жизни Линфэй. На них она была в императорских садах, играла в оркестре, ухаживала за больными и парила над горной вершиной вместе с Нефритовыми женщинами. Сложно представить себе жизнь в императорском гареме

даже при таком относительно благосклонном императоре, как Просветленный государь. Думаю, вполне логично было разместить гробницу Линфэй близ Хуашани, где проживали Нефритовые женщины, хранительницы алхимиков. Саркофаг был открыт, но внутри не оказалось скелета, а лишь несколько обрывков шелка, возможно, одеяний Линфэй. Мне сказали, что, наверное, саркофаг с самого начала был пуст, что тело не нашли, а вместо этого провели ритуал под названием «призывание умерших».

Думаю, Бертон с легкостью догадался о махинациях в Сиане. Лю Дэвид подтвердил, что на антикварных рынках Сианя ходили слухи о том, что гробницы вовсю грабят. Подобные действия сложно скрыть, особенно вблизи крупных городов, где люди следят за своими соседями. Наняли несколько сильных молодых людей, выходивших на дело по ночам, и внезапно все эти молодые люди, которые в течение дня бездельничали, вдруг стали получать много денег, покупать поддельные дизайнерские безделушки, возможно, даже компьютеры или телевизоры с большим экраном. Надо во всем разобраться! Что бы они ни делали, это наверняка незаконно. Поэтому Лю Дэвид оказался в Сиане, чтобы попытаться найти долю истины во всех этих сплетнях. Он проводил официальное расследование, в то время как Бертон взялся за дело сам.

В отличие от меня, Бертон говорил по-китайски. Он поспрашивал людей и постепенно привлек к себе внимание как тех, кто кое-что знал, так, к не-

счастью, и тех, кто стоял за всем этим, а именно — Чжана Сяолиня и Се Цзинхэ. Не думаю, чтобы Бертону было известно, что Дороти выставила на продажу свою маленькую шкатулку, и, скорее всего, он не понимал, как далеко могли дотянуться щупальцы «Золотого лотоса», не знал даже о существовании этой бандитской группировки, пока не стало уже слишком поздно. Наверное, он просто считал, что местные жители грабят могилы. Он нашел человека, который был готов поведать ему об этом, того самого человека в мечети. Нам известно, что с ним случилось. Не сознавая опасности, по крайней мере до последней минуты, Бертон направился не в Хуашань, а в его окрестности, чтобы попытаться найти гробницу.

Единственной ошибкой Бертона была встреча с Чжаном Сяолином. Бертон подслушал, как Чжан разговаривал с полицейскими в тот день, когда в Пекине украли серебряную шкатулку и когда Чжан пытался отвертеться от расследования. На самом деле его имя назвал Бертону Лю Дэвид, не подозревая, что эти сведения приведут к убийству. Не думаю, что Сяолин что-то сказал Бертону, хотя мы этого никогда уже не узнаем, поскольку оба они мертвы, однако «Золотой лотос» насторожился. Когда Бертон приехал в Сиань, возможно, руководствуясь интуитивным чувством, что если есть танская гробница, то искать нужно поблизости, его уже ждали очень плохие ребята.

Наверное, больше всего меня беспокоит та роль, которую я сыграла в гибели Бертона. Имен-

но я навела его на мысль о том, что Чжан Сяолин, человек в черном, каким-то образом причастен к краже из «Дома драгоценных сокровищ». Если бы не это, возможно, он был бы жив.

Как и следовало ожидать, Роб с этим категорически не согласен. Он твердит, что Бертон все равно бы привлек к себе нежелательное внимание, поскольку был твердо нацелен найти серебряную шкатулку. Я понимаю, что в словах Роба есть частица правды, но все равно не могу полностью ему поверить. С другой стороны, учитывая его проблемы со здоровьем и попытки самолечения, Бертон все равно бы долго не протянул.

К сожалению, доктор Се сейчас в Канаде. Каким-то образом ему удалось подкупить власти и покинуть Китай. Было выдвинуто требование о его выдаче. Однако в моей стране обычно не занимаются экстрадицией граждан в страны, где существует смертная казнь, поэтому будет забавно понаблюдать, как выкрутится из этой ситуации доктор Се с его деньгами. В подобных случаях судебные разбирательства в Канаде занимают очень много времени, поэтому мы еще не скоро узнаем, чем все закончилось. Если доктора Се вынудят вернуться в Китай, будет любопытно узнать, решатся ли власти казнить столь важного человека за контрабанду. В современном Китае пока состоялось слишком мало судебных процессов, касающихся подобных дел. Что бы ни случилось, я спокойна, зная, что доктор Се больше не будет заниматься контрабандой. Именно такие люди, как он, с их

неукротимой жаждой приобрести побольше ценностей, подогревают незаконную торговлю и разграбление гробниц.

Пока мы встречались с Чжаном Энтони, полиция уже обыскивала склад «Се Гомеопатик» в Сиане. Там действительно нашли ценности. Се пользовался законными деловыми перевозками, чтобы прикрыть свои нелегальные делишки, а на складах в Гонконге, Ванкувере и Лос-Анджелесе хранил предметы старины, прежде чем продать их законным торговцам или торговцам с криминальным прошлым. Проводится проверка нескольких аукционных домов, чтобы выяснить, знали ли они о том, что ценности были похищены.

Мои чайные пакетики стали важной уликой в деле против доктора Се, касающемся убийства Бертона Холдиманда и попытки убийства некоего продавца антиквариата. Очевидно, в них содержался мышьяк. К счастью, я использовала всего один пакетик: мышьяк должен накапливаться в организме, чтобы вызвать смерть. По какой-то причине Бертон слишком поздно понял, во что ввязался. Скорее всего, человек в мечети поведал ему, что, по слухам, гробница находится близ Хуашани. Бертон отправился туда уже смертельно больным и умер в захудалой гостинице.

Полагаю, в чае Бертона тоже был мышьяк, но его чайные пакетики, как и чайник, исчезли. Дэвид считает, что головорезы Сяолина следовали за Бертоном до Хуашани, очевидно, собираясь убить его на месте, а не ждать, пока пакетики с чаем выпол-

нят свою смертоносную миссию. Им не пришлось его убивать, по крайней мере, свидетельств этому нет, однако они избавились от улик. Возможно, Бертон вдруг понял, что его преследуют, вот почему тогда в ужасе позвонил мне. Я никогда не забуду, как он пытался предостеречь меня от опасности, о существовании которой только что догадался.

Лю Дэвид из Министерства общественной безопасности расследовал дело коррумпированного чиновника из Пекинского Бюро культурного наследия по имени Сун Лян, он же мистер Подделка. Бертон любезно ввел Дэвида в мир искусства и любителей приобретать предметы старины. Дэвид тоже был почти уверен, что именно Сун похитил шкатулку, а когда того нашли мертвым в Сиане, он отправился туда для дальнейшего расследования.

Работодатели Суна отправили его в Нью-Йорк, чтобы он попытался приобрести для государства серебряную шкатулку. Ему не повезло, как и остальным из нас, но он понял, что и другие тоже охотятся за этим столь желанным предметом. Кто знает, какие мысли пришли тогда ему в голову? Возможно, Сун не сумел устоять перед яркими огнями и богатством Нью-Йорка, и ему тоже захотелось получить хотя бы часть этого великолепия. Наверное, тогда он и решил использовать серебряную шкатулку в качестве входного билета в мир контрабанды. Правда, если это так, то Сун пришелся там не ко двору. Его ждала только смерть. Да, я сочувствую бедным крестьянам, которым пришлось грабить гробницы. Однако мне ни капли не жаль Сун Ляна.

Я вспоминаю Тин и Жун, которые, рискуя жизнью, спасли меня от Сяолиня, о жутких условиях их жизни. Несмотря на бедность, у них было чувство собственного достоинства, которого лишены многие участники этой драмы.

Люди, которым я поведала эту историю, спрашивали меня, как я догадалась, что Лю Дэвид полицейский, когда увидела его на рынке у Басянь Гун. Обычно я отвечаю, что это всё женская интуиция. Однако я немного лукавлю. На самом деле ответ очень прост. Мой возлюбленный — полицейский, работающий под прикрытием. Однажды, когда мы только познакомились, я увидела его в ресторане. Он был с двумя мужчинами. Я собиралась подойти и поздороваться с ним, но Роб еле заметно мотнул головой, и я прошла мимо их столика. Именно так посмотрел и так же качнул головой Дэвид, и я все поняла. Да, я встретила его в такое время, когда чувствовала себя в относительной безопасности, потому что только что узнала результаты токсикологического анализа тела Бертона. В иных обстоятельствах я могла бы увидеть его в ином, неверном свете.

Дэвид ведет свое расследование, и ему удалось выйти на одного или даже трех коррумпированных сотрудников таможни. Допрашивают и некоторых сотрудников «Се Гомеопатик». Что касается Чжана Энтони, то он, скорее всего, останется безнаказанным. Он утверждает, что не знал, чем занимался его сын, и, возможно, так оно и было. Он не первый родитель, с удивлением узнавший о другой сторо-

не жизни своего отпрыска. Однако он много лет продавал ценности из гробницы Линфэй. Вопрос заключается в следующем: истек ли срок давности этого преступления? Серебряную шкатулку Дороти нашли в багажнике машины Сяолиня. Это его вторая машина помимо белого «лексуса», на этот раз красный «БМВ». На разбитом «лексусе» у обочины дороги среди холмов, окружающих Пекин, нет номеров, но его серийный номер вывел на Сяолиня.

Теперь, когда, выражаясь метафорически, голова «Золотого лотоса» отрублена, эта группа головорезов Чжана Сяолина почти перестала существовать. Несколько ее членов были арестованы в Торонто за участие в операции по контрабанде ценностей, организованной доктором Се. Скатертью дорожка — больше сказать нечего.

Это означает, что я могу вернуться домой. Теперь мой маленький викторианский коттедж стал мне еще дороже. Однако после стольких месяцев я все же пошла на одну уступку: позволила Робу сделать ворота в ограде между нашими задними двориками, так что теперь он может попасть в мой дом через черный вход. Ему я говорю, что согласилась на это, чтобы иметь возможность остаться в своем доме, если он опять перейдет дорогу какому-нибудь негодяю, и в следующий раз ему придется жить в гостинице одному. На самом же деле я просто хотела показать, насколько Роб для меня важен.

Перед тем как мы покинули Китай, Дженнифер прилетела в Пекин, и мы все вместе отпраздновали

еще не наступившее Рождество. Робу пришлось задержаться на несколько дней, чтобы уладить дела с Дэвидом, поэтому мы выслали Дженнифер билет. Мы посетили Запретный город, Великую стену, бродили по кварталу хутунов, делали покупки на базарах — всё то, чем занимаются туристы, приехавшие в Пекин. Все люди были очень дружелюбны, всё, что мы видели, представляло собой шедевр. Наверное, несмотря на все случившееся, я снова влюбилась в Пекин.

Одним из интересных моментов в нашем совместном времяпрепровождении было приглашение на ужин домой к Лю Дэвиду. Его квартира была скромной по сравнению с апартаментами Се Цзинхэ, но очень уютной. Быть приглашенным в китайский дом — большая честь. Среди гостей была элегантная женщина по имени Ли Лили, сотрудница Дэвида. Сначала я не узнала ее без ношеной одежды и фальшивого шрама на щеке. Возможно, Дэвид и не отвечал на мои звонки, но зато он позаботился о том, чтобы за мной постоянно наблюдали.

Я все же зажгла благовония в память о Бертоне в прелестном даосском храме «Белое облако» — безмятежном и милом уголке среди шума и суеты пекинских улиц. Бертон был необычным человеком, но по-своему преданным искусству и истории. Я вспоминаю о нем всякий раз, когда захожу в Коттингемский музей, где теперь другой человек возглавляет отдел азиатского искусства, названный так Дороти Мэттьюз и появившийся благодаря по-

жертвованиям Джорджа. Странно, как все иногда может обернуться.

Не могу сказать, знала ли Дороти об опасности, которой меня подвергала, а если знала, было ли ей все равно. Если Джорджу и известен ответ, то он предпочитает помалкивать. Наверное, Дороти думала, что, решив передать шкатулки Линфэй музею в Шаньси, она не только убедит меня исполнить ее просьбу, но и сможет избавиться от чувства вины. Джордж Мэттьюз передает две шкатулки из своей коллекции музею, где все три воссоединятся впервые за шестьдесят лет.

Мао Цзэдун, которого презирала Дороти, часто пользовался стратегией, которую окрестил «выманивание змей из логова». Он поощрял людей публично критиковать режим, а затем обращал эти слова против них. Таким образом, обвиненные за свои убеждения, эти люди становились объектами всеобщего поношения. Многие из них умерли. Мне кажется, что Дороти тоже пыталась поступить подобным образом, используя серебряную шкатулку в качестве приманки, чтобы выявить контрабандиста. И в результате этой уловки тоже погибли люди. Но, возможно, больше всего на свете Дороти мечтала отыскать своего любимого и давно потерянного брата. Я пытаюсь посочувствовать ей. Маленькая серебряная шкатулка послужила своего рода посланием к брату: я здесь, найди меня. Однако это послание получили люди, истолковавшие его совершенно иначе, решив, что кто-то узнал про их контрабандистскую деятельность.

Какими бы ни были намерения Дороти, я не стала носить жемчужные бусы, которые она мне оставила. Я собираюсь передать их благотворительному аукциону в обмен на налоговую расписку. Думаю, что лучше всего остановиться на организации, помогающей женщинам уйти от издевающихся над ними мужей. Время от времени я вспоминаю, что Дизелю, коту, который охраняет наш магазин, не понравилась Дороти. Теперь, если кто-нибудь войдет в магазин, а кот убежит в подсобное помещение, я стану внимательнее приглядываться к этому человеку.

В гробнице Линфэй оказалось стихотворение, выбитое на камне. Дэвид попросил каллиграфа и художника сделать для меня иллюстрированную копию этих пяти строчек и оформить их в рамку. Это произведение прекрасно: поля украшены пионами, а внизу изображен зимний пейзаж и прелестный китайский домик в снегу с крышей в стиле эпохи Тан. Оно занимает почетное место в моем доме. Дэвид прочитал мне эти красивые строки и подарил перевод. Он говорит, что перевод не может точно передать суть оригинала, только слова. Думаю, это стихотворение с любовью посвящено дорогому умершему человеку. Оно имеет для меня большую ценность, чем любой жемчуг.

Завершая рассказ о китайском алхимике и ее серебряных шкатулках, должна честно признать, что, если вы ищете рецепт эликсира бессмертия, мне нечего вам ответить.

Оглавление

Литературно-художественное издание
Нескучное чтиво

Гамильтон Лин

КИТАЙСКИЙ АЛХИМИК

Выпускающий редактор *С.Г. Седова*
Корректор *И.Б. Ефимова*
Верстка *И.М. Сорокина*
Подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес для направления корреспонденции:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес и адрес местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 24.10.2011. Формат 70×90 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 4000 экз. Заказ № 4359.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Антиквар Лара Макклинток должна приобрести на нью-йоркском аукционе старинную серебряную шкатулку династии Тан: по слухам, внутри шкатулки выгравирована алхимическая формула бессмертия. Однако неожиданно шкатулка исчезает и появляется вновь уже в Пекине, где вокруг этой старинной вещицы разгораются нешуточные криминальные страсти. Ларе предстоит отправиться в Поднебесную и разгадать тайну старинной китайской шкатулки...

Роман «Китайский алхимик» известной канадской писательницы Лин Гамильтон завершает цикл детективов о приключениях владелицы антикварного магазина Лары Макклинток.

ISBN 978-5-9533-6456-0






Китайский алхимик
Лин
Гамильтон